

Дуня Смирнова С мороза

«Смирнова Д. С мороза»: Сеанс, Амфора; СПб.; 2007
ISBN 978-5-367-00379-6

Аннотация

В сборник вошли статьи и рецензии сценариста, режиссера и публициста Дуни Смирновой. На пересечении девяностых и двухтысячных она писала о людях и книгах, явлениях и курьезах, писала легко и точно. Эта книга – коллективный портрет людей новейшей эпохи.

Дуня Смирнова С мороза

ЧАСТЬ I БЕДНЫЕ

ПАКЕТИКИ, НАПРИМЕР

Мне в последнее время совершенно не нравится тот образ русских, который складывается у человечества. Я с этим образом не согласна. Диким я считаю этот образ.

Вот, например, говорят, что мы пьяницы. Ну какие мы пьяницы! Мы просто пьем много. И то не всегда.

А недавно один чрезвычайно глупый немец сказал, что русские очень расточительные и легкомысленные, никогда ничего не берегут. Я даже рассмеялась ему в лицо.

Вот приходит ко мне как-то раз подруга за ботинками для сына.

Я ей говорю:

– Тебе пакетик дать? Она мне отвечает:

– Что ты, у меня свой есть.

Достаёт из сумки полиэтиленовый пакетик с ручками. Аккуратно так сложенный, совсем почти новый. Я ей говорю:

– Зачем же такой хороший пакет портить? Я тебе похуже дам.

Пошли мы с ней на кухню. У меня там на двери огромный мешок висит с этими самыми пакетиками. Они все разные.

– Выбирай, – говорю, – любой. Мне не жалко.

– Ой, – говорит подруга, – как их у тебя много!

В общем, выяснилось, что мы обе никогда пакеты не выбрасываем. Так меня это поразило, что я тут же позвонила маме.

– Мам, – говорю, – ты пакеты выбрасываешь?

– Нет, конечно! А что, тебе пакет нужен?

– Да нет, – говорю, – это я так спросила. А скажи, ты еще что-нибудь не выбрасываешь?

– Крышки от банок заворачивающиеся. Банки, правда, выбрасываю.

– А зачем же крышки тогда?

– Да как-то... сама не знаю.

– Понятно.

Звоню отцу:

– Папа, скажи мне честно, твоя жена что-нибудь не выбрасывает? Баночки какие-нибудь, крышки, пакетики...

– Моя жена ничего не выбрасывает. Никогда.

Так, думаю, с этими понятно. Это дети войны, у них память о прошлом. Но вот у меня-то это откуда?

Стала звонить друзьям. Например, позвонила другу-композитору. Сорок лет мужчине, войну явно не застал, но тоже собирает крышки от банок. Правда, пластмассовые. Самих банок не хранит. Подруга-флористка (тридцать пять лет, войну не застала) никогда не выбрасывает веревочки. Аккуратно их сворачивает и кладет в шкаф. Также хранит все красивые бумажки от подарочных упаковок. Одноклассница Ксюша не выбрасывает обувные коробки. Зачем – сама не знает. Андрей, не заставший войну друг детства, постоянно хранит стеклянные банки. Тридцатидвухлетняя кузина не выкидывает клеенки.

А какое несметное количество людей не выбрасывает пластиковые бутылки из-под воды! Они извлекают из них невероятную пользу – тут тебе и для рассады, и цветы поливать, и воронку для бензина сделать, и брызгалку для ребенка. А один знакомый мужчина обрезанной пластиковой бутылкой из-под шампуня кровяную колбасу делает, в кишку фарш выдавливает.

Недавно захожу к приятельнице. Муж у нее не то чтобы новый русский, просто интеллигентный человек из Сухуми. Они недавно купили прекрасную квартиру и сделали в ней ремонт. Позвали меня посмотреть. Вот водит меня Алена по квартире.

– А тут, – говорит, – у нас кладовая.

Смотрю – действительно, прекрасная кладовая, вся завалена коробками. Из-под телевизора, из-под кухонного комбайна, из-под магнитофона, утюга, обуви.

– А чего ты коробки-то не выбросила?

– Знаешь, – говорит Алена, – если опять куда-то переезжать, то очень же удобно все в коробки упаковывать.

– Так вы же только переехали.

– Ну и что? Мало ли что может случиться. – И задумалась.

Я тоже задумалась. Меня поразило это вот «мало ли что». Я его уже не в первый раз слышала. Когда я спрашивала друзей, зачем они собирают те или иные вещи, друзья как-то грустнели, жались, мялись, но потом обязательно говорили это самое «мало ли что». Я и сама-то со своими пакетиками так же думаю. Мало ли что? Вдруг завтра война и пакетиков не станет? Ни у кого их не будет, а у меня будут. Хотя бы на первое время. У кого-то будут веревочки, у кого-то крышки. Можно будет меняться.

Или даже случится не война, а просто какой-нибудь страшный природный катаклизм. При катаклизмах же обязательно что-нибудь пропадает. Так ведь могут и пакетики пропасть!

А если коммунисты придут?! Это ж еще хуже, чем война и катаклизм! Тогда вообще все

пропадет. А то, что не пропадет, все равно отнимут. Дачи отнимут, машины, драгоценности, я уж не говорю о деньгах. Деньги вообще в этой стране хранить бессмысленно – сегодня это деньги, а завтра глядишь, и нет никаких денег. Да и сегодня иногда глядишь, а их нет.

А веревочка – она и при коммунистах веревочка. Крышка опять же. Коробка. Их не отнимут. Поэтому их-то как раз и имеет смысл хранить. А не деньги-дачи-машины. Вот в этом и есть наша предусмотрительность и бережливость. Мы же не немцы какие-нибудь глупые. Мы точно знаем, что есть в мире что-то вечное, постоянное, неподвластное ни времени, ни правящей партии, ни режиму. Пакетики, например.

«Московские новости», 21.07.1998

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Друзья мои, духовность! Снова духовность! У России свой путь, и это не путь материального благополучия. Мы забыли об этом. Мы обросли мелкими бытовыми привычками, перестали сморкаться в занавески, мы слишком много сил потратили на борьбу с кариесом. Правильно ли мы поступали?

Может, и правильно. Но нам это не подходит. Это насилие над страной, издевательство над национальным характером. Что немцу хорошо, то русскому – смерть. Да что там немцу, богатею и толстяку! Что бедному мексиканцу хорошо, то русскому нельзя. Текила? Послушайте, это же смешно!

Зачем, ну зачем русскому человеку столько сортов стирального порошка? Зачем этот мучительный выбор? У нас есть дела поважнее, у нас миссия, как-никак. В чем она? А вот это действительно вопрос. Это выбор. Надо об этом думать, а не о том, какую фитюлину купить, ту или эту.

Но с другой стороны, осознание миссии должно происходить постепенно, плавно, вместе с медленным и печальным исчезновением товаров народного потребления. Должно быть зрелое решение, с предшествующими метаниями и сожалениями. Помнится, именно такова была тема незаконченной богословской диссертации Арамиса: расставаясь с мирской суетой во имя Бога, необходимо испытывать сожаление, иначе никакой жертвы не получится. Мы согласны с Арамисом.

Поэтому, чтобы жертва получилась, мы должны немного посожалеть, хотя бы для приличия. Попрошаться с обществом потребления, покряхтеть над зачатками буржуазности, попричитать над прикипевшими к сердцу привычками. А потом уже смело и строго взглянуть в лицо будущему и узнать в нем знакомые черты духовности.

Потом будет подвиг. А сначала немного малодушия, легкая истерика. Это будет по-человечески, просто и убедительно, без показной святости. Итак, начнем.

Прощай, милая Сара Манзани, визажист фильма «Эвита»! Ты принесла в наши семьи нелегкий вопрос: чему никогда не помешает дополнительный объем? Ты утверждала, что ресницам. Позволь-ка, голубушка, с тобой не согласиться. Дополнительный объем не помешает квартире. Поэтому иди-ка ты, Сара, туда, откуда пришла. Впрочем, не расстраивайся – мы будем вспоминать тебя.

Зачем, зачем Людмила Кузоватова, мать семерых детей, так высокомерно отказывалась от двух пачек обычного порошка и выбирала «Тайд»? Ведь две пачки обычного порошка – это огромное богатство, о котором скоро мы все будем мечтать, а «Тайд» – это сон, эфемерность, иллюзия.

Прощай, умытая Россия! Не будет тебе больше ни мыла «Сейфгард», ни шампуня имени Джонсонов, ни средства от прыщей. Здравствуй, баня раз в неделю!

Омоем слезами свои пластиковые карты, эти маленькие прямоугольные кусочки счастья! Их выпуклые буквы и циферки мы не раз еще будем ласково трогать своими морщинистыми руками, рассказывая внукам о баснословном времени банкоматов, странных урчащих машинок, выдававших деньги всем желающим.

Прощайте, Болгария, Турция, Тунис и Египет! Гуд бай, Америка, о! Не зря мы, как безумные, фотографировались под каждой пальмой. Приветствуем вас, предсмертная морошка, трепещущий ольшаник, клен и рябина, ясень и тополь, дубы-колдуны.

Дорогие прокладки с крылышками! Мы ненавидели вас всей страной, как немецко-фашистских захватчиков. И наконец враг бежит! Вата и тряпки – вот наш удел.

Йогурт. Как тяжело расставаться с тобой. Густой и полезный, нежный, как мамины руки, наша любовь к тебе была преданной и благодарной. Но – дан приказ тебе на запад, нам же – в другую сторону.

Пейджеры и радиотелефоны, роскошь человеческого общения! Вы делали мир таким маленьким, а друзей такими близкими. Благотворное одиночество, длинные тоскливые письма, очередь на переговорном пункте, телеграммы без предлогов – это наше навсегда. Прощайте, картины и кампари. Агдам, друзья мои, агдам.

А что будет с недостроенными московскими бизнес-центрами? Зеркальные стекла, башенки и арочки, шедевры турецких строителей, ковровин и мрамор – идеальное пространство для будущего Дома культуры. На 28-м этаже – макраме, на 19-м – бальные танцы.

Брокеры! Займитесь вязкой собак. Это живое, хорошее дело, на него всегда есть спрос.

Менеджеры! Освойте чеканку. Это красиво, и это будут покупать. Ресторанные критики! Возвращайтесь к преподавательской работе.

Бухгалтеры! Зачем вас так много? Вяжите крючком.

Рекламные агенты! Проснитесь и пойте.

Журналисты! Умрите с миром.

Евреи! Убирайтесь в свой Израиль. Нам, к сожалению, убраться некуда.

Депутаты! Спасибо вам за все.

Товарищи! Экономика должна быть экономной.

«Московские новости», 22.09.1998

МЕТОДИКА ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ПЕРИОД ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В детстве у меня была черепаха, лицом поразительно похожая на Л. И. Брежнева. Бабушка с дедушкой подарили мне ее, потому что я хотела собаку. Черепаха была совершенно тупым безрадостным животным, которое все время заползало под диван и там гадило. Я ее ненавидела, но горевала, когда она умерла.

Став взрослой, я поняла всю глубину педагогического замысла бабушки и дедушки. Своим подарком они впервые дали мне знать, что в жизни мы не всегда получаем то, что хотим. Черепаха вместо собаки – это был урок стойкости и смирения перед неожиданностями и разочарованиями. Благодаря черепахе известие о финансовом кризисе я восприняла со стоицизмом, давно вошедшим в привычку.

И вообще я вдруг осознала, что финансовый кризис – это же прекрасно! С точки зрения педагогики – это огромная находка. Финансовый кризис привносит совершенно новые стимулы в отношения родителей и детей, в сам воспитательный процесс. А ведь на период финансового кризиса у нас просто нет более важных целей, чем правильно воспитывать детей. У нас, собственно, кроме детей, вообще теперь ничего нет. И Правительство Российской Федерации, Государственная дума, Ассоциация российских банков и Отец Всех Народов товарищ Сорос поступили совершенно разумно, подарив нам такую волшебную возможность – целиком и полностью посвятить себя формированию верных жизненных представлений у детей, нашего будущего. А то мы вдруг занялись какой-то, прости господи, ерундой – какие-то там вклады у нас появились, карточки, счета. Суета сует. Мы выросли и забыли своих детей. А мудрое руководство вдруг бац! – и напомнило нам о них.

Вот, например, дня три назад я наблюдала такую сцену. У меня в соседней квартире слева живет очень милая семья Фроловых. Фролов-отец работает строителем, Фролова-мать – бухгалтером в аптеке, а их сын Виталик учится в школе, ему двенадцать лет. У нас с этими Фроловыми общий балкон, поэтому все слышно. И вот слышу я, как Виталик говорит отцу:

– Пап, – говорит, – дай денег.

– Чего? – спрашивает отец.

– Денег, говорю, дай. Мы со Славкой в «Макдоналдс» пойдем.

– Чего?

– Пожалуйста!

Тут вмешивается Фролова-мать:

– Нечего вам туда идти. Я котлет наvertела, можешь и дома поесть. Там котлета – и тут котлета. Только деньги тратить.

– Ну мам, пап, ну мы ж договорились со Славкой, ну дайте десять рублей!

– Чего?! – говорит отец.

– Славка твой пусть куда хочет, туда и идет, – это опять мать, – а ты будешь клянчить, вообще к тете Лене в Новгород отправлю. В доме ни копейки, а он в «Макдоналдс»! Барин какой! В стране вон черт-те что творится, кризис, а ему десять рублей!

– Ну мам, ну у вас же всегда кризис.

– А ты чего хотел? Ты где живешь? В Америке? – вопит мать. – Скоро ваши «Макдоналдсы» вообще позакрывают, будешь знать.

– Это почему? – спрашивает Виталик.

– А потому. Не нужны они. Жили вон без них и еще проживем. Слава богу, огород есть, с голоду не помрем.

– Я тогда в Америку уеду, раз «Макдоналдсы» закроют, – мрачно говорит ребенок.

– Чего?! – ревет отец.

Слышатся глухие удары. Виталика Фролова учат любить Родину. Какой бы она ни была.

А вчера утром еду я в лифте. На одиннадцатом этаже входит в лифт семья. Я с ними лично не знакома, но знаю, что родители – какие-то менеджеры. Примерно среднего звена. И вот мама-менеджер говорит своей дочери лет десяти:

– Я же тебе сказала, ни в Грецию, ни в Испанию.

– А в Тунис?

– Господи, Настя, пойми ты, наконец, не можем мы сейчас ехать, денег нет.

– Что, совсем нет? Ты же говорила, что есть. – Девочка собирается плакать.

– Игорь, объясни ей, я больше не могу.

– Настя, не реви, – строго говорит отец. – Деньги есть, просто мы не можем их взять из банка. Сейчас никто не может взять деньги.

– А почему у Машки Филипповой есть деньги?

– Потому что у Маши папа в банке работает.

– А почему ты не в банке работаешь?

– Достала ты меня своими вопросами. Потому что я машины продаю.

– А как же ты их продаешь, если никто не может взять деньги?

– Ир, ты прикинь, как у нее голова варит. Вот вырастешь, пойдешь в банк работать, как Машкин папа.

– Везет этой Машке, у нее все лучше.

– Тебе не стыдно завидовать? – сердится мать. – Ну и иди, живи тогда у них, раз тебе Машин папа больше нравится.

– Не нравится. Он волосатый, – буркает Настя.

– Вот видишь! – И семья с торжеством выходит из лифта. Так девочка Настя приучается любить родителей со всеми их достоинствами и недостатками.

Но самый поучительный диалог мне удалось услышать вчера вечером. Пошла я к соседу сверху проверить испорченную дискету. Сосед Митя, в отличие от меня, в этом разбирается. Сидим мы за компьютером, а в соседней комнате Митина жена Надя, сотрудница издательства «Советская энциклопедия», беседует с их восьмилетним сыном Платоном.

– Мама, – говорит Платон, – ты поклялась на Евангелии, что купишь мне ко дню рождения микроскоп. День рождения миновал, а микроскопа так и нет. По-моему, это клятвопреступление.

Видишь ли, сын, – отвечает Надя, – человек предполагает, а Господь располагает. Мне пришлось нарушить клятву не по своей воле. Банк, в котором лежали деньги на твой микроскоп, к сожалению, прекратил выплаты. Как ты знаешь, в стране финансовый кризис. Это сказалось и на нашей семье. Тебе не купили микроскоп, папе – ботинки, о себе я уж не говорю, потому что ты ведь знаешь, мне ничего не надо.

– Мама, а с чем связан финансовый кризис?

– Я не могу ответить тебе на этот вопрос квалифицированно, Платон, я не экономист. Но я предполагаю, что он связан с трудностями экономики переходного периода. Как тебе известно, раньше нашей страной правили коммунисты. Им мы обязаны тем, что страна была доведена до полного обнищания. Сейчас мы строим другое, демократическое общество. Но это длительный процесс, для которого необходимо изменить сам менталитет нации. Такое в один день не делается. Впереди нас ждет еще много трудностей. К ним надо относиться философски.

– Мама, я стараюсь относиться философски. Но я не понимаю, почему у нас в России все время какие-то проблемы – то коммунисты и разрушение церквей, то переходный период, то финансовый кризис? Сначала ты была невыездная, затем вы потеряли деньги в «Чаре», теперь банк прекратил выплаты – будет ли конец этому?

Понимаешь, Платон, – отвечает Надя, – Россия вообще очень сложная страна. Ее судьба весьма неоднозначна. Но если ты хочешь жить в этой стране, говорить и читать на родном языке, тебе придется очень рано научиться стойкости.

– Я не уверен, – задумчиво отвечает Платон, – что свяжу свою судьбу с Россией.

– Это гордыня, – твердо говорит мать.

– Может быть, может быть. Кстати, мама, я давно хотел спросить, а Чубайс – хороший?

– Безусловно, – отвечает Надя, – а теперь иди читай своего Джойса.

Так мальчика Платона учат любить жизнь во всех ее проявлениях.

И вот я думаю: ведь не будь финансового кризиса, ни родители Виталика, ни Настины родители, ни мама Платона не смогли бы научить своих детей таким сложным вещам, как любовь к родному пепелищу и в то же время к отеческим гробам. То есть, возможно, и смогли бы, путем, например, покупки черепахи вместо собаки, но это заняло бы гораздо больше времени, сил, и неизвестно еще, принесло бы результаты или нет. Ведь не все дети так восприимчивы, как я. Поэтому, если б финансового кризиса не было, его бы стоило придумать.

Иногда, правда, мне кажется, что его и придумали. Просто для того, чтобы объяснить нам что-то важное и нужное про жизнь и Родину. Как детям. Мы ведь, в сущности, и есть дети. Их дети – Правительства Российской Федерации, Государственной думы, Ассоциации российских банков, товарища Сороса. А они – наши родители.

Мы их спрашиваем: «Когда ж это все кончится?»

А они нам в ответ: «Чего?!»

«Московские новости», 25.08.1998

РЫБИЙ ЖИР

Предупреждение

Детство, да. Так ведь? Ведь именно детство вы любите вспоминать, мои крошки? Дневной сон, Новый год, мама в кримплене и папа на футболе. Да? Ну что ж, шас вам будет детство.

Молоко. Кипяченое, с тонкой пенкой, сморщенной, как обезьянья ладонь.

Пряники. Каменные, как пол в метро.

Ирис. «Золотой ключик», в котором навсегда остались молочные зубы в количестве четырех штук.

Суп. В нем плавали ошметки мутно-прозрачного, как медуза, репчатого лука.

Горчичники.

Снова молоко. Но уже в качестве лекарства, с содой, маслом и боржомом. Не рецензируемо.

И вот – вступают медно-духовые, затем ударные, к ним присоединяются струнные щипковые – апофеоз всего, смерч вкуса, ураган аромата, атомная бомбардировка, фашистские эксперименты на людях, ну как, как это еще назвать?! РЫБИЙ ЖИР, короче говоря. Лекарство для маленьких негодяев. Вспомнили, тютки? Вижу, вижу, что вспомнили. Но недостаточно. Сейчас будем сильно вспоминать, по-взрослому. Сначала вспомним вкус.

Вкус

В детстве меня окружали гады. Мама с папой были гадами. Бабушка с дедушкой – тоже гады. В детском саду – сплошные гады, больше там вообще никого не было. Самые гады сидели в поликлинике, это было такое сборище гадов, такое! И вот все эти гады собрались вместе, в какой-то своей не известной никому гадской норе, и придумали змеиное слово «рахит». У меня, прелестной плоскостопой девчужки, рахит! Сперва они загадили воздух, накормили меня смесью «Малыш» из металлической крошки, не дали мне света и тепла, заставили мандарин расти только зимой, а потом они же и заявляют, что у меня рахит! И вот для этого рахита они стали меня травить рыбьим жиром, в котором есть витамин D.

По вкусу рыбий жир не напоминает ничего. В природе просто нет ничего, что имело бы такой вкус. Вы скажете – рыба. Так нет же, вы, у рыбы совсем другой вкус, у нее вкус рыбы, а не вот этого вот. Маслянистая жидкость стекает по подбородку, жесткая салфетка в руках мамы-гадины растирает жидкость по лицу, а папа-гад держит меня за руки. Мой рот крепко закрыт. И тогда эти люди безнадежно портят то, что мне дороже всего на свете, – бородинский хлеб. Они капают эту вещь на мой любимый бородинский хлеб.

«Пойди сюда, деточка, – говорят они с добротой на лицах. – Съешь кусочек хлеба».

Я ничего не забываю. Никогда. Я помню все: и как они не купили мне красный шлем витязя, а купили только красный меч витязя; и гречневую кашу; и «не рисуй слюнями на обоях»; и рейтузы – боже, как же я ненавижу рейтузы! – зеленого цвета; и «не ешь козявки»; и как меня не забрали в среду.

И вот я мщу. Я все продумала.

Проснувшись утром и от души порисовав слюнями на обоях, я умылась, быстро поела козявок и пошла по аптекам. Я обязательно должна была найти рыбий жир. Настоящий, масляный, в желтом отвратительном аптечном пузырьке. Таков был мой страшный победоносный план. И такое горе.

Нету. Нету нигде рыбьего жира. А где был, там кончился. В аптеке на Ореховом бульваре, которую мне посоветовали в справочной, я спросила:

– У вас есть рыбий жир?

– Жидкий или в капсулах?

Ах в капсулах! Никаких капсул мне в детстве не давали, чтоб все жидкое было, я сказала!

– Норвежский или отечественный?

– Отечественный, солнышко, отечественный.

– А отечественного нет. И я не солнышко. Я вас вдвое старше.

– Как нет отечественного? Как не солнышко? Тогда норвежский, мамаша.

– Я вам не мамаша. Тридцать семь тысяч, отдел готовых форм. Пробивайте.

Ну что делать, я пробила. А зря. Просто выброшенные деньги. Это не то! Не то, вы понимаете?! Нет вкуса. Нет **ВООБЩЕ** никакого вкуса! Это не рыбий жир, это профанация. Будем искать отечественный. Со вкусом.

Засада

Для начала я позвонила в Минздрав. Я хотела узнать, где и в каких количествах производят российский рыбий жир. Но задача, представлявшаяся мне поначалу элементарной, оказалась дьявольски сложной. Очень скоро мне пришлось осознать, что если я найду рыбий жир, то это будет венцом моей карьеры.

Из приемной министра меня любезно отправили в приемную первого заместителя министра. Из приемной первого заместителя я была отослана в комитет по питанию. Оттуда мой телефонный путь лежал в инспекцию по контролю за качеством лекарственных препаратов. В инспекции очень удивились и посоветовали обратиться в фармакологический комитет. На третий день я дозвонилась в фармкомитет и была отправлена к начальнику группы.

Начальник группы, женщина Татьяна Александровна, первой стране честно сказала мне, что не знает, где у нас производят рыбий жир. И в каких количествах. Может быть, сказала смелая женщина, его не производят совсем, потому что у нас отравлены воды и в этих водах плавают отравленные рыбы.

Я задумалась. Я уже поняла, что помощи мне ждать неоткуда, надо действовать в одиночку. Может быть, придется даже нарушить какой-нибудь закон. Например, убить кого-нибудь. Или что-нибудь выкрасть. Я чувствовала, что мне понадобится вся моя хитрость, вся мощь моего изворотливого ума. Итак, я снова позвонила в справочную. Мне сообщили адрес единственной аптеки в Москве, где в тот момент был отечественный рыбий жир. Я поехала на Каширское шоссе, предварительно приклеив себе бороду. В аптеке мне, естественно, сказали, что рыбий жир только что закончился. Я не удивилась.

Возможно, за мной следили и уже сообщили в аптеку о моих странных пристрастиях. Спокойно выйдя на улицу, я пошла искать телефоны-автоматы, внимательно наблюдая, нет ли за мной хвоста. Из третьего автомата я позвонила в ту же аптеку, в которой только что была. В отделе готовых форм мне сказали, что про рыбий жир надо звонить в отдел приемки.

Любовь Нишановна, руководитель приемки, принимала товар. Она принимала его два часа сорок пять минут. Через три часа я уже разговаривала с Любовью Нишановной.

– Нет, я не знаю, кто производит рыбий жир. Но поставляет нам его фирма «Медэк-Москва». Запишите их телефоны.

В фирме «Медэк-Москва» телефон был занят навсегда. Но зато на складе фирмы телефон работал. Мне решительно везло. Мой банальный план положиться на русскую безалаберность сработал! Что за страна! Воистину у нас правая рука не знает, что делает левая. Я позвонила в отдел реализации, и мне сразу же сообщили, что рыбий жир они получают на Тверской фармацевтической фабрике.

Сотрудники отдела просто забыли, что производство рыбьего жира – военная тайна.

Я ликовала. И я поехала в Тверь.

Тверь

Для любого жителя столицы выезд из Москвы – это несколько пугающая, но важная встреча с родной страной. Поэтому по дороге в Тверь я предавалась конвульсивному патриотизму.

Золотая русская осень окрасила позднюю листву русских деревьев во все цвета русской радуги, кроме синего. Желтели огнем русские клены, тихо шептала своими багряными листьями русская осина (впрочем, возможно, это была русская ольха). Зеленели русские сосны. В районе Завидово русские женщины торговали тыквами прямо на русской дороге. Мелькнула русская река Шоша с надписью на мосту «riv. Shosha». Я вспомнила, что на Shoshe в прошлом году отдыхал глава русского государства – русский president. И мысль моя потекла по бурному руслу политических и социальных катаклизмов, преследующих мою отчизну. Я ехала на Родину, в суровый край, я ожидала увидеть воочию, как строгие сильные люди, без зарплаты и веры в правительство, варят рыбий жир, несмотря ни на что и вопреки всему.

Вместо сурового края с возвышающейся на горе церковью я въехала в город, где на первом же перекрестке мой взгляд остановился на надписи «Секонд-хэнд». Именно так – «се», но «хэ». Затем на улице Ленина меня подстерегал магазин «Reebok». На проспекте Победы торжествовали шейпинговый клуб и обувь фирмы «Ессо». Наконец я выехала из города и оказалась у железных ворот Тверской фармацевтической фабрики.

Пахло лекарствами. Главный инженер фабрики Диана Александровна долго не могла понять, чего я от нее хочу.

– Мы не производим рыбий жир, поймите, в Твери же нет трески!

– А разве его делают только из трески?

– Нет, из путассу, из макроруса, я слыхала, даже из минтая стали делать.

– А кто же его делает-то? – осторожно завопила я.

– Да не волнуйтесь вы так, сейчас я вызову заводделом поставок, она вам скажет.

Заводделом поставок, Екатерина Сергеевна, посмотрела на меня с подозрением:

– Из Москвы, значит?

– Из Москвы. Вот рыбьим жиром интересуюсь.

– Так мы его только фасуем. К нам он поступает в канистрах или баллонах.

– От кого поступает?

- От наших партнеров.
 - От каких?
 - Я вам этого не скажу, это наша тайна.
 - Но почему?
 - Так конкуренция же! Может, вы нашим конкурентам скажете.
- Екатерина Сергеевна гордо выплыла из кабинета главного инженера.
- Диана Александровна, ну скажите, пожалуйста, где, в каком месте его делают!
 - На Севере. В Мурманске.
 - А почему это тайна? Это военная тайна?
 - Да нет. Коммерческая. Рынок ведь.
- И мы заговорили про рынок.

Несколько лет назад фабрика была приватизирована. Оказалось, что, вопреки моим ожиданиям, она приносит прибыль, и сотрудники фабрики регулярно получают вполне приличные дивиденды. Кроме того, рынок принес еще одно новшество – мужчины на фабрике не пьют. Мужчин тут мало, в основном в механическом отделе. Тут даже грузчики – женщины. Но зато и грузчики не пьют. И механический отдел тоже не пьет – все держатся за работу. Фабрика выпускает настойки и экстракты из трав. А рыбий жир здесь действительно только фасуют. Для внутреннего и внешнего употребления.

- А как это его для внешнего употребления можно использовать?
- Так он же входит в состав мази Вишневого. И других мазей тоже.
- А как вы с ним работаете – он же пахнет?!
- У нас тут все пахнет. Мы привыкли. Да и потом мы с ним теперь не так уж много работаем. Раньше намного больше.
- Вот я как раз и хочу выяснить, почему его раньше было больше.
- Потому что сейчас в рыбах стали находить пестициды. Несколько лет назад нам вообще перестали его присылать. Сейчас потихоньку опять начали.

В этот момент в кабинет к Диане Александровне входит немолодая стройная дама со следами когда-то яркой русской красоты. Раиса Сергеевна занимается кадрами.

- Вы из Москвы? – приветливо спрашивает она.
- Из Москвы.
- А Леночку Ходорковскую знаете?
- Нет. Да потом... – неловко мнусь я, – Москва-то большая.
- Ну да, ну да, я понимаю. Ну а Мишу Ходорковского вы знаете?
- Э-э, – я несколько дурею, – какого?
- Ну из «МЕНАТЕПа».
- Я с ним не знакома вообще-то. А что?
- Ну, если познакомитесь, передавайте привет от тети Раи из Калинина. Леночка, жена его, она ж дочка моей двоюродной сестры. Я ее очень люблю. Передайте ей.

Вот я и передаю. «Дорогая госпожа Ходорковская! Леночка! Вам привет от тети Раи из Калинина. Она Вас очень любит. А Вы ее любите? Напишите нам, пожалуйста, об этом. И еще напишите, кормили ли Вас в детстве рыбьим жиром. До свидания, успехов Вам. Всегда Ваша, Дуня».

После этого эпизода мне на фабрике стало очень хорошо, я осмотрела цеха, попила кофе и поговорила с Дианой Александровной про Чубайса, которого мы обе очень уважаем и где-то даже любим. На прощанье мне подарили флакончик. С рыбьим жиром.

Рыбий жир как таковой

Я ехала домой, прижимая его к сердцу. Вот он, заветный, вот он, желанный мой. Я так долго искала его, что успела его полюбить. Я столько знаю про него! Я знаю, что он очень полезный. Я знаю, что витамин D находится в нем в своем первозданном природном виде, а не в синтезированном, как в иностранных поливитаминах. Я знаю, что он действительно помогает от рахита. Впервые им стали целенаправленно кормить население после войны, когда слабых и голодных детей в победившем СССР было немало. Дети потом выздоровели, но рыбий жир,

производившийся в стратегических количествах, отменить как-то забыли, как, впрочем, и рахит.

Он не виноват, что нам его пихали. Просто добрая, заботливая партия хотела нас всех вылечить. Конечно, немного перестаралась. Конечно, не все страдали рахитом. Но ей, партии, было некогда с нами разбираться, она была занята и поэтому решила на всякий случай вылечить сразу всех. Вот мы и возненавидели рыбий жир. А он ни в чем не виноват!

Дрожжами руками я отвинтила крышку флакона. Стучащими зубами вытянула пробку.

Глотнула. А-а-а-а-а-а! Караул! Все в бомбоубежище! Воздушная тревога! Смерть врагу! Гитлер капут! Это пить нельзя.

– Але, мама? Мамочка, приезжай ко мне, я так соскучилась!

Запах

Да, мама, да, голубушка, запах тебе не нравится. А мне, думаешь, нравился, а? В фармакологическом комитете Минздрава мне сказали, что можно делать и без запаха, как у норвежцев, но на это денег нет. Знамо дело, откуда ж им взяться-то?

Ты, мама, наверное, ждешь от меня морали и горестных обобщений? Так нет же. Я вот что думаю: жалко все-таки, что теперь рыбий жир мало употребляют. Потому что рыбий жир – это великая тренировка. Это тест. Вопрос теста очень простой: можете ли вы жить в этой стране? Тот, кому не довелось попробовать настоящий русский рыбий жир, так никогда и не узнает, так и не решит, на своем ли месте он находится, не ест ли чужой хлеб, не женат ли на чужой жене, своих ли детей растит. Так и будет он всю жизнь сомневаться. Потому что только наш рыбий жир содержит помимо витамина D массу полезных сведений о России. О том, что жизнь здесь сложна и не всегда приятна. Но очень полезна. О том, как важно уметь взять себя в руки, зажать себе нос и стойко делать то, что тебе скажут. О том, что, только осознав свинцовую мерзость жизни, можно по-настоящему оценить ее кисейную прелесть. О том, что русская соборность живет и побеждает – если рахит, то у всех. И не надо выделяться из коллектива.

Жаль, что сейчас никто не пьет рыбьего жира. Из-за этого мы несколько подрастеряли свои подлинные духовные ценности. Как же мы дальше-то? Как обустроим Россию? Нужно что-то срочно сделать. Напрячься и придумать что-нибудь взамен. Не рахит, так хоть кариес. Что-нибудь. Что-то, что опять нас всех объединит.

Вряд ли поначалу это будет красивая национальная идея.

Но мы найдем ее. Я знаю. Я верю в свой народ.

«Столица», 28.10.1997

ТРАКТАТ О ВРАГАХ

Я не знаю, как у вас, а у нас на петербуржщине кризис. Каждая заметка в каждой газете обязательно содержит слово «кризис». Юбилей дирижера Темирканова рецензируется – без кризиса никак не обойтись, культура все-таки. Судьба макак-лапундеров (они же свинохвостые макаки) – кризис, поскольку зоология, натурально. На Гражданском проспекте мужчина поскользнулся – так само собой, в городском хозяйстве кризис с песком. Дяденька-риелтор сел в тюрьму – давно пора было ему туда, но кризис про него такое выявил, такое! В Шлиссельбурге неоплаченные рабочие заперлись в единственной котельной и сказали, что здесь теперь будет город-льдина, – администрация их выманивает, потому что денег все равно не будет, кризис.

И постепенно становится понятно, что кризис – это то, что нам давно уже было нужно. Это, собственно, и есть та самая национальная идея, которую так упорно ищут. Не надо больше искать – вот она, сама к нам пришла, добрая и сильная. Ведь в национальной идее что главное? Чтоб она всю нацию объединяла. Поразительно, почему мы все раньше до этого не додумались?! А с другой стороны, не менее поразительно, что мы все-таки самостоятельно до этого дошли. И сейчас уже стоит вспомнить, как это произошло.

Значит, поначалу нам совершенно правильно все аналитики сказали, что в основе национальной идеи лежит сильная общая эмоция. Мы, конечно, тут немного растерялись. С

общими эмоциями последние годы было туго. То есть сильные эмоции были, но у всех свои. Но потом наше коллективное бессознательное взяло себя в руки, одумалось и поняло, что, несомненно, одна общая эмоция у нас есть. Это, извините, ненависть. Причем запасы ее в обществе неисчерпаемы.

Даже нет никакой необходимости говорить про власть, государство, правительство и лично президента. Тут уже в какой-то момент ненависть испытывать стало просто глупо. Ведь кругом столько всего, мир так разнообразен! Вот, например, соседи. Соседи созданы для ненависти, никакого другого смысла в них нет. Или коллеги. Начальство опять же. Подчиненные – какой здоровый человек их полюбит?

Транспорт – школа ненависти. Магазин – неиссякаемый источник. Подъезд с курящими подростками; подъезд с сидящими бабульками; он же без лампочки; там же воняет; на стенах слова; лифт не работает. Потом наконец мы входим в родной дом. Дома нас что поджидает? Заговор. Кто его организовал? Родственники. А родственники – они нам кто? Правильно, враги.

Взаимная ненависть пешеходов и автомобилистов всем известна. Проводников и пассажиров связывают те же отношения. Работники ЖЭКа и жители дома отродясь не испытывали друг к другу ничего, кроме ненависти. Попы ругают прихожан, прихожане – попов. Журналисты и читатели воюют непримиримо. Врачи, как известно, убийцы. Санитары – оборотни. Учитель – враг ребенка. Поэты не убивают композиторов только потому, что ждут, когда режиссеры начнут мочить актеров. Отношения собесовских работников с собесовскими клиентами напоминают отношения гестапо с партизанами. Рабочий терпеть не может интеллигента, интеллигент на дух не переносит крестьянина, крестьянин ненавидит всех с полным на то основанием.

И это только часть действительности, ее одушевленная составляющая! А есть еще ведь богатейший вещный мир, не менее нам враждебный! Бытовая техника, засорившаяся канализация, панельный дом, вздувшийся паркет, зависший компьютер, непарные носки... А природные явления, они что, разве за нас? Конечно, против. В общем, все это вызывает мощный, бесконечный фонтан ненависти. Так что с эмоцией у нас давно уже наблюдался полный порядок.

Другое дело, что для полноты национальной идеи одной эмоции мало. Те же самые аналитики (тоже, кстати, довольно противные) упорно талдычили, что эмоция должна быть конструктивной. Тогда все получается. А ненависть, как известно, скорее деструктивная идея, чем наоборот. Поэтому мы долгое время были в тупике. Нашу ненависть необходимо было обогатить чем-то конструктивным и позитивным, а это совсем непросто. И вот тут, на наше счастье, подвернулся кризис.

Кризис прекрасен тем, что раз и навсегда все оправдывает, придает всему некий эгегический фатализм. Печаль моя светла, поскольку непреодолима. Ненависть наша добра, потому что бесцельна. Кризис снабдил нас всех чудесным ощущением: все мы ненавидим друг друга, но никто в этом не виноват. Оно так само произошло. И будет впредь, ничего уж тут не поделаешь. И главное, не надо ничего поделывать! Не мы его устроили, не нам его преодолевать.

Не знаю, как вы, а я необычайно остро и нежно ощущаю эту новую реальность.

Вот снимаю я квартиру. Хозяйка этой квартиры, естественно, мой заклятый враг. Она приходит без звонка, копается в шкафах, требует, чтобы я переводила ей с английского письма ее дружков, не говоря уже о том, что я плачу ей, – в общем, гадина. Раньше я бы с ней ссорилась, искала бы другую квартиру с другой хозяйкой, а теперь это совершенно бессмысленно – кризис, переезжать дорого.

Или вот в моей собственной квартире делают рабочие ремонт. Ежу понятно, что их целью является не ремонт, а полное и окончательное разорение моей семьи. Я, разумеется, рабочих этих ненавижу. Но если прежде моя ненависть подвигла бы меня к ряду активных и неприязненных действий – торговле с рабочими, шантажу, скандалам, – то теперь я понимаю, что их вымогательство, как и моя скудость, всего лишь следствие кризиса.

Работать я чрезвычайно не люблю. Соответственно, с людьми, которые заставляют меня это делать, я связана отношениями взаимной, скажем мягко, подозрительности. Но скажите, стану ли я теперь искать другую, менее обременительную службу? Решусь ли я вообще уйти в

творческий отпуск? Нет, конечно.

Коллеги, родственники, друзья – еще недавно я легко расставалась с ними во имя, например, убеждений. Теперь суеверный страх остаться наедине с кризисом удерживает меня от любых резких движений.

Более всего приятно то, что я явно не одна такая. Люди в транспорте притихли, в магазине часто можно услышать нежный шепот, в ЖЭКе витает аромат сочувствия, в поликлинике медленно расцветает волшебное братство больных и врачей, бизнесмены сменили СВ на купе, и все, все взялись за руки, друзья, но не для того, чтоб не пропасть поодиночке, а чтобы всласть пожаловаться. Всем тяжело, все потеряли, все поняли, что не от добра добра не ищут, а от худа тоже не надо искать добра. Все склоняются головами друг к другу, все ласково поглаживают друг друга по плечам, тихо утешают. Ты плохой, и я тоже. Ты меня не любил, и я тебя не жаловал. Ты виноват, но не виноват. И я такой же. Всем хорошо, все вместе. Мы снова одна большая семья.

От любви до ненависти, говорят, один шаг. Оказалось, что от ненависти до любви – еще меньше.

«Московские новости», 26.01.1999

ДЕВУШКА И СМЕРТЬ

Какой бы путь развития ни выбрала многострадальная Россия, рано или поздно мы этот путь покинем и разбредемся по гробам. А многострадальная будет дальше выбирать путь без нас. Она, в общем-то, и сейчас выбирает без нас. Заметьте, мы ведь на ее выбор никак повлиять не можем, она – отдельно, и мы – отдельно. Мы, видимо, просто какое-то этническое недоразумение, которое со временем, возможно, рассосется. То есть Россия будет, а мы – нет.

Может быть, это и к лучшему – вот так разойтись по-хорошему. А то вместе у нас как-то получается не очень. Смерть нам всем принесет колоссальное облегчение. Безусловно. Но главное – многострадальной России станет значительно легче. Она ведь именно от нас и страдает, оттого, что мы в ней живем и мешаем ей спокойно заниматься тем, что ей интересно. Запускать воздушных змеев, изучать эсперанто, танцевать румбу или что там ей еще нравится. А тут мы. Корми нас, одевай, давай нам свободу, деньги, образование, прогноз погоды. И к тому же мы все время недовольны: и коммунисты нам не нравятся, и демократы не подходят. Вот потребовали правительство народного доверия, получили его, а оно нам опять несимпатично. А Россия, значит, как золотая рыбка, должна к каждой нашей придури прислушиваться и выполнять. Так конечно она озверела, тут кто хотите озверевает!

В общем, надо нам поскорее умереть. Так будет лучше. А МВФ-то как обрадуется!.. ООН на поминках назююкается до синих соплей, Сорос что-нибудь споет, Литва с Эстонией подерутся, но потом помиряются, Клинтон с Олбрайт будут целоваться взасос прямо на глазах у Хилари, в общем, будет весело. Но, с другой стороны, не можем же мы вот так, все разом. Какое-нибудь коллективное самосожжение в масштабах целого народа – это как-то уж слишком, у человечества останется неприятный осадок. Значит, придется как-то доживать до естественного конца.

Но просто так ждать мы не можем, это не в нашем национальном характере. Мы, конечно, народ терпеливый, но беспокойный. Как куры. Все чего-то бегаем по двору, крыльями хлопаем, хотя взлететь все равно не можем. Такая уж у нас природа, надо к этому спокойно относиться, философски, не обращать внимания.

Вот, например, давайте наметим акцию протеста. Против чего, собственно, мы собираемся протестовать? А так. Что уж, и попротестовать нельзя? Ну получили мы все, что хотели, все равно ведь нам неприятно. Ельцина в отставку? Так он давно уже в отставке и самороспуске, сидит себе кушает конфеты. Зарплаты и пенсии? Так они уже в печати, вот подсохнут чуть-чуть – и пожалуйте вам зарплаты. То есть никаких конкретных претензий у нас ни к кому нет. Есть протест общего характера, мировоззренческого, так сказать.

Мы, знаете ли, недовольны. Погода отвратительная, не топят, пахнет какой-то гадостью, зубная паста пропала, дети растут негодяями, на потолке наблюдается протечка, бабушка уже совершенно ничего не соображает, пепельницы все грязные, лифчика приличного нет, набойки

некогда поставить, Вася десять рублей занял и не отдал, вчера выпили, утром просыпаемся – ни сока, ни рассола, даже чая в доме нет. Протестуем. Так жить нельзя. Но приходится!

Вот кончится акция протеста. И чем бы нам таким еще заняться? Может, птиц погоняем? Жалко, осень, почти все улетели. Или вот еще хорошее занятие – очереди. В очереди как-то жизнь полнее кажется, можно встретиться с интересными людьми, поговорить, человек эдак за сто до кассы громко, на всю очередь, заявить: «А я вот никому уже не верю! Никому!» Тут к тебе кто-нибудь повернется и скажет: «А тебя, собственно, никто и не уговаривает. Хочешь – верь, хочешь – не верь». Ну, тут, конечно, скандал начнется, пихание, придет директор магазина, произнесет что-нибудь остроумное, мы ему ответим – так, глядишь, и еще один день пролетит.

Еще хорошо перед смертью богоугодными делами заняться. Айда все работать в хоспис. Все равно другой работы нет, да и ходить далеко не надо – вот он, хоспис-то, практически везде, в каждом доме. Пьющий муж, жена-истеричка, больные дети, слабоумные старики, и все нуждаются в уходе. Поможем им!

Надо бы, конечно, до кончины дела привести в порядок, долги отдать, но это вряд ли получится. Мы при жизни-то не отдавали, а теперь уж совсем как-то глупо.

Можно, конечно, затянуть потуже пояса, все равно ведь помирать. Но, с другой стороны, и гульнуть перед смертью охота. А тут как раз ноябрьские подспеют: парад, демонстрация, случаи алкогольного опьянения – все путем.

Так. Гульнули. Что еще остается сделать? Ну, сказать что-нибудь на прощанье. Например, нижеследующее.

Уважаемое человечество! Дорогие люди доброй воли и лично товарищ Камдессю!

Сегодня, как, впрочем, и вчера, Россия находится на перепутье. В этот тяжелый для мира момент мы, народ России, считаем необходимым найти в себе мужество и уйти. Непросто нам далось это решение. Мы провели ряд консультаций, приняли все возможные меры, но ничего не помогло. Все бесполезно. Вопрос стоит однозначно: либо мы, либо Россия, кто-то должен уйти. В такой ситуации любая нация на нашем месте сделала бы выбор в пользу Родины. Впрочем, любая нация вряд ли окажется на нашем месте. И вот мы четко и внятно говорим: Россия будет, ее не может не быть. Пусть без нас, но она увидит светлое будущее и вспомнит нас добрым словом. Мы выражаем глубокую признательность всем правительствам, фондам, банкам, инвестиционным компаниям, общественным организациям за ту поддержку, которую мы чувствовали все эти годы. Они не прошли зря – за это время мы поняли, что нет в мире ничего дороже нашей Родины, в прямом и переносном смысле. Мы узнали, что такое свобода, что такое парламент и что такое камамбер. Мы оставляем Россию вам, можете спокойно качать тут нефть, пилить лес и растить картофель – нам этого больше ничего не нужно. Единственная неприятность: мы тут немножко напроказничали и создали правительство народного доверия, так вот оно останется, оно никуда уходить не собирается. Но вы уж как-нибудь с ним разберитесь. Помните, что России нужна крепкая рука, на этом как раз мы с ней и не сошлись. Не повторяйте наших ошибок, а то она и вас того, замочит. И, ради бога, не жалейте денег на наши похороны – ведь это в последний раз вы на нас потратитесь. А иначе мир ждет экологическая катастрофа. Она уже много лет тут у нас сидит, как заноза, и поджидает мир. Так что не жадничайте. На могиле установите, пожалуйста, скромную гранитную плиту с бронзовым Петром и мраморным Пушкиным (заказать можно Церетели, он возьмется). Напишите: «Здесь лежит русский народ. Весь». Предупреждаем сразу, не стоит поручать правительству народного доверия уход за могилой – оно не справится. Впрочем, решайте сами. Итак, прощайте. Вспоминайте нас, нам так хотелось еще пожить, но видите, не получилось. Всем спасибо. Слава России.

По-моему, убедительно. Я прямо слышу горестные всхлипы.

Ничего, родные! Россия-мать всех утешит. Она-то ведь остается.

«Московские новости», 13.10.1998

ЖЕЛТОЛИЦЫЕ СЕСТРЫ ПО РАЗУМУ

Лет пятнадцать назад в журнале «Здоровье» было опубликовано письмо читателя,

оставившее глубокий след в моей памяти. Письмо выглядело так: «Уважаемая редакция! Полгода назад по совету знакомых мы с женой начали пить морковный сок для укрепления организма. Выпивали мы два литра в день. Теперь лица у нас стали желтые. Что нам делать?»

Долгие годы я с интересом и некоторым душевным содроганием размышляла над удивительным характером автора письма. Я пыталась представить себе быт, социальное положение, возраст этого человека, перипетии его судьбы, обстоятельства написания этого бессмертного текста, желтое лицо его жены. И лишь недавно меня поразила мысль: каким же должен быть журнал, решившийся на подобную публикацию?

Отыскав на даче у друзей несколько пачек «Здоровья», я принялась читать. Два дня наслаждения! Ни с чем не сравнимое удовольствие от соприкосновения с кристальной, пьянящей человеческой глупостью!

Прочитав все пачки журнала, я почувствовала глубокое сожаление, внутреннюю пустоту. Казалось, ни одно из известных мне современных изданий не сможет теперь заменить мне «Здоровья». «СПИД-Инфо», «Мегаполис-экспресс», «НЛО» – все казалось мелким, суетливым и неискренним. Но отчаяние было недолгим. Теперь я читаю женские журналы. Это даже лучше, чем «Здоровье», господа.

У женских журналов есть несколько излюбленных тем и приемов, обязательных абсолютно для всех.

Во-первых, конечно, хламидиоз. Заболевание, передающееся половым путем, но не венерическое. Сифилис и гонорея – это слишком грубо для женского журнала. То ли дело хламидиоз! В нем есть изящество, легкость, он с трудом распознается и долго лечится, давая простор для советов, рецептов и рекомендаций. Хламидиоз заставляет задуматься – но ненадолго. Он назидателен – но без пафоса. Это чистый клад для журнала. Это возможность поговорить о случайных связях, смене партнера, легкомысленном пренебрежении здоровьем, личной гигиене. Тон, которым женские журналы пишут о хламидиозе, подошел бы для лекций в пансионате для девочек, больных аутизмом. «Хламидиоз передается половым путем. Это значит, что возможность заразиться подстерегает вас во время полового акта». Что-нибудь в этом роде.

Вторым любимым детищем женских журналов являются тесты. Тесты предлагается решать по любому поводу. Неутолимая жажда самопознания, по мнению журналов, делает женщину женщиной. В последнее время я стала подозревать, что где-то в потайном месте существует целый центр по разработке тестов на все случаи жизни. Иначе чем можно объяснить невиданную предусмотрительность женских журналов? Любая ситуация – от обыденной до исключительной – сразу находит свое отражение в тестах. Разброс тем – небывалый.

«Агрессивны ли вы?» (Это название теста.)

1. Если вас обозвали душой, вы:

- а) киваете в ответ – 0 очков;
- б) говорите «сам дурак» – 1 очко;
- в) хватаетесь за топор – 3 очка.

2. Если вам хочется есть, вы:

- а) едите – 0 очков;
- б) срываете дверцу холодильника – 1 очко;
- в) хватаетесь за топор – 3 очка.

И так далее.

Или вот чудесная тема теста, недавно прочитанного мною: «Как вы относитесь к смерти?». Вопросы примерно следующие:

1. При виде гроба вы:

- а) смеетесь – 1 очко;
- б) падаете в обморок – 2 очка;
- в) впадаете в кому – 3 очка.

2. Когда у вас умерла подруга, вы:

- а) смеялись – 1 очко;
- б) упали в обморок – 2 очка;
- в) впали в кому – 3 очка.³³

Конечно, особенно мне полюбились тесты на коэффициент интеллекта. В женских журналах IQ определяют следующим образом:

- «Волга впадает в Каспийское море» – это... а) парадокс – 1 очко; б) новость – 2 очка;
- в) аксиома – 124 очка.

Как вы понимаете, цель тестов на IQ здесь сугубо терапевтическая.

Третьим китом, на котором стоят все женские журналы, являются душераздирающие истории из жизни женщин.

«Оля познакомилась с Васей на дискотеке. Оля училась в одном институте, а Вася учился в другом институте. Оля и Вася стали встречаться. Однажды у Оли родители уехали на дачу. Оля и Вася остались одни. В этот вечер Оля и Вася стали близки. Через два часа Оля поняла, что беременна. Но Вася не хотел ребенка. Оле пришлось сделать аборт. С тех пор близость с Васей вызывала у Оли страшную боль, и Оля не могла достичь оргазма. Вася решил, что Оля фригидная, и стал встречаться с ее подругой Кристиной. Оля осталась одна. У нее не было желания жить. Она бросила институт. Стала пить. Употреблять наркотики. Нюхать клей. Заниматься проституцией. Однажды Вася увидел женщину, рывшуюся в помойке. Это была Оля. Он ее не узнал».

Но так, конечно, бывает не всегда. Ведь цель женских журналов – вселять в женщину оптимизм. Поэтому на следующей странице, как правило, публикуется другая история.

«Маша и Саша познакомились на дискотеке. Маша была студенткой, а Саша работал риелтором. Маша и Саша стали встречаться. Однажды у Саши уехали на дачу родители, и Саша пригласил Машу к себе. В этот вечер Маша и Саша стали близки. Очень скоро Маша поняла, что беременна. Но Саша не хотел ребенка, и Маше пришлось сделать аборт. С тех пор близость с Сашей перестала доставлять Маше радость. Саша понял это и начал встречаться с Машиной подругой Анжелой. Маша осталась одна. У нее не было желания жить. Но она преодолела себя. Закончила институт. Пошла работать. Открыла свою фирму. Вышла замуж за хорошего человека – немца. Недавно Маша приехала в Москву погостить. Проезжая в своем „мерседесе" по Ордынке, Маша увидела двух людей, рывшихся в помойке. Это были Саша с Анжелой. Маша их не узнала».

Помимо историй из жизни, в женских журналах есть еще один жанр, от которого я пребываю в упоении: статьи с советами. Советы обычно одни и те же, зато различаются ситуации, при которых этими советами рекомендуется пользоваться. Так, с одной стороны, если ваш любовник потерял к вам интерес, вам советуют надеть сексуальное белье, зажечь свечи, включить тихую музыку, приготовить на ужин что-нибудь необычное и оставить «забытыми» на обеденном столе кружевные трусики (почему-то в женских журналах слово «трусы» считается непристойным и везде фигурируют только эти омерзительные «трусики»).

Но, с другой стороны, если вы встречаетесь наедине впервые, вам тоже советуют надеть сексуальное белье, зажечь свечи, включить тихую музыку и оставить на столе кружевные трусики.

В случае осложнений на работе, усталости, плохого настроения, задержки месячных, бесплодия, безденежья, скуки, конца света журналы рекомендуют поднять жизненный тонус путем надевания сексуального белья, включения тихой музыки и зажжения свечей.

Кроме сотрудников журнала, советы читательницам дают звезды эстрады, кино и телевидения. Наташа Королева, Ольга Кабо и Светлана Сорокина в один голос твердят: спите днем, протирайте лицо огурцами, занимайтесь спортом, не курите. Мойте руки перед едой. Интервью, содержащие подобные откровения, кочуют из журнала в журнал, из номера в номер. Кому это нужно? Неужели кто-то это читает?

На эти вопросы лучше всего отвечает почта женских журналов. О, эти письма! Татьяна

Ларина, Жюли Карагина, маркиза де Мертей, госпожа Севинье – все эти знаменитые эпистолярные амазонки – бескрылые ничтожества, лишённые фантазии и чувства стиля.

«Дорогая редакция! Хочу поделиться радостью: я люблю и любима. Мы с Никитой вместе уже шесть месяцев и безумно, безумно счастливы. Но у меня есть одна проблема. У меня прыщи. Подскажите, что мне делать? Марина».

«Дорогая редакция! Мне уже 18 лет, но я еще не встретила того Единственного, кто составил бы мое счастье. Все девчонки надо мной смеются и считают, что я несовременная. Но я думаю, что секс – не главное. Главное, чтоб была любовь. Кто же прав? Светлана».

«Дорогая редакция! Мой парень не любит пользоваться презервативами, а я считаю, что это просто необходимо. Как нам быть? Ира».

«Дорогая редакция! Мой муж стал поздно приходить домой. Что это означает? Л. С. Люберцы».

Почта женских журналов убедительно доказывает, что читательницы находятся в непрерывном и страстном диалоге со своими изданиями. Гармония и взаимное удовлетворение царят в этом мире, условно называемом женским. На первый взгляд, в нем есть все составляющие нормального женского бытия – любовь, работа. Здоровье, досуг, дети, кухня. Но интонация, принятая в этом мире, вечно звенящая струна идиотизма, аккомпанирующая любому тексту, настойчиво свидетельствуют о том, что женщины – умственно неполноценная часть общества. И письма читательниц не опровергают этого впечатления.

Не могу сказать, что мысль о безнадежном кретинизме моих соотечественниц кажется мне очень уж привлекательной. Я думаю, что все-таки женские журналы над нами издеваются. Поэтому я решила обратиться с открытым письмом ко всем женским журналам сразу.

Уважаемые редакции!

Хочу поделиться с вами радостью: я очень люблю читать все, что вы пишете. Ваши советы и рекомендации вернули мне желание жить. Теперь, когда муж приходит с работы и вешает на крюк свой отбойный молоток, я встречаю его в сексуальном белье, с лицом, протертым огурцами. При свечах муж с удовольствием съедает пачку пельменей, выпивает две бутылки пива, рыгает, утирает усы оставленными на столе кружевными трусиками и, счастливый, идет спать. А я еще долго кружусь по комнате под тихую музыку. Потом быстро мою посуду, выметаю из прихожей осколки асфальта, налипшего на отбойный молоток, готовлю обед на завтра, стираю, вышиваю крестиком и решаю тест на коэффициент интеллекта. Перед сном я прочитываю какую-нибудь интересную историю в одном из журналов, профилактически принимаю таблетку от хламидиоза и засыпаю. Но у меня есть одна проблема: лицо у меня стало желтое. Дорогая редакция, что мне делать?

«Московские новости», 04.08.1998

ГРУСТНЫЙ СУБЪЕКТ

Есть такой субъект Федерации – Ленинградская область. Никаких разительных, непредставимых для других субъектов отличий у него нет. Родовые его черты до того типические, что могут даже считаться символическими. Единственной особенностью этого субъекта является то, что он – область города, которого нет на карте. В этом, впрочем, тоже есть свой символический смысл: область – советское явление.

Областное место

Ленинградская область, как и всякая другая, состоит из деревень, поселков и небольших городов. Самые вкусные так или иначе куски откусил Петербург: Пушкин (Царское Село), Петергоф, Сестрорецк имеют статус муниципальных образований, подчиняющихся правительству города. Области достались малосодержательные населенные пункты вроде Всеволожска, Тосно или Колтушей. Исключение составляет древний и бойкий город Выборг, последние годы говорящий на финском так же хорошо, как на русском. В Выборге есть замок, кинофестиваль, роскошный рынок, несколько очень приличных гостиниц и прелестный полуразвалившийся северный модерн. Больше в области ничего такого нет.

Если вдуматься, большая часть областных населенных пунктов представляет собой довольно странное зрелище – не то недогорода, не то передеревни. Для города в них не хватает инфраструктуры. Да и взяться-то ей там, в общем, неоткуда: безнадежно и навеки убыточные предприятия наполовину простаивают, а близость огромного мегаполиса создает иллюзию бессмысленности любой конкуренции с ним. Никакой собственно городской жизни в этих населенных пунктах не происходит. Никто не построит в Тосно аквапарк ни для того, чтобы привлечь в город туристов, ни для того, чтобы занять безработных. Тосно будет ждать, пока это сделает Петербург. Кингисепп не учредит оперного фестиваля по той же причине.

Для деревни же в этих местах слишком много этой самой инфраструктуры: ходит городской транспорт, строятся угрюмые многоквартирные дома, вечно гудят междугородние шоссе, плотность населения слишком велика для деревенской.

Деревня вообще не областное понятие хотя бы потому, что не административное. Не только административное. Деревни не строятся волевым решением начальства, не закладываются для обслуживания завода, они возникают и умирают сами по себе, они заводятся, как дети, друзья или вши. Для области деревня – это природный фон, вроде озер и лесов. Для деревни область – это те места, где покупают пальто и мебель.

Областное время

Но область и не территориальное понятие.

Года два назад мне пришлось некоторое время жить на одной из окраин Петербурга. Если мне не нужно было выезжать оттуда в центр, то покупка продуктов превращалась в существенную бытовую проблему. Не то чтобы продуктов вокруг не было – было, и много. Но ассортимент их навевал какую-то вполне метафизическую тоску. Рыбы, свежей или замороженной, не бывало нигде и никогда. Только в виде палочек и биточков. Мяса тоже не было – котлеты, пельмени, фрикадельки. Из овощей всегда в изобилии присутствовали лук и картошка. Вместе с унылыми блочными домами и жутко продуваемыми пустырями все это создавало отчетливый образ семьи, в которой работающие где-то далеко от дома родители возвращаются вечером домой, измотанные толкучкой в метро, и, не имея сил ни на что, кроме меткого броска полуфабрикатом в кастрюлю, кормят им золотушного ребенка, весь день болтавшегося во дворе со шпаной. По выходным они выбираются «в город», чтобы пойти в кино, в зоопарк, в магазин. Потому что то место, где они живут, – это не город. Это область.

На бульваре Красных Зорь – так называлось это благословенное место – меня охватывало всегда то же самое ощущение, что возникает в областных городах: дежавю. Время застыло там на отметке «1992 год». Чуть лучше, чем при советской власти, намного хуже, чем сейчас в Петербурге, Новосибирске, Калининграде, Новгороде, Самаре. Там, в области, в избытке приметы советского прошлого – в Тосно на фасаде панельного дома народ и партия по-прежнему едины, в Первомайском на слепой стене медленно осыпается ленинский профиль. Рыночная же экономика имеет до боли знакомые черты кооперации – немногочисленные ларьки с плохой дешевой водкой и гнилыми помидорами носят изысканные имена «Аякс», «Изабель» или «Стикс». Область не может ни вернуться назад, ни рвануть вперед. Областное время отстало от настоящего на несколько лет, а деревенское понимание вечности для области неприемлемо – вечность предполагает покой, а не вой автосигнализации под окном.

Областное сознание

Но если область – понятие не пространственное и не временное, то что же она такое, наконец? Видимо, область – это состояние. Если попробовать определить качества этого состояния, то основным и, может быть, единственно внятным окажется промежуточность. Промежуточность не предполагает ничего стабильного, поэтому промежуточность невозможно описать, она описывается только отрицанием, через то, чем она не является. Область не является ни городом, ни деревней. Можно ли представить себе областной патриотизм? Нет, конечно. Можно ли представить себе областную традицию – «здесь жили мои прадеды, живу я, будут жить мои правнуки»? Тоже нет. Можно ли представить себе областной «гений места»,

дух, выражающийся и в патриотизме, и в традициях, и в специфике, и в архитектуре? Нет. У области – любой – нет архитектуры. Ленинградская, Липецкая, Псковская области – все построены одинаково, везде один и тот же убогий советский пейзаж без особенностей и причуд. В лучшем случае можно найти два-три одноэтажных уездных особняка девятнадцатого века, где последние тридцать лет сидит какое-нибудь газоуправление под тусклыми пластмассовыми люстрами. Вот и вся архитектура, весь гений места.

Идея промежуточного областного сознания – это идея безнадежного ожидания, вечно продолженного, неопределенного будущего времени в неопределенном третьем лице. Когда-нибудь построят, отремонтируют, закопают, наладят, откроют. Никаких предпосылок для этого нет, никто не будет ничего делать, поскольку любая деятельность предполагает местоимения первого лица – я, мы. В области есть только «они», промежуточности всегда сопутствует апатия.

Областной человек

Человек может не уезжать из своего города, потому что он его любит, он к нему привязан. Человек не хочет расставаться с деревней, потому что деревня – это земля, и если ты привык к ней, то оставить ее трудно. Почему человек живет в области? Если учесть, что многие из областных жителей работают не по месту своей прописки, а в ближайшем крупном городе, то вопрос этот почти невозможно разрешить. Почему человек живет во Всеволожске? Потому что у него не получилось переехать в Петербург. Областной человек всегда рвется в областной центр, с этим центром связаны его ожидания, надежды, мечты. Областной человек всегда недоволен, потому что его ожидания, надежды и мечты не сбылись. Он завистник по определению, и в зависимости от темперамента зависть его приобретает либо агрессивные черты – как у люберецких под Москвой или колпинских под Питером, либо животнo-стяжательские – как у солнцевских, либо уныло недоброжелательные – как у абсолютного большинства. Областной человек ненавидит свой город и ненавидит свой областной центр, потому что у него отняли его деревенскую землю и не дали ему городских соблазнов. Областной человек – памятник идее смычки города и деревни.

Областной человек Ленинградской области не признает, не ценит и не понимает города Петербурга. Петербург чужд, враждебен и не нужен ему. Областной человек Ленинградской области тоскует по Ленинграду, потому что ему кажется, что во времена Ленинграда везде было одинаково, ничто не манило мечтой. Областной человек во Всеволожске голосует за Александра Невзорова не только потому, что тот провалился в Петербурге, но и потому, что Невзоров – фигура того самого времени, когда вся страна находилась в состоянии промежуточности, в областном состоянии.

Областное имя

Одно из определений слова «область» в словаре Даля – «край под особым управлением, не названный губернией». Даже Даль определяет область через отрицание! Что же до особого управления, то, как уже было сказано выше, никакого управления в областях, как правило, нет – это не особое управление и вообще не управление, а инерция, не жизнь, а прозябание. Ленинградская область управляется и живет, как и все другие, – абы как, на авось. Раньше ее губернатором был Густов, теперь Сердюков, разницы между ними никакой, дороги какими были, такими и остались, ничего заметного и нового не происходит.

Особое управление Ленинградской областью видно только в одном: в некоей филологической честности, о которой было сказано в начале этой заметки. Область управляется из прошлого, из Ленинграда. И пока сама область сохранится, так будет всегда.

Потому что «Петербургская область» – вещь не только неблагозвучная, но и языково, понятийно невозможная, согласитесь.

«ФАС», 21.09.2000

ЛЮБИМАЯ ЖЕНЩИНА ПОЛКОВНИКА ПУТИНА.

ДО БОЛИ ЗНАКОМАЯ, НАВЕКИ РОДНАЯ

У Владимира Анатольевича Яковлева в городе Петербурге существует два популярных в народе прозвища: Шариков и Сантехник. Так же широко бытует поверье, что бандиты города Питера зовут мадам Яковлеву не иначе как «мама». Город не то чтобы ненавидит своего губернатора – ненависть слишком сильная эмоция для питерцев, ненавидят в Питере только Москву, – но как-то недолюбливает его. И если у покойного его предшественника были не только яростные противники, но и не менее пылкие поклонники, то нынешний губернатор никаких отчетливых чувств не вызывает. Его и рады бы сменить на кого-нибудь, да только на кого?

Степашин вот отказался, промурыжив общественность по своему кокетливому обыкновению. А шансы-то имел впечатляющие. Время от времени курсируют душераздирающие слухи о том, что власть всерьез собирается выставить на поле господина Черкесова. Черкесов в Петербурге знаменит. Во-первых, он возбудил последнее в Советском Союзе дело по 70-й статье (антисоветская агитация), было это в 89-м, когда и с советским, и с агитацией всем уже было все понятно. Во-вторых, в его кабинете рядом с портретом Держинского висел календарь с Сикстинской Мадонной.

Вот прямо под нею он и вел допросы. Много кого посадил господин Черкесов. Так что бывшие его подследственные, в прошлом диссиденты, а ныне довольно преуспевающие (в социальном смысле) граждане с некоторым вполне понятным возбуждением обсуждают возможность появления любимой фамилии в избирательных бумажках. Каждый раз, когда выясняется, что Черкесова все-таки не будет, по городу разносится тихий стон: в нем и явное облегчение, и толика разочарования – чувство мстительности остается неудовлетворенным, а так хорошо можно было бы в рамках предвыборной кампании обнародовать дневниковые записи, протоколы обысков, воспоминания о допросах...

И тут появляется Она. И сама идея – видеть в кресле губернатора женщину, идея западная и на просторах России до сих пор экстравагантная – уже по одной своей западности как-то подходит Петербургу. Здесь всегда голосовали прогрессивнее и интеллигентнее, чем в Москве.

Валентина Ивановна Матвиенко, конечно, прекрасна, спору нет. Статная женщина с начесом, всегда с ярким вечерним макияжем, в выразительных костюмах, то в норковых, то в песцовых шубах; говорят, у нее есть чудесная вилла на Мальте (а может, и нету, но ей бы это к лицу пришлось), – она до последнего времени заведовала сирыми и обездоленными, пенсионерами, детьми, инвалидами. Сам ее вид, нарядный и сияющий, должен внушать ее подопечным уверенность в завтрашнем дне: раз у нас такой министр, значит, точно все будет хорошо, все идет по плану.

Но самое прекрасное в Валентине Ивановне то, что она нам до боли знакомая, навеки родная. Даже вглядываться не нужно, чтобы понять: так гуляет бухгалтерия. Мы видели Валентин Ивановн в ресторанах на 8 Марта, они там плясали со своими пузатыми кавалерами под популярную песню «Лаванда». Мы хорошо знаем их в лицо и побаиваемся их, потому что от них зависело распределение заказов – это они, Валентины Ивановны, решали, класть нам в пакет банку сгущенки или мы обойдемся гречкой. Это они проводили первый Ленинский урок в школе 1 сентября. Они в ПИБах объясняли нам, что перепланировка квартиры невозможна, потому что не положено, и пусть ванна будет в кухне, как на плане. Они выводили нас на субботники, везли нас на картошку в холодных автобусах и, чтобы взбодрить нас, первыми запевали «Пусть бегут неуклюже». Они были дежурными администраторами в гостинице и отказывались поселить нас в один номер, потому что мы по паспорту не женаты. Через них мы доставали доски для дачи и кроссовки для сына. Они всегда были отзывчивыми и справедливыми, энергичными и строгими, покрикивающими и похохатывающими. Холеными, советскими, пошлыми.

И вот теперь Валентина Ивановна будет править Петербургом. Почему бы и нет? Она справится, нет сомнений. Прежде всего, у нее самой нет сомнений, сомнения в принципе не ее стезя. А какие к ней могут быть претензии? Да решительно никаких. Коммунистка? Да ладно вам, она же прежде всего – женщина. Предвыборная кампания обещает быть спокойной и галантной – женщины у нас традиционно считаются слабым полом, несколько недолюдьми, так

что оппоненты будут вести себя осторожно, не дай бог кто-то скажет: «Как же можно так! Это же женщина!» Собственно, ничего другого, кроме того, что она женщина, сказать о Валентине Ивановне нельзя. Никаких иных особенностей, дарований или убеждений за ней замечено не было. Выиграет она всенепременно.

Будет ехать по Невскому кортеж с мигалками, а в лимузине – Валентина Ивановна. Будет Гергиев открывать оперный фестиваль в Мариинке, а в царской ложе – Валентина Ивановна. И в квартире Пушкина на Мойке будет Валентина Ивановна, и в Эрмитаже будет Валентина Ивановна, и в Летнем саду, и в Михайловском замке, и в Петергофе, и в Царском Селе, и везде, где есть старинная мебель, сусальное золото, мраморные статуи, красота. И затурканный, обшарпанный, обиженный город, гордящийся своей интеллигентностью, наконец заткнется, поняв, что такова его участь: им управляли и будут управлять жлобы. Потому что больше он никому не нужен.

«ФАС», 09.03.2000

МОЙ ПЕТЕРБУРГ

Бывают зимой такие безоблачные дни, когда воздух от мороза колышется над землей и солнце спит с равнодушием и торжественностью звезды. В эти дни Петербург загадочным образом похож на летний утренний Рим. Так же дрожит перспектива вдалеке, так же сереет камень, синий купол Троицкого собора манит югом, звук автомобильных гудков в пробке на Невском сулит оживление жаркого дня. Уши мерзнут, пальцы не сгибаются от холода.

Петербург для петербуржцев значит много: неизмеримо больше, чем иные города для их обитателей. Если отбросить имперскую спесь, провинциальную ущемленность и прочие общие фразы, то останется нечто, привычно называемое величиим замысла. Настойчивость масштаба, я бы сказала. Невозможно не замечать этот город, невозможно передвигаться по нему, просто думая о своем. Строгость задаваемой им системы координат загоняет человека в созерцательность. Созерцательность – оправдательный приговор анемии, свойственной петербуржцам. Анемия наша вполне отвратительна. Безвольный перфекционизм каждый из нас носит на груди как заветную индульгенцию: зачем строить, когда все построено; зачем писать, когда все написано; всякая творческая активность кажется здесь нахальством и пошлостью. Наша интонация – нытье, гримаса – поджатые губы, жест – пожатие плечами, поза – ноги заплетены винтом, руки на груди скрещены, зажатость и оборона от внешнего мира. За всем тем мы значительно вежливее на дорогах и тише разговариваем в ресторанах. В Москве меня давно уже преследует ощущение, что все орут.

С ноября по март Петербург едва выносим. Более всего отсутствием света. Я с радостью бы отдала международный аттракцион белых ночей за два дополнительных часа света зимой. В белые ночи маленьких детей трудно уложить спать.

Взрослея, они привыкают и становятся нормальными местными невротиками, неспособными чувствовать биологическое время и вечно опаздывающими на мосты. Сейчас октябрь, четыре часа дня, я только что встала из-за компьютера включить верхний свет и закрыть форточку: это атавизмы московского происхождения – природные петербуржцы сидят в воронках сквозняков и сумерек до последней дрожи. Горько мне, никогда мне не стать петербурженкой. Нельзя стать петербуржцем, как нельзя стать евреем.

С возрастом банальность начинает притягивать глубиной истины. Может быть, поэтому о Петербурге надо писать в молодости, когда веришь в уникальность собственных впечатлений. Позже, вглядываясь в них, с наслаждением лелеешь трюизмы, цитаты, обобщения. В стертом от частого употребления слове прозреваешь его первоначальный смысл, гладишь его ладонью, еще утончая его поверхность, затрудняя его звучание для тех, кто подойдет к нему после тебя. Европа?.. Европа и есть. И надругательство над городом главное было не в переносе столицы, не в переименовании, а в отрезании его от Европы. Оттого он и зачерствел. Венеция?.. Да, и Венеция тоже. Только видно это с воды, когда катаешь на катере своих московских друзей и снизу видишь другой ракурс, иные пропорции, новый смысл парадных подъездов, отражения, темень мостов. Достоевский?.. А куда без него. Слепые стены в потехах, преступные вторые дворы, и мусор, современный, рукотворный, пластмассовый, кажется природным, оседающим

на землю прямо из атмосферы, из влажного лондонского тумана. Лондонского, потому что Достоевский и Диккенс сливаются здесь в один текст. Пушкин и Блок, Толстой и Белый, император и террорист, адвокат и балерина, балы и блокада, Милуков и Кузмин, – все страшное и прекрасное, смешное и скучное проблистало здесь и поблекло, растеклось, обесцветилось, смешалось, сгнило, растворилось в том воздухе, которым мы теперь дышим.

Я часто думаю, что, когда я умру, в той, другой топографии, где мне суждено оказаться, я увижу тамошнее отображение Петербурга. Пустой и гулкий, вечно утренний, поздне-весенний, он станет мне наконец понятен. Я осознаю все его острова не как речевые преувеличения, связанные асфальтированными мостами, а как реальность, клочки зыбкой суши среди воды. Я оценю прямоту Невского и силуэт Петропавловки, похожий на кардиограмму больного аритмией. Медный всадник перестанет смущать меня дикостью пропорций всадника и лошади. Ритм Двенадцати коллегий отольется в простую нотную запись, а Летний дворец Петра перестанет казаться идеальным проектом дачи. Я перестану жить в этом городе, а значит, смогу на него посмотреть. Потому что в земном своем существовании это он на меня смотрит, холодно и спокойно, без одобрения и осуждения. Равнодушно.

Пока что я живу в нем вот уже тринадцать лет. Меня забавляет, когда говорят, что нынешнее население не подходит Петербургу, не к лицу ему: ему люди вообще не идут. Мне трудно представить себе, кто мог бы тут быть на месте. Даже Петр кажется мне не местным – он чвакал ботфортами по болоту и доскам, а не по проспекту. Пушкин просил тут морошки, а не птифуров. Гоголь отсюда бежал. Никто не чувствовал здесь себя дома. Поэтому ни ростовчанин, с удовольствием облюбовавший себе Ржевку– Пороховые и удивляющийся, как можно жить в «старом фонде» с его гнилыми трубами, ни сибиряк с золотыми зубами, служащий таксистом под неизменный «Русский шансон», ни армянин, предпочитающий кегельбан Петергофу, не удивляют, не раздражают меня. Все правильно, мы все здесь чужие, случайные.

Мне весело слышать, как дети из детского сада приносят слово «штакеншнейдер» вместе с ударением на первом слоге в слове «звонит». Меня смешит важность, с которой обычный обменник именуется «центром обмена СКВ». Я люблю нелепые шляпы наших бюджетных красавиц, и пальто, сшитые в ателье, и сумрачность проводников в поездах до Москвы, и болельщиков «Зенита» с раскрашенными в голубой и белый лицами. Ничто здесь не кажется особенно чуждым, особенно оскорбительным, ничто не вызывает к немедленным рукотворным изменениям. Истерическое латание разрухи и не менее истерическое казнокрадство – все кажется обреченным на неудачу, бессмысленным. Вся биография этого города, все его прежние и новые ужасы кажутся мне его собственным своеволием, никак не зависящим от людей. Так деленные-переделенные наши квартиры, выкупаясь и отдаваясь нам в собственность, превращают пространство в приключение, а прошлое – в рельеф, в выпуклость вместо царапин.

Мне неприятно слышать, как о Петербурге говорят люди, не живущие в нем. Не важно, хвалят его или ругают, мне все равно кажется, что все плоско, убого, что его не понимают, недостаточно ценят, неправильно любят. Какая-то детская досада, бессилие, невозможность объяснить всю неповторимую пронзительность собственного чувства к нему. Я понимаю, что в этом и состоит главная банальность русской культуры: банальность любви к Петербургу.

«Елк», февраль, 2003

ПОЗОВИ МЕНЯ С СОБОЙ

Предположим, к нам в город приехал гость. Но не просто гость, а некто, совершенно ничего никогда не слышавший о нашей стране, наших нравах, но жаждущий все это познать. Пусть этот некто будет непредвзят, открыт всем впечатлениям и очень молчалив. Даже, может быть, бесплотен. Такой Дух Любознательности; но о нас совсем ничего не знает.

Мы ему, конечно, покажем Эрмитаж, Русский музей, мосты и Петергоф. Потом отведем его в пивняк, свозим в Автово, расскажем про «Сайгон» и подарим шинель. Дальше-то что с ним делать?

А тут нас как раз и посетит блестящая идея: надо его в гости сводить, с разными людьми познакомить, чтоб уж полное представление имел. Там он увидит все наши обычаи, но не в

угрожающем, а наоборот – в парадном несколько варианте. Все-таки когда люди гостей принимают, они приосаниваются, расправляются, но в то же время и себе не изменяют. И к тому же хлебосольство и гостеприимство мы привыкли считать своей национальной чертой.

Итак, выберем три разные семьи. Для простоты назовем их одной фамилией. Скажем, Фроловы. Только с индексом: Фроловы 1-е, Фроловы 2-е и Фроловы 3-й. И посетим их вместе с Духом Любознательности, невидимые и наблюдательные.

Фроловы 1-е. День рождения

Фроловы 1-е работают в торговле. Он – водителем, она – кассиром. У Фроловой 1-й день рождения. Фролов уже купил напитки, подарил Фроловой дезодорант, чтоб не потела, сейчас он раздвигает стол. Фролова на кухне вместе с подругой Ларисой из бухгалтерии заправляет салаты майонезом. Салатов шесть, разных, и все надо заправить майонезом. Из комнаты раздается грохот – это Фролов 1-й, как обычно, уронил серединную доску стола. Ничего, сейчас на место вставит. Вставил. Все, больше делать ему перед приходом гостей нечего. Скучно Фролову. Пошел, дал по шею двенадцатилетнему Виталику, сыну родному. Семилетней дочке Танечке бант завязал. Криво. Поплелся на кухню.

– Скоро тут у вас? – спрашивает Фролов с тоской.

– Иди-иди, сейчас на стол будешь накрывать.

– Налей мужику, видишь, мается, – вступается Лариса.

– Ты своему наливай. А мой раз в год может и не напиться, – строго отвечает Фролова 1-я.

Но вот наконец приходят гости. Прямо в прихожей дарят подарки – духи, электрочайник и три утюга (это случайно так получилось), дальше происходит любимая национальная интермедия под скромным названием «Чтобы не пачкать пол». Мужчины проходят в комнаты в носках («Пусть ноги дышат!»), у дам с собою туфельки, но двоим все-таки приходится надеть тапочки. Они прелестно смотрятся: платья с декольте и разрезами – и тапочки.

Все сели. Стол, конечно, зашибись: шесть салатов с майонезом, пирог с капустой, холодец, балык, соленья, грибная икра, баклажанная икра. Пока Дух Любознательности удивлялся обилию такой жирной пищи, из кухни была принесена запеченная свиная нога. Чтоб потом не бегать. Фролова предупреждает, что еще будет сладкое – два торта домашних и еще Курочкины принесли. Гости мужественно приступают к трапезе.

Ну, тут, разумеется, Дух Любознательности услышит все наши бессмертные остроты типа «Между первой и второй перерывчик небольшой», потом увидит, как традиционно быстро надрался Фролов, заметит, как Фролова накрывает ладошкой рюмку мужа с отчаянным воплем: «Моему не наливать!» Потом мужчины пойдут курить на лестницу (у Фроловых дома не курят, сам Фролов давно привесил жестяную банку для окурков к лестничной решетке), к ним подтянется часть дам. Курочкин скажет Сидоренке коронную фразу: «Уйми свою», жена Сидоренки заплачет. Тут начнутся подвижные игры: в комнате – танцы, на лестнице – драка. После этого все сядут пить чай с тортами, кто-то уснет, остальные будут петь. Дух Любознательности с помятым в драке крылом прольет слезу над «Ой, мороз-мороз», заслушается «Рябинушкой», мужчины грянут «Гоп-стоп», но женщины их победят и все-таки исполнят «Позови меня с собой». Вечер удался, мы с Духом тихо ретируемся.

Фроловы 2-е. Выезд на пленэр

Теперь мы с Духом Любознательности отправляемся на шашлыки к Фроловым 2-м. Фроловы 2-е – менеджеры среднего звена. Они недавно сняли дачу. Перед дачей целый автопарк – звали десять человек, а приехали-то все двадцать. Часть мужчин по такому случаю отправилась за спиртным, а на веранде три подруги Фроловой 2-й плюс сама Фролова заправляют салаты. Майонезом. Фролов 2-й держит вахту у мангала. Остальные сидят и загорают. Никто между собою не знаком, поэтому никто ни с кем не разговаривает.

– Вы уже познакомились? – орет Фролова 2-я с веранды.

Все молчат. Фролова быстро спускается с веранды, идет к мангалу и шипит на ухо мужу:

– Иди познакомь всех, козел, они же так и будут молчать.

– Сама познакомь, мне за углями надо следить.

– Как я их познакомлю?! Я половины не знаю.

Тут как раз приезжают со спиртным, все знакомятся сами собой, и начинается праздник. Поскольку мы на пленэре, посуда одноразовая, салаты подают в тазах, шашлык можно есть руками. Иностранец, привезенный кем-то из гостей, уже напился – он устал, ему пришлось четырнадцать раз рассказать про смерть принцессы Дианы (если он англичанин), про тайну Бормана (если он немец) и про мафию (если итальянец). Дух Любознательности задумчиво пытается осмыслить тост: «Главное – здоровье, остальное купим». Курочкины 2-е со 2-ми Сидоренками играют в дартс, причем дамы визжат и падают в момент метания снаряда. Кто-то нюхает кокаин на бампере чужой машины. Тут Фролов 2-й зовет всех в сауну. Потрясенному Духу Любознательности мы тихо объясняем, что коллективный помыв в гостях – наша добрая традиция. В сауне тоже очень весело. Фролов 2-й выпил пива, Фролова 2-я дала ему по роже. Но он не обиделся.

После сауны все пьют чай с тортом и учат проснувшегося иностранца матерным словам. Потом все поют. Сначала «Болванка вдарила по танку», затем из «Неуловимых мстителей», кончается все бессмертным «Позови меня с собой». Все довольны, можно разъезжаться.

Фроловы 3-е. Фуршет

Фроловы 3-е – кинокритики. Сегодня у них прием, но без всякого повода, просто решили позвать друзей. Друзей много, а квартира маленькая, решено устроить фуршет, как в лучших домах. Закуски стоят не только на столе – на подоконнике, на телевизоре, на журнальном столике. Три салата (конечно, с майонезом), мясное и рыбное ассорти, пирог с капустой (немного суховат), гренки с сыром (слегка заветрились, но это ничего), коронное блюдо Фроловой 3-й – «португальская закуска» – чрезвычайно изысканное крошево с бананами и солеными огурцами, его никто никогда не ест, но Фролова упорно готовит его каждый раз. Фролов 3-й не может помочь жене вытирать стаканы – он только что разбил очки, порезал палец и испачкал штаны кровью. Вот так, окровавленный, он и выходит к гостям. «Фролов, ты в своем репертуаре», – шутит над ним Курочкина 3-я, уникальный специалист по Сокурову. Сидоренки принесли портвейн из ностальгических соображений. Поскольку стульев не хватает, а на кровати уже сидят, остальные гости довольно быстро напиваются – есть стоя не очень удобно, а пить можно хоть в невесомости. Основные трудности ожидают гостей с горячим: бог догадал хозяйку приготовить для фуршета утку с яблоками. Утку радушно разносят гостям, но есть ее на весу совсем уж немыслимо. Зато пользуются успехом соленые огурцы. С оживлением и хохотом гости пьют «за гражданское мужество», «за Егора Тимурыча, нашу демократическую пупочку» и за победу Анны Курниковой над Мартиной Хингис. Звучит «Вони М», начинаются танцы, Курочкин 3-й поскользывается на оброненном кем-то салате, разбивает себе очки, но не унывает. После этого никто танцевать не решается. Все переходят к песням. Песни из кинофильмов: «Земля Санникова», «Весна на Заречной улице», «Высота», «Цирк». По просьбе друзей Фролова 3-я в восемнадцатый раз за сезон исполняет песню Татьяны Снежиной «Позови меня с собой». В кухне за холодильником с блаженной улыбкой спит абсолютно пьяный 3-й Фролов. Занавес.

А что же Дух Любознательности? Где он?

А он покинул нас. И не то чтобы ему у нас не понравилось, нет. Просто он сказал, что теперь все про нас знает. Что Россия – страна певцов и майонеза, трудная страна, печальная. Ведь только в печальной стране люди так сильно жаждут веселья, танцев и песен.

Но мы с ним совершенно не согласны. Мы считаем, что страна у нас очень даже веселая. А что поем много – так ведь это просто от счастья.

«Pulse», 08.06.1998

ИННА ОЛЕГОВНА

Инна Олеговна терпеть не может свою невестку. С самого первого раза, когда сын Вадик привел в дом эту девицу, не понравилась она Инне Олеговне. Ей нравилась предыдущая его

девушка – Мила. Мила была из хорошей семьи, папа доктор наук, мама ответственный работник, да и сама Мила была очень приличная, воспитанная и одевалась всегда со вкусом. А эта – дворяшка какая-то.

– Даже имя у нее плебейское – Ира, – брезгливо сказала тогда Инна Олеговна сыну, – и вообще, я этим провинциалкам не доверяю, очень уж настырные.

В тот раз они с сыном поссорились, потому что Вадик напомнил маме, что сама она когда-то приехала из Чебоксар. Инна Олеговна не любила вспоминать Чебоксары. Она очень обиделась на сына, даже расплакалась. И Вадик ушел. Снимал квартиру, потом другую, потом как-то исхитрился, купил. Потом родился внук у Инны Олеговны, назвали Виктором, в честь покойного Вадикова отца.

Конечно, поначалу Инна Олеговна горевала. Но постепенно начала находить даже некоторое удовольствие в своем одиночестве.

– Понимаешь, – говорит она часто своей приятельнице Галине Николаевне, – раньше я все время жила для кого-то. А теперь я принадлежу только себе. У меня появился досуг, свои интересы, вообще какая-то личная жизнь.

Личная жизнь Инны Олеговны действительно богата и разнообразна. Инна Олеговна посещает все выставки в Пушкинском музее, любит фестивали авторской песни. Она – постоянный зритель театра Марка Розовского, потому что последние лет десять там веет чем-то новым. У нее появились подруги в консерватории, куда она регулярно ходит слушать Моцарта и Бетховена. А недавно на концерте Инна Олеговна познакомилась с очень интересной женщиной, Виолеттой Петровной. Виолетта Петровна – экстрасенс.

Два месяца назад Инна Олеговна принесла Виолетте Петровне фотографию Ирки-невестки. Это просто поразительно, как точно Виолетта Петровна все угадала об Ирке, которую она никогда не видела! Она так и сказала, что именно Ирка настраивает Вадика против матери. И то, что внук, восьмилетний Витя, не проявляет никакого внимания к бабушке, – это тоже Иркиных рук дело, поскольку у Ирки карма засорена негативными токами. Инна Олеговна и сама так думала, но вот, получила подтверждение от совершенно незаинтересованного человека. А когда Виолетта Петровна сказала, что у Ирки черное биополе, тут уж Инна Олеговна, конечно, не удержалась и позвонила Вадиму. Потому что сын должен знать такие вещи про свою жену.

В тот раз они опять поссорились. Инна Олеговна долго плакала, жаловалась Галине Николаевне, Виолетте Петровне, Нинель Владимировне, Марине Игоревне, Елене Сергеевне, Надежде Семеновне, Шурочке и Кате. Все они ее утешали и призывали не обращать внимания на «эту дрянь», в смысле Ирку. Разговоры с подругами немного успокоили Инну Олеговну, но все же не совсем. Для подобных случаев у Инны Олеговны было свое особое средство: когда больше ничего не помогало, Инна Олеговна ходила в церковь. Не то чтобы она была уж такой религиозной, но все-таки два года назад они с Галиной Николаевной крестились и ни разу об этом не пожалели. В церкви, куда ходила Инна Олеговна, было два священника. Один, отец Александр, довольно молодой и интересный мужчина. Другой, отец Кирилл, старичок, с которым у Инны Олеговны отношения как-то сразу не сложились. Очень уж наставительно отец Кирилл разговаривал с Инной Олеговной. И когда она однажды очень вежливо сказала ему: «Я с вами в этом вопросе совершенно не согласна», отец Кирилл как-то странно на нее посмотрел и сразу отошел. Это, естественно, не понравилось Инне Олеговне, и теперь она старается не общаться больше с этим «мракобесом», как она его прозвала.

Так вот, поссорившись с сыном, Инна Олеговна пошла в церковь. Слава Богу, была смена отца Александра. Инна Олеговна немного постояла, помолилась, поставила несколько свечек, в том числе и за Ирку, потому что врагам надо подставлять другую щеку. Этот поход подействовал на Инну Олеговну очень умиротворяюще.

По дороге домой Инна Олеговна зашла в книжный магазин и купила две книги: «Хиромантия как наука» и «Звезды говорят». Благодаря гороскопам Инна Олеговна в свое время поняла, что с невесткой у нее отношения и не могли сложиться. Инна Олеговна – Огненная Лошадь и Дева, а невестка – по году Дракон, а по месяцу Овен. Безнадежное, прямо скажем, сочетание.

Что же касается хиромантии, то ею Инна Олеговна стала интересоваться совсем недавно.

Раньше она, конечно, считала все это ерундой и даже посмеивалась над Нинель Владимировной. Но вот цыганка на улице как-то пристала к ней и сказала, что ее ждет денежная потеря. И действительно, не прошло и месяца, как грянул кризис, и у Инны Олеговны сгорели две тысячи долларов в «Инкомбанке». Невестка Ирка, работающая в банке, звонила Инне Олеговне недели за две до кризиса и уговаривала снять деньги. Инна Олеговна тогда довольно ехидно ее отчитала и не любила потом об этом вспоминать. Но вот то, что темная цыганка, не имеющая к банкам никакого отношения, предсказала ей убыток, это, конечно, не могло не наводить на размышления.

Еще Инна Олеговна любит природу и искусство. Надо сказать, что больше всего в невестке ее поражает отсутствие каких бы то ни было интеллектуальных запросов. И внук растет такой же. Ведут его в театр, а он просится в цирк. Весь в мамашу. А ведь искусство – это то, что делает человека человеком. Вот, например, Юрий Башмет.

Или Валерий Леонтьев. Конечно, как певец он не очень нравится Инне Олеговне. Но когда в интервью он говорит: «Для меня главное в жизни – творчество», у Инны Олеговны что-то сладко щемит внутри. А недавно Анжелика Варум рассказывала про своего мужа Леонида Агутина. «В искусстве Леня совсем другой, чем в жизни». От этих слов – «искусство», «творчество», «культура» – Инне Олеговне становится хорошо, возвышенно, хочется жить полной жизнью, дышать полной грудью. Как за городом, в лесу.

Инна Олеговна сама пишет стихи. В основном о природе. Например, такие:

Осень. Листья совсем облетели.
Тихо шуршит серая трава.
И только вечнозеленые ели
Соснам шепчут надежды слова.

Или такие:

Весна зажурчала ручьями,
Уже зеленеет трава,
Березы своими ветвями
Уж шепчут любви слова.

А недавно Инна Олеговна вспомнила своего мужа. Жили они с Виктором Евгеньевичем не очень хорошо. Довольно-таки пил Виктор Евгеньевич. Но когда человек умирает, вспоминаешь только хорошее. И Инна Олеговна написала стихотворение:

Ты ушел от меня далеко.
Поседела моя голова.
И теперь я шепчу одиноко
Запоздалой любви слова.

Когда она прочла его на дне рождения Вадика, Ирка вместо каких-нибудь приличествующих случаю слов произнесла следующее:

– Инна Олеговна, вам салата положить еще?

Такой бестактности Инна Олеговна даже не ожидала. Она ничего не стала говорить. Просто встала и ушла.

Напрасно Вадик ей потом звонил, напрасно заставлял звонить внука Витю, Инна Олеговна просто отключила телефон.

– Ирина женщина не нашего круга, – сказала Галина Николаевна.

Катюша обозвала невестку хабалкой. Елена Сергеевна сказала, что ее Марина ничуть не лучше. Шурочка жаловалась на зятя. Только Виолетта Петровна улыбнулась загадочно, покачала головой и сказала:

– Все к лучшему, Инна Олеговна, все всегда к лучшему.

А Инна Олеговна и сама так думает. Она сильная женщина, гордый человек. Когда она

мне это сообщила, я, конечно же, согласилась с ней.

Я ведь знаю Инну Олеговну очень хорошо. Я встречала ее на днях рождения моих друзей Вадика и Иры. Кроме того, Инна Олеговна завуч в той школе, где учится мой сын. Одновременно она заведующая моей районной поликлиникой. На моей предыдущей работе Инна Олеговна была начальником планового отдела. Когда-то я снимала у нее квартиру. Мы ехали с ней в одном купе в Симферополь. Она вице-премьер Российского правительства. Она моя бабушка. Я познакомилась с ней в собачьем клубе. В свое время мы были соседками по коммуналке. Я часто вижу ее в метро, в троллейбусе, в магазине, просто на улице. Я люблю Инну Олеговну. Собственно, у меня нет другого выхода. Мне некуда от нее деться.

«Московские новости», 29.12.1998

ГУСЕВА И ХАНЮТИН

Дорогие товарищи!

Помимо других негативных явлений, в наше время стала настойчиво проявляться одна неприятная тенденция. Я имею в виду оттирание гуманитарной интеллигенции от любых эпицентров общественной жизни, принципиальное сужение возможностей для нее влиять на ситуацию в стране, владеть умами, проявлять потенциал. Героями сегодняшнего дня неизвестно с какой балды стали технократы, люди узких специальностей и прочие крепкие хозяйственники. Если так пойдет дальше, мы рискуем остаться вообще без интеллигенции. Иные из нынешних деятелей возразят мне: мол, и бог с ней, на кой она вообще нужна, эта гуманитарная прослойка? Отвечу им прямо: нужна. На кой или не на кой, это не нашего с вами ума дело. Нужна – и все тут. Хотя бы потому, что без нее нам будет непривычно и неудобно. Хотя бы из-за того, что в любой стране должна же быть интеллигенция, какая-никакая, а своя. Мы, как всегда, ведем себя недалновидно и расточительно. И гуманитарная интеллигенция начинает чувствовать себя сиротой, а это очень опасный симптом. Чтобы она не чувствовала себя сиротой, ее нужно воспевать, прислушиваться к ней и хоть немного любить просто за то, что она есть. А мы этого не делаем и теряем ее, она уходит от нас. Еще вчера она была везде, а теперь опять стала забиваться по углам. Где она, где?

И пусть мне не говорят, что наше время всем дало равные возможности. Потому что гуманитарной интеллигенции не нужны какие-то там возможности, которыми еще пойдешь воспользуешься. Гуманитарной интеллигенции нужно одно – уважение. Вот я, например, уважаю гуманитарную интеллигенцию. А вы – нет. Вы постоянно ее унижаете. Сейчас я вам это докажу на примере моих хороших знакомых, Ани Гусевой и Саши Ханютина.

Аня работает в издательстве редактором.

И Саша работает в издательстве редактором.

Собственно, они работают в одном и том же издательстве, и роман их начался как раз тогда, когда Сашу назначили редактором. Аня помогала Саше готовить к печати книгу Юрия Щекочихина. Потом они вместе готовили сборник статей Стрелянного, а полюбили друг друга на Нуйкине. Это было прекрасное время. В ночь с 19 на 20 августа 91 года они вместе были у Белого дома, потеряли друг друга в толпе, нашли, потом пошли к Саше домой и стали близки. А ровно через неделю у Саши вышел рассказ в журнале «Юность», и они отметили это в ресторане Дома кино.

Сейчас Аня и Саша продолжают жить отдельно, хотя время от времени остаются друг у друга по несколько дней.

– Послушай, мама, – часто говорит Саша, – мы же цивилизованные люди, зачем нам эти формальности и проблемы? Совместный быт мешает развитию эмоций.

– У нас с твоим отцом не мешал, – мрачно говорит мама-врач.

– Это иллюзия, – улыбается сын.

Впрочем, друзья и знакомые давно привыкли считать Сашу и Аню парой. Они вместе ходят в гости, вместе принимают гостей; на два голоса, как Татьяна и Сергей Никитины, поют Шашины песни на стихи Бродского и Давида Самойлова. Они никогда не ссорятся, всегда и во всем согласны, на все смотрят одинаково. Оба уверены, что Петрушевская поняла Россию гораздо лучше, чем Толстая. Оба часто цитируют Джойса. Оба в глубине души страстно любят

Мозма, но никогда об этом не говорят. Оба голосовали за Явлинского, оба любили Сатарова. Аня стрижется под мальчика, и ее тонкая, уже морщинистая шея им обоим представляется по-детски трогательной. И все бы было прекрасно в их жизни, если бы не общее хамство и дела в издательстве.

Издательство бросило печатать настоящие книги и с большим коммерческим успехом перешло на детективы и женские романы.

– Как можно это читать! – время от времени яростно восклицает Саша.

– А чего бы ты хотел, – говорит Аня, – пошлое время, пошлые книги.

– Пошлая страна, – добавляет Ханютин.

Вообще про страну они говорят часто и много. Последние лет семь стойко ждут еврейских погромов. В издательстве они умудрились уже всем надоесть своими прогнозами. Впрочем, издательство им тоже надоело ужасно.

Однажды они решились на мистификацию. Написали вместе детектив, такой, каким должен быть настоящий детектив, а не эта макулатура. Подписали вымышленной фамилией, переслали в свое издательство, подготовили положительные рецензии за собственными подписями и отдали главному редактору, добродушному толстому цинику по имени Миша.

Миша вызвал к себе Ханютина.

– Старик, что за фигню вы мне с Анютой подсунули?

– Почему фигню, по-моему, стоящая вещь.

– Ты что, смеешься надо мной? Я, как дурак, после ваших рецензий два дня читал эту тягомотину. Сюжет вялый, герой какой-то болван, бесконечные рассуждения о судьбах России, кто убийца – ясно с третьей страницы, напряжения ноль, язык как в диссертации. Вот я тебе покажу фразу, вот, посмотри, я специально посчитал, тут четыре придаточных предложения. А эта Маша? Да где он видел таких проституток?! А эти бандиты с манерами балерунов? Откуда он вообще взялся, этот... э... Инфантьев? Тьфу, даже фамилия какая-то выгнутая.

Саша никогда не был трусом.

– Нет никакого Инфантьева, Миша. Это я написал.

Повисла неловкая пауза.

– Прости меня, старичок, – конфузливо сказал главный редактор, – я очень тебя уважаю, но печатать это не буду. Будь здоров.

– И знаешь, что он сказал мне напоследок? – иронично улыбаясь, рассказывал Саша вечером Ане. – Он посоветовал мне уехать из России. В Америку, или Европу, или Израиль. По-дружески, как он выразился.

– И что ты ответил? – взволнованно спросила Аня.

– Гусева, ты же знаешь меня. Я ответил ему то, что всегда отвечаю в подобных случаях: если все уедут, кто же будет поднимать эту страну?

– Да уж не такие ничтожества, как он, – кивает Аня.

Рукопись своего романа Ханютин и Гусева послали в конкурирующее издательство, но и там роман отказались печатать. Потому что люди отвыкли от хорошей литературы, людям нравится теперь халтура.

Да, странная эпоха настала, неприятная. Недавно у Ани засорились ванна и раковина одновременно. Аня немного поплакала, потом позвонила Саше.

– Вызови слесарей из ЖЭКа, я сейчас приеду, – мужественно сказал Ханютин.

Саша приехал, пытался прокачать засор вантузом, но ничего не вышло. Тут как раз слесари подошли, двое, старый и молодой.

– Я сам с ними договарюсь, иди в комнату, ты не умеешь общаться с народом, – шепнул Саша. – Ну что, мужики, за бутылку сварганите быстренько?

– Зачем нам бутылка, – мрачно ответил старший, – бутылку мы и сами можем купить, нам лучше деньгами.

– Да ладно тебе, отец, – бодро сказал Ханютин, – я ж вашего брата знаю, шас сбегая, все будет в лучшем виде, не бойсь.

– Да я и не боюсь. А чего это вы нам тыкаете? – зло сказал слесарь.

Саша в мрачной оторопи ушел в комнату, потом вышел, молча сунул деньги, процедив сквозь зубы: «Спасибо».

– Свобода развратила народ, – подвела итог Аня.

Когда в издательстве справляли старый Новый год, Аня и Саша вначале не хотели идти, но потом все-таки пошли. Как ни странно, было довольно весело, все пели советские песни, Аня исполнила свой коронный номер – «Все стало вокруг голубым и зеленым», за них с Сашей главный редактор Миша даже предложил тост как за «ум, честь и совесть нашего издательства», Марычева, как всегда, чудовищно вырядилась, Семенова два раза упала, Карпушин изображал Горбачева, Лялина читала стихи, Юлия Викторовна рассказывала про Довлатова, Знаменова просто напилась. Но и тут все не гладко прошло. На праздник заявился старый приятель Ани и Саши, бывший сотрудник того же издательства, а ныне чрезвычайно преуспевающий бизнесмен Валера. Этот Валера, уйдя из издательства, сначала подался в риелторы, разбогател и теперь издавал роскошный глянцевоый журнал по недвижимости. И хотя Валера явно обрадовался Саше и Ане, расспрашивал их обо всем, но как-то им показалось все это неискренне. Вообще человек изменился, говорил про какие-то проекты и инвестиции, а «Мемуары» Эммы Герштейн не читал и даже не знал, что они вышли. Осадок от этой встречи остался у них обоих на весь вечер. Даже на следующий день, оба с головной болью после выпитого, они час проговорили по телефону о том, каким жлобом стал Валера. Под конец этого увлекательного разговора Саша пообещал приехать, но позже, когда лучше себя почувствует.

Голова у Ани болела нещадно. Аня редко пила, а на празднике как-то расслабилась. Теперь глотала аналгин и лежала с мокрым компрессом. Но не было ей покоя. За стеной, где жила молодая пара, шла гулянка. Дом был панельный, и Аня давно чувствовала себя в курсе соседской жизни.

Там за стеной всегда шумно, там смотрят боевики, любят друг друга с криками, слушают Аллегрову и Киркорова, дерутся, пьют водку, бьют посуду, храпят, жужжат миксером, танцуют, смеются, сверлят стены, колют молотком орехи, читают вслух «СПИД-Инфо» и бесконечно мучают Аню своей бездуховной, пустой жизнью. «Какие вульгарные люди!» – часто говорят между собой Аня и Саша.

Да жизнь вообще довольно вульгарна, дорогие товарищи.

«Московские новости», 19.01.1999

«ОТЕЧЕСТВО НАШЕ СВОЛОДНОЕ»

Недавно мне в руки попал любопытный документ. Привожу его полностью, изменив только имя-отчество получателя документа по причинам, которые будут изложены ниже. Итак.

«Уважаемый Григорий Владимирович! По нашему мнению, ваши стихи не могут быть использованы в качестве гимна на музыку Глинки.

Вам, вероятно, представляется, что стоит взять громкие, пышные слова, такие как „держава“, „твердыня“, „святыня“, „рубежи“, „меч“, соединить их – и сразу получится патриотический заряд необыкновенной эмоциональной силы. Но всякие стихи, а тем более гимн России предполагают наличие глубокой мысли, ее развитие, умение пользоваться поэтическими приемами и, конечно же, соблюдение правил грамматики.

Например, глагол „вверяй“ требует постановки относящихся к нему существительных и местоимений в дательном падеже (вверять – кому?), а не в винительном, как у вас: „вверяй в наши души“.

Предложения, даже если они в стихах, должны быть законченными. У вас же в строчке: „Родина! Нет в мире лучше“ – не хватает дополнения: нет лучше (кого?) тебя и т. п.

Теперь о смысловой стороне предложенных стихотворных строк.

Начало гимна: „Гроном грянь, Россия, наша сила!“ – вызывает в памяти незабываемое: „Гром победы, раздавайся!“ Но если здесь с громом все ясно (это гром победы), то каким громом должна грянуть Россия? Далее. Любой образованный христианин не может предложить господа Богу (именно так, заглавная „Б“ и маленькая „г“. – Д. С.) стать правителем какого-либо государства. Поэтому ваша строчка, начинающаяся с „Боже! Правь державой могучей“, не может быть воспринята даже в иносказательном смысле.

А что значит „Русь призывает гордо дружить“? Кому? С кем? И как можно дружить гордо? Метафора „природы святыня“ по отношению к России тоже очень сомнительна.

Но самое главное – все 12 строчек не несут мысли, а значит, не могут вызвать никаких чувств, тем более таких, о которых мечтает автор, и тем более претендовать на Государственный гимн.

После вышесказанного отпадает надобность говорить о соответствии предложенного текста музыке, как справедливо замечено, гениального Глинки.

С уважением,

зам. начальника управления культуры администрации г. Пскова

Тесленко Ф. Д.

Письмо подготовили:

– музыковед Петрова Екатерина Глебовна теоретик, литератор Петрова Галина Александровна

– специалист управления культуры администрации г. Пскова Бабурина Галина Евгеньевна».

Как вы понимаете, после прочтения этого документа меня охватил вихрь желания. Желанием моим было познакомиться с адресатом письма, автором гимна. И это мне удалось.

Гриша (назову его так) работает сторожем в антикварном магазине на одной из центральных улиц Петербурга. Ему шестьдесят один год. Он похож на лесовика из мультфильма и всех героев Шукшина одновременно. Знакомство наше состоялось так:

– Дуня? Авдотья, значит. Неплохое имя, не то что все эти Кристины, лютеранские имена какие-то стали давать неизвестно зачем. Но все равно греческое. Я предпочитаю славянские древние – Людмила, Ратмира, Рогнеда, Роксана. А остальное все наносное, это церковь эта взяла монополию на имена, тьфу, пакость, все это зомбирование. Вот вы верите, что он воскрес? Это зомбировали вас, чушь полная! Вы монотеистка, это дурость, я пантеист, потому что Бог во мне, во всем, у меня один бог – Солнце, а как только появляется один бог, то тут же рядом и дьявол, все черное или белое, а я вижу все цвета, все. Как Стамбул раньше назывался? Константинополь, Царьград. А почему стал Стамбул? Потому что Византию разрушили. Как же это допустила ваша Богородица и этот вот с гвоздями в руках? Чушь это все, заговор, чтобы всех оболванить, из какой-то крошечной Палестины размером с Вологду они пришли, чтобы всех зомбировать. Кто? Да они, гибрид желтой расы и индейцев, все эти Березовские, Потанины, Чубайсы и Лужковы. Его настоящая фамилия Кац. Вы читали четыре Евангелия, а я двадцать четыре. Одно из них от Фомы было, почему оно исчезло, там все про них Фома написал, но потом убежал куда-то в район Румынии и, говорят, спился там. Апостол Фома. А славянину все это не нужно, он свободный человек.

Все это было произнесено без малейшей паузы, одним духом, как говорится. Наконец мне удалось вклиниться:

– Гриша, а вы любите поэзию?

– Конечно люблю! Русская поэзия – это все! Но именно русская: Тютчев, Есенин, Рубцов. А все эти, ведь я же знал его, Бродского этого, к логопеду ему надо было ходить, а не стихи писать, это все имитация, заумь. Я и Довлатову это говорил. Знал, знал и его, и его брата, но с Сергеем мы никогда не здоровались, даже в «Сайгоне», я там книжки продавал, «Лолиту» перепечатывал и продавал. И сидел я, за тунеядство, один раз год, другой раз три года, и через это прошел, да. А здесь мне хорошо, у меня тут в шкафу, – показывает на барочный шкаф, стоящий в подсобке магазина, – книг полно, и по йоге, и по мирозданию, и философия, Ницше там всякий.

Почитаю, потом расчехлю машинку и пишу. Я сейчас вот мемуарный такой экзерсис пишу, потому что стихи последний год как-то не идут.

– А может, все-таки почитаете что-нибудь?

– Нет, зачем это, и не просите, только вот если одно или два.

Гриша прочел мне несколько стихотворений по памяти и ни одно не дал записать. Больше всего меня поразили два. Из первого, называвшегося «Свидание с другом», я запомнила такие строчки: «Друг постарел, зуб спереди прогнил, / А в нашем классе он красавцем слыл...» Этот прогнивший спереди зуб несколько дней потом мне снился. Из второго запомнилась строка: «Ваш бюст меня насквозь пронзил». Тоже образ, прямо скажем, первобытной силы. Особенно выразительно это все звучало среди гарнитуров карельской березы и бронзовых люстр по

двести тысяч рублей.

Гимн Гриша читать не захотел. Как я ни старалась, как ни подводила его к теме безгимнья России (мне ведь письмо из Пскова досталось нелегально, без Гришиного ведома), но, видно, тема эта ему неприятна. Так я и не узнала полного текста 12 заветных строк.

Да и, как сказал бы Гриша на моем месте, нужно ли это, когда на все есть высший смысл и общая неведомая идея?

Потом мы с Гришей пили чай, он дал мне почитать свой мемуарный экзерсис, в каждом абзаце которого содержалось много нового для меня на темы истории России, Петербурга, человечества и литературы. Например, из экзерсиса я узнала, что все репрессии были задолго до Сталина, в 1923 году, а при Сталине была просто партийная чистка. Еще выяснилось, что Сталин был русский, а Блок – еврей. Также я получила известие о том, что славяне произошли напрямую от древних римлян, а древних греков не было вообще. Мне стало понятно, что советский портвейн «Агдам» намного лучше своих средиземноморских собратьев. Я не смогла остаться равнодушной к новости, что Александр I Освободитель на самом деле исповедовал пантеизм и хотел сделать бога Перуна главным символом Российской империи. В общем, это был интересный вечер... Я знаю, вы скажете, что Гриша сумасшедший, что у него полная каша в голове, что вообще незачем обращать на него внимание и что эксперты псковского управления культуры совершенно правильно ему ответили. Так вот позвольте с вами не согласиться. Во-первых, Гриша говорит то, что мне не один раз приходилось слышать. Никогда не забуду бурный разговор двух абсолютно пьяных механизаторов из деревни Старое Рахино, яростно обсуждавших, куда и кому продал Гайдар золотой запас России. И почему никто ничего не говорит об алмазном запасе, который, видимо, продали еще раньше. Не могу я умолчать и о недавнем разговоре с питерским таксистом, оказавшимся бывшим вертолетчиком. Этот вертолетчик очень доходчиво мне объяснил, что Виктор Степанович Черномырдин на самом деле якут. Этим объясняется и то, что ему так трудно дается русский язык, и то, что, разваливая Россию, он просто мстил русским, споившим якутов.

Во-вторых, каша в голове есть прямое и естественное следствие расцвета издательской и телевизионной деятельности, буйствующего на просторах нашей страны.

В-третьих, одним из самых сильных моих желаний еще до знакомства с Гришей было желание возразить псковским экспертам. Например, вопрос «каким громом должна грянуть Россия» представляется мне совершенно бессмысленным. Любому младенцу понятно, каким громом. Грозным, вот каким. Строчка же «Боже! Правь державой могучей» сама по себе прекрасна, а уж когда знаешь Гришину позицию по вопросу веры, то, заменив слово «Боже» на слово «Солнце», не испытываешь ничего, кроме солидарности: «Солнце! Правь державой могучей» – кто-нибудь против? Кто-нибудь решится утверждать, что основная наша беда – не климат?! Что же касается ехидного возражения «И как можно дружить гордо», то тут вообще говорить не о чем – именно так и можно, так будет по-русски. Мы всегда дружили гордо. Вот мы подружили немного негордо с Америкой, и что из этого вышло? Диктат чуждой державы, наш национальный позор. Поэтому впредь мы будем дружить гордо.

Последнее мое соображение, или нет, даже не соображение, а уверенность, заключается в том, что зря псковитяне отвергли гимн Гриши. Потому что никто, в том числе и теоретик и литератор Петрова Галина Александровна, не может нам гарантировать, что текст гимна, написанный не Гришей, будет предполагать наличие глубокой мысли, ее развития, умение пользоваться поэтическими приемами и соблюдение правил грамматики.

На моей вот тетрадке по русскому языку за 7-й класс на задней обложке было напечатано: «Славься, Отечество наше сволодное!»

«Московские новости», 23.02.1999

ХРОНИКА ПИКИРУЮЩЕЙ БОМБАРДИРОВЩИЦЫ (РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В БУТЫЛКЕ)

6 ноября. Сегодня утром у меня отключился телефон. Сперва я даже обрадовалась – все-таки разнообразие. К середине дня я решила, что хватит, пора возвращаться к нормальной жизни. Надела кепочку, пошла на улицу, позвонила телефонным конструкторам.

– Не, – говорят, – мы к вам сегодня не приедем, у нас укороченный рабочий день, потому что праздники.

Ну, я вошла в их положение, действительно, ведь там, наверное, уже девчата салатов нарезали, а мужчины сбегали, куда ж они теперь попрутся чинить мне что-то. Поцеловала телефон, почитала Ротикова, легла спать.

7 ноября. Действительно праздник. Прямо на Невском из громкоговорителя какой-то мужчина пожилым голосом грустно поет, что главная ошибка Мишки в том, что он уходит от него. Видимо, Мишка живет с каким-то другим мужчиной, помоложе. Еще ходят некоторые с флагами. Довольно целенаправленно все стремятся на Дворцовую площадь. В Эрмитаж собрались. Это правильно, потому что когда ж еще в музей сходишь, кроме как в праздники. Они что, прямо так с флагами по залам и бродят?

8 середине дня засорилась раковина на кухне, хотя я туда ничего не клала. Стала мыть посуду в ванной. Не очень удобно. Пыталась прокачать раковину, но ничего не выходит. Аварийку вызывать не стала, потому что, во-первых, праздник, а во-вторых, телефон-то не работает.

Вечером по телевизору показывали что-то неприятное, я смотреть не стала. Надела кепочку, пошла на улицу, купила пива. Выпила, почитала Ротикова, легла спать.

8 ноября. Все-таки немного трудно жить без раковины. Хотела вызвать аварийку от соседей, но выяснилось, что телефон не работает во всем доме. Позвонила из автомата. На улице довольно холодно.

Приезжала аварийка. Милые люди, только почему от них всегда столько грязи? Но в целом они мне раковину починили, сказали, что ванна тоже засорена, и ее тоже починили. Взяли у меня немного денег и ушли. Все-таки не так уж и плохо я живу! Вот завтра еще телефон починю – и просто вполне человеческий быт у меня будет. Вечером немного постирала, зашила карман и легла спать.

9 ноября. Оказывается, сегодня тоже праздник. Интересно какой? Так что телефон чинить не будут.

10 ноября. Сегодня у мамы день рождения. Но я ее так и не поздравлю – телефон-то не работает. Обещали в течение недели приехать починить. Пошел снег. Довольно-таки ранняя зима в этом году!

Очень неприятный этот Макашов.

11 ноября. Вообще они совершенно обнаглели, эти коммунисты! Это ж какое позорище на весь мир, эта их Дума! И главное, мы спокойно это терпим. Может, когда-нибудь их все-таки запретят?

Надела кепочку, пошла на улицу, вернулась, потому что уши мерзнут. Завтра обещали точно починить. Телевизор даже не включала. Просто легла спать.

12 ноября. Ждала телефонистов, читала Ротикова. Включила телевизор – оказалось, зря. Я бы с этим Макашовым такое сделала, чтоб больше никому nepовaдно было! Я его ненавижу всей душой! А если б кто знал, как я Зюганова ненавижу!

Уже 9 вечера. Телефонисты, наверное, сегодня не приедут.

Странно, они ведь обещали. Потом мне все-таки хотелось бы знать, как там у Ирки Пигановой дела – замужем она или нет? Какой-то не очень удачный день получился.

13 ноября. Говорят, плохая примета – пятница, 13-е. В квартире холод нечеловеческий. Топят плохо. Макашов Пашу Лобкова евреем обозвал. Я-то точно знаю, что Пашка не еврей. Он просто очень нервный.

Весь день я вслушивалась в совершенно глухую трубку. С большим трудом можно обнаружить, что в ней кто-то очень далеко поет. Радио, наверное.

А из друзей тоже никто не приходит, потому что телефон не работает, и все думают, что я уехала.

Они так и не приехали. Все-таки согласитесь, что это скотство. Завтра ведь выходные, они вообще не работают.

14 ноября. От унитаза отпал бачок. Сам собой, без всякого вмешательства. Полдня подставляла ведра и тряпки, не в состоянии перекрыть воду. Наконец перекрыла, но все равно капает. А у меня нет такой емкости, чтоб хватило на всю ночь капанья и не пролилось к

соседям, ну нету, понимаете?! Аварийку не вызывать, потому что телефон не работает, соседи снизу пришли, таки протекло на них, а что я могу сделать, что? Трясаясь от злобы, надела кепочку, пошла на улицу из автомата звонить в аварийку, так пока там было «ждите ответа», вся карточка телефонная кончилась, а у нас в ларьке нет больше этих карточек! Господи! Что ж за жизнь-то такая!

15 ноября. Я понимаю, почему эта их революция была именно в ноябре – проклятый месяц совершенно.

16 ноября. Телефон не работает. Бачок тоже. Никто не приезжает. Коммунистов запрещать не будут. Про Ирку ничего не знаю. Макашов на свободе. Голова болит!

17 ноября. Ведь вот что интересно – каждый день они мне говорят, что сегодня приедут и починят!

18 ноября. Они все-таки приехали. Я готова была им руки целовать, мне же аварийку надо вызвать. Они так снисходительно реагировали на мою радость, пока что-то там ковыряли в стенах. Поковыряли, подмигнули мне и уехали.

Телефон по-прежнему не работает. Остальное тоже.

19 ноября. Я им сказала, что подам на них в суд, на эту ПТС. Они мне ответили: «Да пожалуйста, подавайте, нам все равно». Они снова обещают починить, но ведь им верить нельзя. Господи, что же мне делать? Неужели надо брать автомат наперевес и идти их расстреливать? Неужели нет другого выхода? Может быть, в газету написать, на радио, в телевизор, Ельцину? Но ведь если они даже с Макашовым разобраться не могут, то как они разберутся с такими сложными машинами, как телефон или унитаз? Вот предположим, что я им всем написала, а они прочли. И что? Приедет, предположим, какой-нибудь Кожокин из «Известий», Ксения Стриж с «Европы Плюс», Киселев с «НТВ» и – ну, не Ельцин, конечно, это уж я загнула, но, например, Маслюков. Что будет-то? Известно что – поковыряют, подмигнут и уйдут! А все как не работало, так и не будет работать.

20 ноября. Не надо мне говорить про кризис! Это не оправдание!! Сдавайтесь, гады!!!

21 ноября. Батарея потекла.

24 ноября. Конечно, это все суета сует – телефон, унитаз, Макашов, батарея. Я и сама это понимаю. И хочется мне теперь по-настоящему только одного. Кто-нибудь, погрузите меня, пожалуйста, в анабиоз! Разбудите меня тогда, когда кругом будет лето, КПРФ уже лет сорок как запрещена, Макашов умер и могила его неизвестна, телефон работает, бачок починили, по телевизору рассказывают много интересного, на улицах танцуют и поют, но не мешая транспорту. А до этого не надо меня будить, не стоит.

Я вот сейчас еще пивка выпью, Ротикова почитаю и усну. Крепко-крепко. И вы, если хотите, тоже ложитесь. Поздно ведь уже.

«Московские новости», 23.11.1998

ЧАСТЬ II БОГАТЫЕ

ПОЛИТЭКОНОМИЯ: ЭТАЖОМ ВЫШЕ

Год назад моя приятельница поступила на службу в крупную европейскую фирму. Фирма, вдохновленная успехами в Москве, решила открыть Большой Магазин в Петербурге. Набрали сотрудников, протестировали, оставили толковых и отправили учиться в столицу. После многочисленных тренингов, проникнутых корпоративным духом и корпоративной мифологией, стажеры приступили к работе в торговых залах под неусыпными очами начальства. Большая часть начальства была представлена соотечественниками, меньшая, и самая главная, – холдинг – европейцами. Холдинг сидел на третьем этаже московского Большого Магазина, редко

спускался вниз, а когда ему надо было что-нибудь от сотрудника, вызывал его к себе и там делал с ним то, что обычно начальство делает с подчиненными. Там, наверху, всегда царил Дух Фирмы. Там верили в товарищество, запрещали совместный труд в Фирме близких родственников, поощряли соревновательность и не поощряли доносы, приветствовали совместные выезды на пленэр, не одобряли подхалимаж и выслушивали рацпредложения.

А тем временем в самом Большом Магазине русские сотрудники весело реформировали Дух Фирмы в направлении, скажем так, большего реализма. Многие привели на работу родственников. Некоторые сообразили, что отношения надо налаживать с тем русским народным начальством, которое Бог послал им непосредственно в торговом зале. Иные прибегли к изветам и доброжелательным сообщениям о поведении коллег в нерабочее время. Другие тратили часть стажерских денег на скромные, но запоминающиеся подношения новым друзьям, лишь по случайности занимавшим высокие посты в Фирме. Самые дальновидные, отучившись и получив запись в резюме, быстро перешли в более доходные компании. И вот настало время последнего собеседования с европейскими менеджерами перед отправкой в Петербург. Вызвали на третий этаж и мою приятельницу.

Нет, не думайте, что она выложила им все начистоту с именами, фамилиями, датами и явками. На своего иноязычного собеседника Катя смотрела со смесью насмешки и сочувствия. Он сидел и искренне верил, что там, внизу, все происходит именно так, как он объяснял на тренингах. Он простодушно и твердо глядел на двух своих русских ассистенток, прекрасно знавших обо всем, что происходит в Большом Магазине, и несколько опасавшихся, что сейчас кто-нибудь ему это доходчиво объяснит. Он продолжал считать, что все идет как надо и все будет хорошо. Поэтому моя приятельница устало посмотрела в его голубые доверчивые глаза, сообщила, что она недостаточно молода для такой пылкой веры в Дух Фирмы, и уволилась.

Когда-то я работала в Большой Газете. Холдинг издательского дома, обладавшего газетой, располагался на четвертом этаже. В редакции никогда не знали, что там на самом деле происходит, и слова «А что об этом скажет четвертый этаж?» производили на сотрудников гипнотическое действие. От «четвертого этажа» никогда не ждали хорошего и всегда удивлялись абсурдности его выходок.

Много позже мне пришлось общаться с теми, кто был этим самым «четвертым этажом». Выяснилось, что они тоже совсем себе не представляли, что же там копошится у них внизу, в редакции. Пребывая в блаженном неведении, они и принимали свои кадровые и закадровые решения, свято веря, что внизу их поймут, одобрят, проникнутся. Та редакция, которую они себе представляли, никогда не существовала в природе.

Я вот думаю: может, там, в Кремле, холдинг сидит?

«Ведомости», 29.08.2003

ВОСПОМИНАНИЯ О В. Е. ЯКОВЛЕВЕ И НЕ ТОЛЬКО

От редакции

Главная новость из жизни газетного рынка прошедшей недели – объявление о продаже 78 процентов акций «Коммерсанта» – самого успешного и внешне благополучного Издательского дома в России. Владелец основного пакета акций «Коммерсанта» Владимир Яковлев в интервью, которое он дал своим же журналистам в Амстердаме, сообщил населению, что намерен быстро, в течение месяца, продать Издательский дом желающим. Правда, при условии, что таких желающих будет несколько, поскольку Яковлев не хочет, чтобы его детище принадлежало кому-то одному. Приблизительная цена, которую, судя по некоторой информации, рассчитывают получить от будущих покупателей, – 150 миллионов долларов. Но на самом деле, конечно, не так уж и важно, почем удастся отдать Издательский дом. Искренне интересно, зачем это делает Яковлев. Люди говорят разное. Часть наблюдателей полагает, что дела у Издательского дома идут плохо. Большие долги, снижение рекламных продаж, падение тиражей. Почему бы не отдать все это в хорошие трудолюбивые руки? Другие считают, что Яковлев и его менеджеры придумали очередную

гениальную схему получения денег на предвыборную кампанию. Объявление о распылении контрольного пакета позволит легально закачать в ИД значительные средства. Наконец, третьи в своих умозаключениях крайне прозаичны. Владимир Егорович Яковлев, видный магнат и наставник творческой молодежи, просто устал. От судьбоносных решений, интриг, проектов и взволнованных звонков из Москвы, несущих ему образцы мирской суеты и тщеты, от которых Владимир Егорович всю свою жизнь как раз пытался скрыться. Возможно, ему казалось, что деньги тем и прекрасны, что дают шанс откупиться от внешнего мира – злобного, неуютного и нечистоплотного собрания людей. Деньги, однако, оказались странным и безжалостным инструментом. Видимо, потому что их делают все те же люди. Владимир Егорович, наверное, окончательно устал от людей. Ему явно хочется побыть вдали от них, забыть, как они устроены, а потом, быть может, снова вернуться и попытаться еще раз заставить их за деньги жить по его законам. Возможно, это произойдет через полгода. Возможно, грез год, когда страна и ее газеты переживут свой кризис и станут другими. Но не теперь. Теперь он отходит от дел, оставляя России главный результат своей жизни – малопонятный и тщательно закрытый от посторонних, но вполне исправный Издательский дом, до неузнаваемости изменивший в свое время всю русскую журналистику. Что это за организация такая?

Как в ней все устроено? Что за люди там работают? Это почему-то всегда вызывало у публики нешуточный интерес. Заметка, которую мы печатаем, отчасти, безусловно, удовлетворит его. Написала заметку Дуня Смирнова, проработавшая в «Коммерсанте» несколько лет.

Я проработала в Издательском доме «Коммерсантъ» три года. Мне ни разу по-настоящему не пришлось пожалеть ни о том, что я туда пришла, ни о том, что я ушла оттуда. Но известие об изменениях в ИД поразило меня как-то... посемейному. Представьте себе, что ваша глубоко бывшая жена вышла замуж за дрессировщика. Или собралась эмигрировать. Или ушла в монастырь. Вроде вас давно уже ничего не связывает и нет никакого резона так волноваться. Но, вопреки разуму, вы в смятении. Вас сжигает необъяснимое любопытство. Вы пытаете общих знакомых и звоните родственникам с деликатным вопросом, не сошла ли она с ума. А потом, размахивая руками, предаетесь горячечным воспоминаниям о прежней семейной жизни и ищете в ней причины новейших событий.

Структура

Когда я первый раз попала в московскую редакцию «Коммерсанта», я была ошарашена количеством умных, образованных, остроумных мужчин и женщин на один квадратный метр. Ничего подобного я нигде не видела. Филологи, экономисты, социологи, брокеры, искусствоведы, люди с учеными степенями и студенты – это была абсолютно блистательная команда, глубоко убежденная в том, что лучшие люди страны делают лучшую в стране газету и замечательные журналы.

Благодаря тому, что средний возраст сотрудников не превышал двадцать восемь лет, в газете не было обычного балласта в лице симпатичных пузатых алкоголиков, давно положивших не только на собственное творчество, но и на жизнь в целом. Работали в «Коммерсанте» много и тяжело. Зарабатывали тоже очень много.

Первое, чему мне пришлось научиться, придя в ИД, – написание концепций. За год работы директором питерского представительства я написала пятьдесят две концепции. Это были концепции развития корпункта, концепции работы с рекламодателями и информисточниками, концепции сметы, концепции переезда в новый офис, концепции выпуска приложений, концепции работы отдела культуры, концепции подписной кампании и концепции подбора кадров. С тех пор я могу за полчаса создать три-четыре страницы страшно деловитого текста на тему развития чего угодно в какую угодно сторону.

Уже через полгода я поняла, что Издательский дом – это такой мини-госплан, где без соответствующей бумажки нельзя ни чихнуть, ни хрюкнуть. У этих бумажек была своя стилистика: их надо было писать с интонацией здравомыслия, напористо и по возможности кратко. Приветствовались разговорные жаргонизмы, ловко вплетенные в деловой текст.

Выглядело это примерно так: «При фильтрации информационных потоков необходимо использовать федеральный подход к региональным новостям. Стрингеры должны понимать, что среди региональных ньюсмейкеров много тупоголовых придурков, занятых только личным промоушном». Начальство очень любило бумажки и само тоже писало их в неисчислимом количестве.

Кстати, начальства в Издательском доме всегда было много, все оно было разное, неизвестное простому народу и сосредоточенное в каких-то своих таинственных норах – то «на 4-м этаже», то «на Ордынке». Вниз доходили только смутные тревожные слухи о его жизнедеятельности. Про начальство было известно, что оно играет на бильярде, часто куда-то уезжает, все время что-то покупает и что оно очень строгое.

Владимир Егорович

К тому моменту, как я увидела владельца и президента Издательского дома Владимира Яковлева, я работала в «Коммерсанте» полтора года. В общей сложности за три года службы я встречала Яковлева семнадцать раз. Восемь из них я с ним разговаривала. Один раз – пятнадцать минут, один раз – десять, два раза – по пять минут, остальные разы были использованы на приветствия и прощания. Я до сих пор могу дословно повторить все, что мне сказал Яковлев. И не то чтобы слова его были так уж значительны, но сама встреча с Яковлевым для рядового сотрудника являлась вехой, огромным событием в жизни. Я знаю нескольких людей, служащих в «Коммерсанте» года по четыре, которые так и не знают, как именно выглядит Владимир Егорович.

В международном менеджменте существуют два противоположных метода управления. При одном всякий сотрудник корпорации не только знает в лицо главу фирмы, но и имеет возможность поговорить с ним хотя бы раз в год. При другом методе рядовой работник никогда не видит владельца компании. Оба метода считаются одинаково эффективными и несовместимыми. Но блеск и нищета Издательского дома «Коммерсантъ» всегда состояла в обязательном изобретении велосипеда. Сотрудник «Коммерсанта» мог никогда не видеть Яковлева, а мог и встретить, быть удостоенным дружеской беседы с обращением на «ты» (Яковлев со всеми на «ты»), во время которой означенный сотрудник икал, мычал и тряс головой от суеверного ужаса.

Достоверно про Яковлева было известно несколько вещей. Все знали, что Яковлев – сын своего отца и отец своего сына, буддист, муж Ксении Махненко – доброй и обаятельной женщины, возглавляющей журнал «Домовой». Также было известно, что Яковлев не переносит, когда его зовут Вовой, не ест мяса, живет в Жуковке, Амстердаме, Шотландии и где-то еще, много раз бросал курить, не пьет. Все многочисленные перемещения по миру «Володи» (так Яковлева зовут за глаза все в ИД), о которых долетали слухи в редакцию, многократно обсуждались и уточнялись. Когда Яковлев в России, по Издательскому дому бесконечно перекачивался шелест: придет – не придет? Время от времени сотрудники горячо спорили по вопросу, сошел ли Яковлев с ума. В серьезном, медицинском смысле.

Однажды темным зимним вечером мы шли со службы с Ларисой Юсиповой, тогда заведующей отделом культуры в газете «Дейли», а ныне сотрудницей журнала «Вог».

– Скажи, Лара, ты часто думаешь о Яковлеве? – спросила я.

– Довольно часто, – задумчиво ответила Лариса.

– А скажи, он тебе когда-нибудь снился?

– Снился пару раз. Просыпалась в холодном поту. А тебе?

Мне тоже. Вот я и думаю: представляешь, какое количество людей, о которых Яковлев ничего не знает и знать не хочет, с утра и до ночи размышляют о нем, причем в самых разных выражениях. Ведь, наверное, все эти мысли где-то там скапливаются и потом падают на голову Яковлеву в виде каких-нибудь метафизических осадков. Ведь это же ужас!

– Не знаю. Яне Яковлев.

Дальше мы шли молча, размышляя о том, хотели бы мы быть Яковлевым или нет. Я для себя решила этот вопрос отрицательно: уж очень все-таки страшно. Страшно быть человеком, от которого столько зависит. Страшно одним своим капризом или мнением решать судьбы

нескольких сотен незнакомых людей. Но это мне страшно. Яковлеву не страшно. Во всяком случае, не было страшно.

Причуды

Насколько я понимаю, первоначально в Издательском доме все задумывалось на благо человеку. Спортзал, массажист, мануальный терапевт, сауна, тренеры, утренние медитации, психологи, буфет, столовая, ссуды на квартиры, премии, автомобили, – предполагалось, что ИД создает нам все условия для эффективного труда, а мы в ответ отдаем ИД лучшие годы своей жизни. Обмен вполне адекватный. Всем этим можно было и не пользоваться. Но разумнее было пользоваться. Через это ты приобщался к корпоративному духу.

Я помню, как Издательский дом последовательно пережил повальное корпоративное увлечение сперва бадминтоном, а потом водным поло. Объяснялось это тем, что в обе игры с удовольствием играл Яковлев.

Я знаю нескольких технических сотрудников, в разное время удостоенных головокругительной близости к руководству благодаря увлеченным занятиям восточными единоборствами и буддизмом. Какие блистательные карьеры делались водителями или буфетчиками, отдававшими должное тантрическим премудростям! С какой молниеносностью взлетали зарплаты тех, кто пару раз поплавал в бассейне! Как легко было уведомить начальство о горячей к нему любви через психолога, консультировавшего и низших, и высших!

Все это, как вы понимаете, обсуждалось, обмусоливалось и комментировалось в редакции. Мы этим всем жили. С раннего утра до поздней ночи главными темами разговоров молодых, умных, половозрелых людей были не секс, наркотики и рок-музыка, а перестановки в правительстве и сплетни родного холдинга.

Видимо, для того, чтобы все это прекратить, в конце концов был создан электронный информатор ИД. Когда начальство хотело что-то сообщить сотрудникам, в компьютере появлялись либо сообщение, либо развернутые интервью главных начальников. Беда только в том, что так называемые новости 4-го этажа появлялись на мониторах как минимум через месяц после того, как редакция уже была доведена до белого каления разноречивыми интерпретациями этих же самых известий. То, что сотрудники читали в информаторе, всегда оказывалось полуправдой, к тому же чрезвычайно бедной подробностями.

Венцом этого демократического информирования общественности был на моей памяти случай со снятием очередного главного редактора газеты «Дейли». Мало того что главный редактор узнал о своем снятии последним, как рогатый муж. «Дацзебао» по этому поводу позвало сотрудников к голубому экрану через две недели после того, как газетой руководил уже совершенно другой человек.

Другой вечной причудой ИД была стратегия. Я пришла в «КоммерсантЪ» на гребне так называемой федеральной программы. Руководство было увлечено идеей сделать газету «Дейли» федеральной. По этому поводу в довольно чахлае корпункты вгрохивались большие деньги. Через год, когда федеральная программа стала давать какие-то результаты, ее было решено свернуть. Что-то там у начальства не срослось, и оно изящно перепорхнуло к идее усиления роли выпускающих.

Потом и выпускающие начальству надоели, и оно вдохновилось изменением макета и новостной политики. Параллельно с удивительным постоянством холдинг реорганизовывал рекламное агентство «Знак». Где-то на Петровке буквально годами в виртуальном режиме делался журнал «Столица», купленный ИД в минуту умоисступления.

Этот самый журнал стал последним прихотливым фуэте, исполненным руководством на моих глазах. В январе прошлого года «Столица» перестала быть виртуальной. Издательский дом сотрясился от слухов. Сказочные зарплаты, радиотелефоны всем сотрудникам «Столицы», две поездки в любую страну за счет ИД, машины всем и шоферы всем – «вот что было обещано Сыщику, если он отыщет беглянку и вернет ее во дворец» (Ю. Энтин, В. Ливанов «Бременские музыканты»). Финал этой блистательной эскапады известен. Призы Союза журналистов России и фестиваля «Золотой Остап» настигли журнал «Столица» как раз тогда, когда холдинг ИД его закрыл.

Потом еще были объединенная редакция всех изданий, создание группы спецкорреспондентов ИД, увеличение зарплат, сокращение зарплат, пятьсот шестнадцатая реорганизация рекламного агентства «Знак», но это уже было без меня, я про это ничего не знаю. Хотя представляю себе очень живо. И вот Издательский дом продается. Яковлев больше не будет его президентом.

Конец

Вроде бы ничего страшного. Ну, сменится инвестор, ну, будет в «Коммерсанте» еще одна реорганизация.

На самом деле уход Владимира Яковлева из издательского бизнеса означает конец целой эпохи. Эпохи открытий и самодурства в русской прессе. Эпохи талантливого изобретения велосипеда. Радоваться этому или печалиться – я не знаю. Наверное, лет через пять велосипеды отечественных газет и журналов перестанут отличаться от практических западных образцов. Это хорошо. Потому что «велосипед Яковлева» развивал бешеную скорость, но сидеть на нем было очень неудобно: он заваливался набок и натирал задницу.

Но, с другой стороны, расставаться с прошлым без сожаления тоже как-то глупо. Издательский дом «Коммерсантъ» был отличной школой и для тех, кто там служил, и для тех, кто наблюдал за его работой со стороны. Я давно уже думаю, что на базе ИД надо было бы открыть вуз: там действительно учат писать, много работать, заниматься своим делом. Учат, а потом не знают, как это использовать.

Люди, поработавшие в Издательском доме, его «выпускники», успешно трудятся на телевидении, в журналах, газетах, банках. Может быть, не все из них знают, КАК НАДО. Зато абсолютно все знают, КАК НЕ НАДО. Это уже очень немало.

Спасибо Вам за это, Владимир Егорович Яковлев, наш Вождь и Учитель. Будьте здоровы. И по возможности счастливы.

«Московские новости», 30.06.1998

ЕСТЬ ВЕЩИ ПОВАЖНЕЕ, ЧЕМ СЕКС

Когда я служила в Издательском доме «Коммерсантъ», со мной приключилась одна поучительная история.

На первой полосе газеты под центральной фотографией стояла главная статья номера. Полосу уже можно было бы подписывать и отправлять в печать, если бы не отсутствие заголовка. Вернее, заголовок-то был, но неудачный. И даже не то чтобы он был неудачный, а просто суховатый. Если еще точнее, я не помню, так ли уж сух и неудачен был заголовок, я его вообще не помню, но в этот вечер в редакции находился тогдашний владелец Издательского дома Владимир Яковлев. И его этот заголовок решительно не устраивал. А я тогда как раз работала выпускающим редактором этого злосчастного номера.

Я ходила к Яковлеву раз пять, каждый раз принося ему с десятков вариантов заголовка. Ему все не нравилось. Причин недовольства он не объяснял, не имел такой привычки. Наконец, утомленный моей тупостью, Яковлев с тоской посмотрел на свои ботинки и сказал: «Не то, все не то. Нужно что-то сексуальненькое». Я страшно оживилась и через минуту принесла ему заголовок «Не голосуй, а то мы проиграем». Магнат был совершенно удовлетворен, я быстро подписала номер и счастливая пошла домой. Забыла сказать, что заметка, к которой относился заголовок, повествовала о предвыборной кампании КПРФ.

До сих пор, то есть уже четыре года спустя, я не имею никакого понятия о том, что же в этом заголовке было сексуального с точки зрения издателя и почему вообще сексуальность может быть критерием оценки политической статьи в газете. Но больше всего меня мучает другой вопрос: каким образом мне удалось так быстро удовлетворить начальство с полным внутренним ощущением, что я поняла, чего от меня хотят, если до сих пор я так и не знаю, что же я сама-то сексуального в этом увидела?..

Вы пробовали когда-нибудь популярный в питейных заведениях нашей страны коктейль «Оргазм»? Честно говоря, я мечтаю встретить человека, который его пробовал и смог бы мне

рассказать, что же это такое. Я ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь однажды громко сказал бармену: «Два оргазма, и побольше льда, голубчик...»

Недавно в кафе на Невском проспекте я услышала следующую реплику, оброненную молодым человеком хорошего клерковского вида:

«Я имел сексуальные отношения (в оригинале было несколько грубее, но в рамках цензуры. – Д. С.) с этой спецификацией трое суток, но отдел логистики ее завернул». Как вы понимаете, в этом контексте сексуальные отношения представлялись неким мрачным, безрадостным процессом, не доставившим удовольствия никому, включая отдел логистики...

Мир стал описывать сам себя в терминах сексуальности. Власть – это сексуально. Деньги – это сексуально. Спорт – тоже сексуально. Автомобильная индустрия кружится в вальсе с психоанализом. Реклама майонеза повествует об эдиповом комплексе. Курить сигары – это сексуально, и вот уже невозможно видеть без дрожи, как девушка откусывает банан. Я уже не говорю о кино, легкой промышленности, шоу-бизнесе и косметологии, которых вроде как положение обязывает. Хотя почему оно их обязывает?..

Ни один психофизически здоровый человек не станет спорить с тем, что секс – одно из ярчайших доступных нам удовольствий. Но меня есть серьезные сомнения в психофизическом здоровье большинства моих современников, убежденных, что секс – единственное такое удовольствие. С самого невинного возраста человека приучают к этой мысли. Вот конкурс красоты «Мисс Детский сад» (видела своими глазами по телевизору) Вот День святого Валентина для учащихся 1-3 классов (в школе, где до недавнего времени учился мой сын). Вот мои друзья говорят своей шестилетней дочери: «Правильно, Сонечка, мужчину надо мучить, а то он любить не будет» (совет относится к тому моменту, когда Соня в четвертый раз воткнула вилку в руку двоюродного брата; брату при этом пять, так что мужчиной его можно считать весьма условно).

Предваряя читательское ехидство, приходится оговариваться, что я не вошла еще в тот возраст, когда мысль об упущенных и уже недоступных возможностях отравляет жизнь. Мне лично гораздо больше отравляет жизнь мысль обо всех тех возможностях, которые у меня не хватило ума упустить. Сколько времени потрачено на бессмыслицу, сколько сил, денег и дарований ухлопано на пустейшее желание нравиться, на чужих, чуждых, ненужных людей! Самое обидное, что и сейчас не получается жить так, как хочется: невозможно, например, спокойно пообедать в ресторане в одиночестве. Это будет понято как приглашение или ожидание.

Мы вообще разучились есть и пить в одиночку! Не называть же едой холодную котлету, зачерпнутую рукой из сковородки с немывтым помидором вприкуску. Вспомните, давно ли вы делали и сервировали сложносочиненный салат только для себя, не имея в виду ни гостей, ни родных? Покупали ли вы когда-нибудь бутылку шампанского с целью распития оной без посторонней помощи, но не из горла?

А много ли раз вы водили себя в театр, в концерт, вывозились самостоятельно за город, в дальние страны, и чтоб не с целью шопинга, замужества, романтической встречи, интересного знакомства, секс-туризма или демонстрации нового наряда, а просто так, чисто для удовольствия, вообще неизвестно для чего, а потому что так захотелось? Давно ли вы хотели чего-нибудь только для себя, в чем никто бы не был задействован и о чем никто бы никогда не узнал? Давно ли вы любили свою собственную жизнь?

Вспору горевать об исчезновении единицы – везде двойственность, двоичность, субъект и объект. Все возможные способы восприятия мира заменены одним, вернее, двумя – притяжением и отталкиванием. Страшась одиночества, люди цепляются друг за друга, делаясь соучастниками и свидетелями чужой и непонятной им жизни других. Переживая то, что на Западе назвали кризисом идентичности, большинство выбирает самый простой и древний способ познания – секс. Я занимаюсь любовью – значит, я существую. И все многовековые изыскания блестящих умов, высокоразвитых цивилизаций, культур и религий – все летит к чертовой бабушке. Или еще точнее, к дедушке. К тому змию, кто так жестоко обманул наших прародителей, обещав им познание и мудрость. Секс, к сожалению, к познанию не ведет. Это тупиковая ветвь развития человечества, нового пока не удалось в этой области придумать ничего и никому.

Как известно, есть только два вида разделенного переживания, совместного экстаза – религиозный и половой. Вполне понятно, что первый же век, который человечество провело вне религии, стал веком, в котором пол подменил Бога. Чуждаясь проповеднического пафоса, нужно признаться в одном: религиозное чувство предполагает общение человека с какой-то другой инстанцией, даже, в общем-то, неизвестно как выглядящей. Возможно, инстанция с бородой, а может, у нее шесть рук. Никто достоверно не знает. Половое чувство при всей широте наших взглядов, как правило, направлено на себе подобных. Человек замкнулся сам на себе.

Бывает так, что встанешь утром, и день-то вроде ничего особенного, солнце сквозь облака, дождь моросит, и случится вроде ничего не должно – никто не приезжает и ты никуда не едешь, и даже денег ждать неоткуда, все как обычно; но вдруг охватывает ощущение такого немислимого, пронзительного и совершенно необъяснимого счастья, такой иррациональной радости жизни, что хочется орать, строить рожи и размахивать руками. Знаменитая картина художника Владимира Шинкарева «Один танцую» выражает именно это чувство. Недаром художник много лет кормится ею, рисуя новые и новые варианты для благодарных заказчиков.

Запах снега, ярко-синий купол Троицкого собора, сулугуни с базиликом и помидором, завернутые в лаваш, сентябрь в Царскосельском парке, новый детективный роман в кармане плаща, запотевшая рюмка водки с мороза, тишина дачного поселка, сон выздоравливающего ребенка, стук ливня по карнизу, ощущение гибкости и длины своего тела, случайно найденные деньги, красивая комбинация в шахматной партии с компьютером, далекий гул самолета, смерть брата Николая в «Анне Карениной», первая прогулка по незнакомому городу, момент засыпания между явью и сном, секундная картинка из детства, запах материнских волос, младенчество, небытие... И все это – подлинные, несравненные наслаждения, ничуть не меньшие, чем запихивание одних частей тела в другие части тела постороннего человека.

Хотя и это тоже довольно приятное занятие.

«Vogue», ноябрь, 2000

ШОУ БИЗНЕСА

В России очеловечивание в массовом сознании образа бизнесмена есть, безусловно, важное дело. Занимаются им с одинаковым рвением как PR-службы самих компаний, так и журналисты деловых и не очень изданий. Между тем сценарий, по которому это очеловечивание происходит, довольно парадоксален.

На страницах газет и журналов, в радио- и телеэфире бизнесмены охотно высказываются по любому поводу, кроме собственно бизнеса. «Как вам погода?» – спрашивает один журнал. «Каким вы видите будущее России?» – вопрошает другой. «Сколько у вас детей?» – интересуется третий. На все эти вопросы предприниматели отвечают ответственно и подробно. Сами или через пресс-секретарей. Устно или письменно. Как угодно. Но попробуйте задать тем же бизнесменам вопрос о структуре собственности в их компаниях или о подробностях контрактов их топ-менеджеров, о неведомой судьбе некогда славного структурного подразделения, о планах по завоеванию новых рынков – в лучшем случае вам сообщат, что это закрытая информация, в худшем сошлются на вездесущую коммерческую тайну.

Все мы давно и хорошо знаем Б. А. Березовского. Широкой общественности известны политические взгляды олигарха, его семейное положение, поэтические воззрения на природу и историю родины и мира, прогнозы на будущее. Недавно в эфире радиостанции «Эхо Москвы» Борис Абрамович очень увлекательно рассказывал об английской моде, клубах и галстуках. Так же со слов самого Б. А. известно, что у него есть бизнес.

Какой? Не спрашивайте. Где? Не любопытствуйте.

Конечно, нет ничего дурного в том, что у наших коммерсантов активная жизненная позиция, неподдельный общественный темперамент сочетаются с откровенностью и озабоченностью судьбами человечества. Безусловно, обывателю интересно знать как о чадах и домочадцах промышленников и купцов, так и об их взглядах на грядущую китайскую угрозу и глобальное потепление. Но скажем прямо, что общественной отдачи от этой информации никакой. Это хоть и PR, но вполне бессмысленный. Можно, конечно, в каждом интервью или

очерке рисовать правдивый портрет трудоголика, не знающего сна и отдыха. Подобной абстрактной героизацией своей профессии часто занимаются топ-модели: от них то и дело слышишь, что на самом-то деле у них очень тяжелая, изнурительная работа, отнимающая все силы, время и совсем не похожая на сказку. Только вот в чем ее особенная тяжесть (да и в чем, кроме не очень утомительного хождения по подиуму?), они почему-то никогда не говорят.

Бизнесмены ведут себя ровно так же. Между тем гораздо больше пользы для самосознания нации принесли бы рассказы о том, каким все-таки способом, при каких условиях, способностях и навыках и, наконец, сколько можно в нашей стране заработать денег. Частная жизнь – заповедная территория любого человека. Если он хочет, он впускает туда нескромных зрителей. Не хочет – не впускает. Даже звезды, брэнды которых отчасти состоят и из частных сведений, вправе дозировать их количество, изливающееся на публику. Зато все, что касается работы, не должно и не может быть тайной за семью печатями.

У нас все наоборот. Главные «сливные» сенсации последних лет, касающиеся наших бизнесменов, раскрывают секреты их профессиональной деятельности, а отнюдь не интимной жизни. Про интимную жизнь бизнесмены с удовольствием рассказывают сами.

«Ведомости», 23.05.2003

ОБЫЧНЫЕ ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ

Об этике бизнеса написаны миллионы томов. Если задуматься, первым из этих томов можно считать Библию. Человечество самыми разными способами пытается примирить нравственные законы с законами коммерции. Получается не всегда стройно, но деваться-то все равно некуда. Качества, считающиеся в частной жизни неприятными, а порой и недостойными, то и дело оказываются необходимыми в предпринимательской деятельности, и наоборот. Недоверчивость, неискренность, жестокость, двуличие, честолюбие, алчность, эгоизм – для частного лица это пороки. Для бизнесмена они то и дело становятся формой спасительной предприимчивости. Осуждать язык не повернется. Другое дело, можно ли надевать их как рабочую униформу с девяти до шести, а возвращаясь домой, оставлять все это хозяйство в служебном кабинете. Кому-то это удается, кому-то нет.

Жесткий руководитель может оказаться в домашней обстановке унылым подкаблучником. Лютый интриган с партнерами по бизнесу бывает трогательным другом, преданным прежнему однокласснику до идиотизма. Все бывает. Единственное качество, которое присуще абсолютно всем коммерсантам и в частной жизни тоже, – крайняя степень подозрительности.

Туго приходится другу делового человека. Его подозревают всегда и во всем. Ну, во-первых, конечно, в желании попросить денег. Взять и не отдать. Потому что в желании отдать вас решительно никто и никогда не заподозрит. Среди моих приятелей есть трое из тех, кого можно назвать олигархами. Так вот опыт дружбы с ними подсказывает мне, что даже если я буду голодать, они будут последними, у кого я попрошу займы. Деньги-то я верну, но вот дружбы мне больше не видать как собственных ушей.

Во-вторых, вас обязательно будут подозревать в том, что вы дружите не просто так, а с корыстью.

Не удивляйтесь, это не то же самое, это уже не деньги. Просто вы должны быть готовы к тому, что про вас думают как про человека, любящего приезжать отдохнуть на чужую комфортабельную дачу, знакомиться с влиятельными людьми, которые вам нужны для ваших темных делишек, ходить за чужой счет в ресторан, в фитнес-клуб, на концерт Спивакова, на аукцион, на премьеру, в космос и т. д. Если вы не хотите, чтобы про вас так думали, заведите себе специальный блокнот, в котором с педантизмом сумасшедшего немца отмечайте, сколько раз и куда позвали вас, а сколько и куда позвали вы в ответ. Не скупитесь, смело превышайте свой бюджет, и вам отплатят сторицей – на вас не обидятся. Я понимаю, это не совсем то, что вы привыкли называть дружбой, но учитывайте, что паранойя заразна.

В-третьих, если вы сумеете соблюсти все предыдущие требования и не оступитесь, вас заподозрят в том, что вы снисходите до презренных дельцов с высот своего интеллектуального снобизма. Стараясь как можно реже говорить о новых книгах, фильмах и выставках из уважения к занятости вашего друга, вы неминуемо навлечете на себя подозрение, что считаете

его неспособным все это оценить. Если же вы, напротив, страстно будете повествовать о своих последних эстетических впечатлениях – значит, вы выпендриваетесь и самоутверждаетесь хотя бы так. Что бы вы ни делали, пройдут годы и годы, прежде чем вы с чистым сердцем, не боясь гробового молчания в ответ, сможете себе позволить послать своего богатого друга к черту, когда он будит вас с похмелья.

«Ведомости», 24.05.2002

ПОИСКИ ЖАНРА

Мой друг купил таун-хаус. Небольшой коттеджный поселок на окраине города, прямо за ним – лес, до центра двадцать минут на машине. Почти рай, только дети недовольны: приходится дружить не с теми, с кем хочется, а с теми, кто живет в соседнем доме, – остальным неудобно добираться. В поселке, естественно, все знают друг друга и не то чтобы дружат, но мирно приятельствуют. Все про всех все знают: кто на чем заработал, у кого какая машина, собака, жена, кто сколько на ремонт потратил. Замкнутое пространство, тесное соседство, примерно одинаковый уровень жизни, буржуазная основательность, деревенская тишина – в сущности, идеальные декорации для классического детектива в английском стиле.

В классическом детективе действует несколько непреложных законов. Почти все его участники должны иметь мотив для убийства. Абсолютно все – возможность убить. Мотивов для убийства всего три: деньги (права наследования, долги, шантаж), месть (она же ревность) и боязнь погубить репутацию. Действующими лицами (подозреваемыми, убийцами) из романа в роман становятся добропорядочные граждане – мирные буржуа, чопорные рантье, благополучные клерки, тот самый средний класс с тенденцией в высший.

В России он уже есть, и с каждым днем его ряды пополняются. Почему же нет классического детектива? Почему массовая беллетристика производит триллеры, боевики, авантурные романы, женские саги с криминальной интригой, социально-экономические очерки со стрельбой – все что угодно, только не детектив? Почему единственный работающий в этом жанре русский писатель, Б. Акунин, вынужден переносить свое действие в прошлое, а хотя бы частично современный роман «Алтын Толобас» – безусловно, самое его слабое произведение?

Почти каждый писатель мечтает однажды написать детектив. Жесткость схемы, интеллектуальная игра, реализм и жизненность характеров, напряженная интрига – самая сладостная задача для литератора. Хороший детектив держит читателя в напряжении именно благодаря своей убедительности: это может произойти с каждым, в том числе и со мной; на месте убийцы я, скорее всего, поступил бы так же. Оголтелым злодеям, нездоровым маньякам, прирожденным убийцам и профессиональным бандитам нет места в детективе, они – герои других жанров. Остается только два возможных типа героев: либо это отчаявшийся маленький человек, зажатый в угол обстоятельствами, либо «столп общества», дорожащий своим благополучием больше всего на свете и ради его сохранения готовый на все.

Первый тип в современной России до того распространен, что, описывая его жизнь, писатель неминуемо вынужден с сочувствием и подробностями воспроизводить ущемленное люмпенизированное сознание. Он должен идти от героя, от его внутреннего мира и обстоятельств, а это уже не детектив, скорее триллер вроде чейзовского. Учительница-убийца так тяжело, так безвыходно живет, что читатель от всей души будет желать ей остаться непойманной, изнутри и до дна понимая ее несчастья. Между тем прелесть настоящей детективной интриги состоит в несоответствии фасада и интерьера, внешнего и внутреннего. Невозможно предположить, что этот добропорядочный господин и есть убийца, а тем не менее это так. Для создания отечественного детектива остается только один типаж – новый русский. Не олигарх, не банкир, не криминальный авторитет, а хозяин небольшой фирмы, добротное общее место, наш сосед по даче, бывший одноклассник, отец дочкиного кавалера. И тем не менее такого детектива в русской беллетристике нет и, к сожалению, в ближайшее время не будет.

Еще один мой приятель, напротив, продает свой таун-хаус и покупает большую квартиру в центре: его жена категорически отказывается растить ребенка вдали от музыкальной школы и прочих очагов культурного общения. Я пытаюсь вообразить себе, при каких обстоятельствах

один или другой мой «новый русский» друг был бы способен на уютное английское убийство, и понимаю: ни при каких. И тот, и другой по происхождению, образованию, роду занятий при советской власти – интеллигенты. Первый – программист, второй – журналист. Обоим ради нынешнего благосостояния пришлось пережить не только тяжкие удары судьбы (первые разорения, первые обманы, удары по доверчивости), но и внутренние кризисы – разрывы с друзьями, презрение высокомерной родни, тоску по кухонным умствованиям, смену среды, противоречия с православной доктриной бедности и т. д. Эти переживания были наполнены таким внутренним драматизмом, а сделанный выбор потребовал таких душевных сил, такой последовательности и ответственности, что назвать кого-то из них «общим местом», заурядным обывателем язык не поворачивается.

Почти за каждым нынешним русским буржуа стоит не традиция поколений, а усилие личного выбора, прорыв собственного опыта, преодоление инерции. О них можно написать экзистенциальную драму, но не детектив. В каждом из них столько созидательной, жизнестроительной энергии, что убийство – акт разрушения – вступает в непримиримое противоречие с характером, делается неправдоподобным. Они довольны своей нынешней жизнью, но хорошо знают, что бывает другая, и не боятся ее. Ради сохранения своего богатства никто из них не рискнет главной ценностью, главным завоеванием своей жизни – душевным покоем.

Так что писать о «новых русских» приходится то в жанре басни, то гимна, то элегии.
«Ведомости», 15.03.2002

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Как правило, когда попадаешь в квартиры наших буржуа, хочется тихо и горько плакать. Ощущения безысходности и тоски вызваны тем, что непонятно, над кем стенать: то ли над хозяевами, то ли над дизайнерами. Все рассказы последних, что они следуют воле заказчиков, а сами-то они ого-го какие изысканные ребята, принимать на веру не просто не хочется, а прямо-таки невозможно. Не бывает такой воли, чтоб вот так вот, такой вот тошнотворной волной спускались занавески. Не может здоровый человек, нанявший дизайнера, упереться и во что бы то ни стало вытребовать себе сочетание цветов пожарной машины в тропиках для комнаты любимого ребенка. Единственное, что остается предположить, – это то, что дизайнеры и заказчики совершенно нашли друг друга и что вкус у них одинаковый.

Если раньше в строительных магазинах (и, соответственно, в частных интерьерах) царил богатство форм совершенно восточное, то после прививки «ИКЕА» в квартирной мысли появилась склонность к балтийской сосновой стыдливости. Но наш человек отказываться от чего бы то ни было не намерен. Теперь любовь к сирийской чеканке, турецкой многосвечной люстре и египетским драпировкам с парчовой ниткой мирно уживается в нем со стойкой привязанностью к мебели в стиле скромной рижской гостиницы. Впечатление такое, что в одной квартире проживает молодая семья компьютерных клерков с престарелой бабушкой-узбечкой. Причем поскольку бабушка еще вполне бодрая и в состоянии передвигаться по всей жилплощади, то участливые внуки в каждой комнате оборудовали по радующему глаз старушки уголку. Вот скромные серые подушки с абстрактным рисунком примостились на таком цветастом покрывале, что при взгляде на него начинает укачивать, а вот на хромированном столе угрелся заварочный чайник в виде подло-приветливого поросенка.

Но самое ужасное – подобные сочетания сегодня стали совершенно типовыми, как в новогоднем фильме. Проснешься в гостевой спальне после бурно отмеченной годовщины свадьбы хозяев и мучительно вспоминаешь: у кого это я? Кто поженился-то пятнадцать лет назад – Валера с Леной или вовсе даже Эдик со Светой? Кто уложил меня, бедную, вчера на эти простыни с подсолнухами, кто повесил надо мной репродукцию Сальвадора Дали, какая добрая душа выдернула из розетки золоченый телефон в стиле ретро – Маша? Оля? Андрей?

Ничего не помогло. Ни путешествия два раза в год, ни бесчисленные интерьерные журналы. Должно произойти какое-то впечатляющее внутреннее освобождение, какие-то клапаны должны вылететь и никогда уже не вставать на место, затеряться где-то под шкафами, в углу балкона, на антресолях. Тогда, может быть, наши дома станут похожи на людей.

Есть одна черта, которая роднит нас с американцами, – глубокая эстетическая скованность. Если ехать вечером по Малибу, заглядывая в освещенные окна вилл, поражаешься однообразию: и кресло стоит у всех в одном и том же углу, и гравюра над ним висит обязательная, и кухонный прилавок там же, где у соседа. И это все в городе, где квадратный метр земли покупает только тот, кто в состоянии позволить себе профинансировать постройку личной копии Тадж-Махала.

Однажды, листая интерьерный журнал, я наткнулась на фотографии изумительного дома. Первый раз в жизни я почувствовала счастливый укол узнавания: человек, обитавший в этом доме, был тепел, оригинален, остроумен, своенравен, одарен и совершенно свободен. Перевернув несколько страниц, я обнаружила, что это дом Вупи Голдберг. Вупи Голдберг никогда в жизни не пользовалась услугами дизайнеров.

«Ведомости», 21.03.2003

ЭТА МУЗЫКА БУДЕТ ВЕЧНОЙ

Помимо путешествий, одним из главных развлечений новой реальности стали рестораны. Есть рестораны высокой кухни и не очень, пафосные и простецкие, концептуальные и национальные – практически на любой вкус. Только один тип ресторанов отсутствует в России как класс – рестораны без музыки. Мысль о том, что человек должен есть обязательно под музыку, кажется нашим рестораторам столь же непреложной, как восход солнца на востоке. Если ни арфа, ни группа «Руки вверх», ни вальсы Шуберта, ни китайские напевы, ни Розенбаум не способствуют вашему пищеварению, вы конченный человек, пария, вы обречены обедать и ужинать дома.

Когда вы отправляетесь поест в городе Сочи, вам предстоит сложный выбор: «Владимирский централ» или «Таганка, полная огня»? Не мясо или рыба, не форель или барабулька – с этим как-то можно справиться, – а ужас или кошмар? Вы что предпочитаете на горячее?

В Тамбове, Ростове, Новосибирске или Владивостоке рестораны отличаются не столько кухней, сколько той музыкальной радиостанцией, которая надрыгается из динамиков.

Буквально вчера, обсуждая с питерским ресторатором концепцию его нового заведения, я высказала робкое предложение обойтись вообще без музыки. Ресторатор улыбнулся мне как тяжело больной женщине.

Несколько дней назад в хорошем грузинском ресторане в Москве у меня состоялся знаменательный диалог с официанткой Аллой.

«Нельзя ли, чтобы музыканты играли чуть потише?» – спросила я. «Как вам сказать... Попросить можно. Только ничего не выйдет. Вон те люди за соседним столиком только что предлагали заплатить им, чтобы они вообще перестали играть. Не получилось», – ответила Алла. Нет, я совсем не так радикальна. Пусть будут и «Тбилисо», и Аллегрова, только почему так громко? «Знаете, люди, которые не уверены в себе, всегда очень громко разговаривают. Им кажется, что их не слышат», – задумчиво улыбнулась Алла. Мы расстались в этот вечер как близкие, родные люди.

В дорогих ресторанах музыка тихая. Джаз, легкая классика, нью-эйдж какой-нибудь. Но она обязательно есть. А если я не хочу? Если вальс Свиридова для меня несовместим с уткой в яблоках? Если Хэрби Хэнкок плохо идет под водку? Что мне делать, мне и многим моим согражданам, если музыка Майкла Наймана не дает проглотить ни кусочка, навевая неприятные ассоциации с людоедской сценой из фильма Гринуэя?

Мне кажется, что все началось с хорового пения. Того самого пения за стеной, от которого сатанел профессор Преображенский. В люмпенизированной реальности аристократическая культура еды подменилась культурой деревенского застолья с тальянкой. До революции музыка в ресторанах играла только по вечерам, да и то не во всех. Сегодня она не дает разговаривать, наслаждаться гастрономическими шедеврами, музыка не дает смаковать и получать удовольствие. Это называется «создавать приятный фон».

Эмма Герштейн в своих «Мемуарах» приводит очень яркую сцену, когда Мандельштам впал в ярость оттого, что женщина слушала музыку по радио и одновременно читала. Что бы

было с поэтом, если бы женщина ела, страшно себе представить. Я долгое время думала, что тотальность музыки объясняется нашей исключительной музыкальностью. Последнее время мне кажется, что русские – глухой народ.

«Ведомости» 28.06.2002

СПЛЕТНЯ

Видимо, от меня ждут, что я начну так: «Сплетня – это отвратительно, это гадость». Но я не могу так начать! Потому что я так не думаю. А я всегда говорю то, что думаю, и ненавижу ложь. Сплетня прекрасна хотя бы тем, что в основе ее всегда лежит правда, просто творчески осмысленная.

Вот недавно, например, был такой случай. Николай Николаевич купил себе компьютер. Он, собственно, давно собирался это сделать, потому что ему на самом деле для работы совершенно необходим компьютер. Ну, так он пошел и купил его наконец. Невиннейшее, в общем-то, происшествие. Дома все обрадовались, и даже жена Николая Николаевича Ирина Борисовна по этому поводу разрешила супругу выпить за обедом. Хотя обычно она эту его привычку не приветствует. Потом после обеда, когда Николай Николаевич устанавливал компьютер со своим другом Денисом Евгеньевичем, Ирина Борисовна пошла звонить по телефону. Позвонила она Юле и между прочим ей говорит: «Вот, знаешь ли, Коля наконец-то купил компьютер». Юля очень порадовалась, потому что знала, как давно Николай Николаевич нуждался в компьютере. Поговорили они так где-то с часик, но тут пришел Юлин муж Ромочка и срочно потребовал телефон. Юля, конечно же, телефон сразу освободила, потому что она вообще очень хорошая жена, это всем известно, и даже когда ей прямо говорили, что Ромочка путается с Пигаревой из маркетингового отдела, она не поверила. Ну и вот пока Ромочка звонил, она ему успела рассказать, что Николай Николаевич купил-таки себе компьютер. Ромочка аж застыл в этот момент с трубкой в руке. «Интересно, – говорит, – как это он купил компьютер, если он Севке денег должен уже полгода?» Юля тоже немного удивилась. И естественно, сразу после того, как Ромочка убежал, позвонила Севкиной жене Альбине Юрьевне. «Слушай, Аля, имей в виду, что Николай Николаевич сегодня купил себе компьютер. Так что деньги у них есть. Мне Ромочка сказал, что они вам должны и не отдадут. А компьютер, как видишь, покупают». Альбина Юрьевна, конечно, несколько возбудилась. Позвонила мужу на работу, там трубку взяла Светлана, Севкина секретарша и подруга Альбины Юрьевны еще с института. Светлана, когда услышала про компьютер, просто была потрясена: «Да что ж это за сволочи такие, Аль! Она же мне в субботу в бассейне сказала, что денег нет совершенно, поэтому в Испанию она не едет и я должна с кем-то другим договариваться. Я, как дура, ей поверила и договорилась с Катькой, хотя ты прекрасно знаешь мое к ней отношение!» Альбина Юрьевна, прекрасно знавшая, конечно, отношение Светланы к Катьке (Катька, кстати, за месяц похудела килограммов на пять и не говорит как"), все-таки больше волновалась не из-за Испании, а из-за денег, которые Николай Николаевич должен ее мужу. Они со Светланой это обсудили тоже, но по-быстрому, с полчаса всего поговорили, после чего Светлана уже буквально хотела переключить Альбину Юрьевну на Севку, но в этот момент Севка вылетел из кабинета как пуля и понесся на второй к Бузулюку. А это, как известно, надолго. Потом в курилке Светлана рассказала все это Долининой, которая хоть и не знала Николая Николаевича, но зато была знакома с Ириной Борисовной, а уж с Катькой вообще училась в одной группе. Долинина совершенно не удивилась: «А что тут удивляться? Я тебе давно говорила, что Ирина – врунья и чудовищно жадная. Мне Гоша говорил даже, что она в институте воровала. То есть буквально всем было известно, что нельзя в комнате сумку оставить или пальто, если там Ирина. Можешь сама у Гоши спросить». Светлана тут же позвонила Гошиной жене Оксане. Но Оксана в этот момент убегала к архитекторам, что-то они там напортачили со встроенными шкапами, поэтому она долго говорить не могла и уже просто на бегу, минут за двадцать, объяснила Светлане, что вроде бы что-то такое Гоша говорил. И дала Гошин рабочий телефон. Гоша, как обычно, долго Светлане морочил голову про ресторан или там сбежать за город – это у них давно уже такие дурацкие отношения сложились, но все знали, что это просто шутка, – а потом сказал, что ничего подобного не помнит. Ну и Светлана сразу поняла, что он просто не

хочет говорить об этом. Тут как раз снова позвонила Альбина Юрьевна, но поскольку Севка был все еще у Бузулюка, то Светлана все ей рассказала, в том числе и то, что говорила Долинина.

Альбина Юрьевна позвонила Юле. Юля была потрясена. Хотела рассказать тут же Ромочке, но ей ответили, что Ромочка в маркетинговом отделе. Туда она, естественно, звонить не стала, потому что Пигарева все-таки была ей неприятна и она не хотела на нее нарваться. Ну и как всегда в таких случаях, Юля набрала Диму. Дима, видимо, был в Интернете, поэтому дозванивалась она часа два, просто на автомат поставив, а сама в это время всякие дела по дому совершала. Когда наконец Дима взял трубку, то сразу же стал ее разубеждать: мол, Ирина очень приличная женщина, и быть такого не может, и что действительно на Испанию у нее денег нет, а на компьютер им дала контора, в которой служит Николай Николаевич. В общем, идиот какой-то. Так подумала Юля.

И была совершенно неправа. Потому что Дима был совсем не идиот и тут же отправил Петру e-mail следующего содержания: «Афанасьев купил машину. А жена его воровка. Нет в мире гармонии». Дима, конечно, не мог знать, что в почту Петра часто лазает его сын Глеб Петрович. Глеб Петрович, прочтя Димино послание, тут же пошел к матери на кухню и сообщил, что Афанасьевы покупают джип на деньги, которые жена Афанасьева стырила в своей фирме. И теперь они будут как сыр в масле кататься, и Сашка Афанасьев будет к школе на джипе подъезжать, а у него, у Глеба Петровича, не родители, а какие-то просто пеликаны. Мать Глеба Петровича Елена сказала ему, что лучше честная бедность и что все тайное становится явным. То есть рано или поздно Ирину Борисовну посадят за воровство или выгонят с работы как минимум. Но саму ее это не очень утешало, поскольку сразу после разговора с сыном она бросила фаршировать кабачки и побежала к телефону, чтобы позвонить Лизе. Лиза все рассказала мужу. Муж Лизы (история не сохранила его имени, а жаль, ведь он мог быть, например, Викентием Теймуразовичем) немедленно связался с Фадеевым. Фадееву все долго объяснять не надо, он у нас вообще парень шустрый, все на лету схватывает, поэтому он быстро оделся и пошел к Пироговскому, они вместе зашли в «Рашн паб», где встретили Лурье. Лурье прямо от них пошел к Гаврилову, Гаврилов рассказал это Ольге, Ольга немедленно сообщила это Ляле, Ляля сначала ничего не поняла, но потом ужаснулась и в панике позвонила Римме, у Риммы, как известно, нет секретов от Карины, Карина, смеясь, рассказала это Алене, Алена вызвала к себе Лесю, Леся описала все Семену Ильичу, Семен Ильич сделал свои выводы из всей этой истории и рассказал ее мне, уже прямо с выводами.

В общем, до меня эта история дошла в следующем виде. Николай Николаевич Афанасьев, всю жизнь бывший смиренным физиком-ядерщиком, несколько лет назад женился на валютной проститутке по прозвищу Лярва. Эта самая Лярва оказалась довольно энергичным и хитрым созданием – в первый же год замужества она поступила в шведскую бизнес-школу, совратила ректора этой школы и не без его помощи устроилась на работу в одну очень крупную западную фирму (мы ее не можем назвать, поскольку это наши давние рекламодатели). Там она быстро сделала карьеру и стала финансовым директором всего северо-западного отделения. После цепи кредитов, которые она брала на очень странных условиях, Лярва объявила свое отделение банкротом и уволилась. Николай Николаевич, ничего не подозревавший о махинациях жены, был совершенно убежден, что и их особняк в Кратово, и подаренная ему на день рождения «ауди», и грант для его лаборатории, и оплата родов жены в Израиле – это все благодарность крупной западной фирмы за ударную работу Лярвы. Но даже такой кабинетный ученый, как Николай Николаевич, не мог не удивиться, когда его жена заявила, что вчера она купила самолет и уволилась с работы. У Николая Николаевича всегда было очень развито логическое мышление, а в сообщении жены никакой логики не было. Вернее, была, но вполне очевидная. Николай Николаевич отмел все несостоятельные гипотезы и остановился на одной, единственно правильной. Он понял, что его жена – бандитка и негодяйка, что сколько волка ни корми, он все в лес смотрит, что лярва есть лярва, что рухнули все его надежды и семейные ценности и что в его любимом сыне Ардалионе течет кровь мерзавки. Поняв это, Николай Николаевич убил жену и сына и теперь сидит дома, ожидая ареста. Он сам позвонил в милицию. А еще говорят, что в наше время невозможны шекспировские страсти.

Конечно, услышав эту историю, я решила немедленно сделать из нее киносценарий. Мне

давно хотелось написать что-нибудь ультрасовременное. А то у меня какая-то жизнь замечательных людей получается: то я пишу про то, как балерина Спесивцева жила с агентом большевиков, то про Бунина, от которого любовница ушла к лесбиянке, – кому интересны эти совершенно протухшие сплетни! А тут такой сюжет! И главное, что все это совершеннейшая правда. Я уже набрасывала эпизодный план в тот момент, когда на другом конце города Севка вернулся от Бузулюка и, выслушав сбивчивый рассказ Светланы, немедленно позвонил домой.

– Альбина, – сказал Севка, – скажи мне, пожалуйста, ты что сейчас делаешь?

– Я? С тобой, Севочка, разговариваю.

– Правильно. Ты со мной стоя разговариваешь или сидя?

– Сидя. А что?

– Так. А на чем ты, Альбина, сидишь?

– На диване.

– На каком диване?

– Как это на каком? На нашем, синем.

– Понятно. А откуда у тебя этот диван?

– Ты что, Севочка, заболел? Мы же вместе его покупали два месяца назад.

– Правильно. А сколько он стоил?

– Две тысячи.

– Так. А откуда у нас эти деньги взялись два месяца назад, если за неделю до этого мы купили машину?

– Так нам же Афанасьевы долг вернули раньше, чем собирались. Они тогда продали дом Ириной мамы в деревне и сразу решили раздать все долги... Ой.

– Вот тебе и «ой», Альбина. Я всегда говорил, что ты дура.

Так что сценарий мне писать не пришлось. Зато я написала вот эту заметочку, в которой все от первого до последнего слова – правда. А я, как вы знаете, ненавижу ложь.

Всем привет,

Дуня.

«Vogue», июль, 2002

ИЗ БУДУАРА В МОЛЕЛЬНЮ

Пришел вчера в гости приятель-коммерсант и разразился гневной филиппикой в адрес властей. Почто, говорит, Абрамовичу можно «Челси» покупать, а у Ходорковского земля под ногами горит?! Помилуй, говорю я ему, голубчик, что же ты одно с другим смешиваешь, какая тут связь? Ну, купил Абрамович клуб – и слава богу, детям его останется, по крайней мере, прокуратура не отнимет. Какая тебе разница, что ты за Степашин или Колосков какой? Это ж все равно что ты бы себе машину купил иностранную, а дяденьки из «ВАЗа» вместе со Счетной палатой стали бы требовать, чтоб ты только на «Жигулях» путешествовал. И уж Ходорковский тут совсем ни при чем, он скорее всего футболом вовсе не интересуется. Вот умные люди говорят, что гораздо больше связи между арестом господина Лебедева и делом «оборотней», что-то у них там вроде размена получается, да еще что «ЮКОС» недооценил одного господина и как-то высокомерно себя повел. А между собой эти события как в огороде бузина, а в Киеве дядька. Нет, говорит гость, это Абрамович вызов такой сочинил, мол, ему все то можно, что другим нельзя, какая же тогда равноудаленность?!

Я вначале даже испугалась: какая же страшная каша образуется в голове у обывателя от всех последних событий! А потом сообразила, что обыватели, то есть мы с вами, совершенно не обязаны знать и понимать, что там на самом деле происходит вокруг и внутри «ЮКОСа», что Волошин думает о Ходорковском и какие чувства тот питает к Волошину в ответ, кем Лебедев приходится Невзлину, а Невзлин – Сечину и почему губернатор Чукотки не вкладывает средства в возрождение клуба «Пахтакор». Обыватель видит то, что ему показывают: в одном и том же выпуске новостей один олигарх дает показания в прокуратуре, а другой дает интервью Би-би-си. Из чего со всем здравомыслием делается вывод: разные бывают олигархи.

Кажется, надо бы успокоиться. Пересмотра приватизации, коего так алчут одни и так боятся другие, не получается. Но успокоиться нет никакой возможности, поскольку покой

возникает при наличии ясности. Предположим самое худшее. Власть открыла сезон охоты на олигархов, приватизация будет пересмотрена, все надежды Е. Г. Боннэр сбываются, происходит реставрация. Радоваться, конечно, нечему, но, по крайней мере, понятны планы на ближайшее будущее: скот забиваем, закатываем в банки, банки закапываем и уходим с детьми в леса, поскольку голодные горожане сейчас же ринутся грабить нашу деревню. Если же наше предположение неверно и вся история с господином Лебедевым – просто переполнившая чашу терпения кроткой прокуратуры уголовщина (правда, почему через столько лет, отчего так споро она вдруг взялась за него, зачем наручники – этого нам все равно никогда не постичь), то, напротив, к нашим тучным стадам мы прикупаем еще и путевку в Турцию и со спокойной душой едем загорать с чадами и домочадцами. И в том и в другом случае у нас остается некоторое время для коррекции собственных жизненных планов и некоторые силы на их воплощение. Но та ситуация, которая сложилась в реальности, не лезет ни в какие ворота.

Власть невротизирует общество. Отсутствие мало-мальски понятной социальной стратегии, причудливые метания между будуаром и молельней, невозможность найти хоть какую-то последовательность в действиях государства, ведущего себя как капризная кокетка, создает все условия для впадения в панику и истерику.

Беззаконие есть прежде всего отсутствие закономерности.

«Ведомости», 11.07.2003

ПОХВАЛА ЛИЦЕМЕРИЮ

Есть на свете человек по прозвищу Лысый. Я никогда его не видела, но много слышала о нем. Лысый много чем знаменит в своей компании, но мне он запомнился одним бессмертным высказыванием. Ко всем детям знакомых Лысый обращается с двумя вопросами. Первый: «Уроки сделал?» Второй независимо от ответа на первый и от времени суток звучит так: «Почему не спишь?» Этим диалоги Лысого с детьми исчерпываются. Мне жаль, что я не знакома с этим мудрецом.

Единственный вопрос, по которому мне ни разу не удавалось достичь согласия с моими друзьями-предпринимателями, – это вопрос о воспитании детей. Мы научились договариваться по поводу политики, их воззрения на экономику вызывают мое доверие, даже в сфере культуры мы пришли к вооруженному нейтралитету. Воспитание было и остается запретной темой. Оговорюсь сразу, что под воспитанием я имею в виду манеры – ни образование, ни человеческие качества отпрысков обсуждению не подлежат, поскольку являются личным делом каждого семейства. Манеры же есть не что иное, как правила общежития, для всех обязательные и одинаковые.

Дети новой буржуазии в большинстве очень дурно воспитаны. Они вмешиваются в разговоры взрослых, при посторонних перебивают родителей или даже спорят с ними, не сдерживают капризов, не представляются, когда звонят по телефону, не чувствуют дистанции между собой и взрослым миром. Вопрос, обращенный к ним, они воспринимают как глубокий интерес к их делам и соображениям, а не как форму вежливости. Естественно, они не виноваты, это происходит от простодушия. Но простодушие и есть отсутствие воспитания. Хорошие манеры – броня лицемерия, защищающая внутренний мир от внешнего. Лицемерие вообще величайшее достижение буржуазной цивилизации.

Буржуа в первом поколении трудно это осознать. Любящие родители хотят дать своему ребенку все то, чего не было у них самих: большую свободу, понимание, возможность чувствовать себя ценной личностью, интересное и радостное детство, не омраченное муштрой. Единственное, что не учитывается этой восхитительной доктриной, – неминуемое вступление ребенка в мир, мало способный на терпение и снисходительность. Восемнадцатилетний студент, с детской непосредственностью спорящий с профессором, не должен удивляться низкому баллу на экзамене. Двадцатидвухлетняя стажерка, искренне объясняющая первому в ее жизни начальнику, что у нее есть свое мнение по данному вопросу, вряд ли должна рассчитывать на постоянную работу в компании. Юное создание, пришедшее в гости к кавалеру и светски замечающее его матери: «У вас недурная квартирка», вряд ли станет в будущем любимой невесткой. Много горестей, неудач, ударов по самолюбию предстоит

выдержать тем, кто не приучен ограничивать свою свободу бездушными правилами хорошего тона.

Как-то мне довелось беседовать с профессором одного из лондонских университетов, где учится много иностранных студентов. Я спросила его, в чем, по его мнению, главный недостаток детей из России. Он усмехнулся и ответил: «У них слишком много денег».

Помнится, Стинг успокаивал Запад: «Russians love their children too». Впорю сделать уточнение – too much.

«Ведомости», 12.04.2002

БЛЕЙЗЕР С ЧЕ ГЕВАРОЙ

Слова о расслоении общества стали в последнее время такой же банальностью, как оборот «в наше тяжелое время». Разница только в том и состоит, что «тяжелое время» есть банальность метафизическая, а «расслоение общества» – сугубо материалистическая. Материальное расслоение у нас и впрямь какое-то мексиканское, то есть вполне чудовищное. Зато мы можем утешаться тем, что на лужайке духовных интересов у нас полное единство и общенациональный хоровод.

Есть что-то невероятно комичное в той самоотверженности, с которой наша буржуазия вцепилась зубами в список комифотных пристрастий, совсем не для нее составленный. Не стоит обсуждать искренность этих предпочтений, поскольку в них важнее всего социальная функция. Вот с ней-то у нас дела хуже всего и обстоят – никакого тебе расслоения.

Принято любить Пелевина-Сорокина в литературе, группу «Ленинград» в музыке, Тарантино и «Догму» в кинематографе, Серебренникова в театре, живопись отсутствует, насчет скульптуры можно упоминать Шемякина. (Естественно, мы не рассматриваем мюзиклы, эстраду, антрепризу и блокбастеры, так как это все проходит по разделу «развлечения» или «отдохнуть».) Если не вдаваться в подробный анализ различий вышеперечисленных художественных явлений, можно заметить, что у них есть всего одно общее свойство – все они так или иначе радикальны. Нет ничего предосудительного и ненатурального в том, что подобные пристрастия объединяют городское студенчество, деклассированную богему, левых интеллектуалов и провинциальных модников (интеллектуалы и богема играют тут роль духовных вождей, прописывающих своей пастве то, что для самих пастырей кажется уже слишком слабым и пресным). Но невозможно вообразить себе ничего более абсурдного, чем присоединившиеся к ним буржуа. Выглядит это так же отвратительно, как душевная склонность буржуазии к народному вкусу – юмористам и укупникам.

Когда отпрыски купеческих семейств Морозовых и Щукиных принялись собирать импрессионистов, все остальное сословие громко потешалось над ними, крутя пальцем у виска. И правильно делало! Буржуазия как оплот общественного порядка и столп здравого смысла в эстетических своих предпочтениях, предъявленных социуму, вынуждена и обязана пропагандировать консервативные, проверенные поколениями, безусловные художественные ценности: оперу, симфоническую музыку (до Штокхаузена с Вебером, естественно... да и Скрябина тоже не надо!), балет, классическую литературу, живопись старых мастеров (можно немного абстракции с экспрессионизмом), зверино-серьезное гуманистическое кино, Московский Художественный театр в Камергерском переулке, в крайнем случае Бориса Гребенщикова, да и то в его вертинской ипостаси. Никакого посягательства на свободу, упаси господи! Дома наедине с собой усталый миллионер может в охотку насладиться Приговым под музыку Мэрилина Мэнсона, принимая изящные позы на фоне инсталляций Олега Кулика, – ради бога, исполать ему.

Если он явит подобную изысканность городу и миру, то и город, и мир решат, что уж им-то тогда все можно, раз уж столп-то общества в такие экстравагантности пускается. Тогда дочки земских врачей начинают маршировать голыми по улицам в колоннах эгофутуристов, родовая аристократия принимается заседать в солдатских советах, а пожилые матроны тихо вышивают серп и молот на исподнем мужей. Чем это кончается, все мы знаем.

«Ведомости», 21.02.2003

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Когда видишь на книжной полке мемуары П. А. Бурьшкина «Москва купеческая», невольно ожидаешь обнаружить очерк нравов. Между тем содержание этой книги – история купеческой благотворительности. Читаешь и поражаешься: как сложна, многообразна, богата идеями и чувствами была русская жизнь. Замкнутость московского купечества так легко объяснить неприязнью народа к толстосумам и так трудно проникнуться пониманием коренной связи купечества с народом, постоянным сознанием этой связи и долга, противопоставлением своего ответственного и богобоязненного сословия легкомысленной, недальновидной и безалаберной аристократии.

Современное русское купечество наследует образ поведения именно от аристократии. Алчность в сочетании с расточительством, неслыханное социальное высокомерие (например, глубокое убеждение, что бедные – это те, кто просто не хочет работать), уверенность в собственной исключительности и неуязвимости, привычка к излишествам – все это превращает класс предпринимателей в какого-то коллективного Феликса Юсупова.

Да-да, я знаю про стипендиатов, про гранты, компьютеры, церкви и театральные постановки. Все это – капля в море, господа хорошие. Я так же точно знаю, каково это – вымалывать эти гранты, компьютеры и т. д. В большинстве случаев это оборачивается спонсорством с обязательным рекламным упоминанием и благодарственными молитвами.

Мне рассказывал один олигарх, как он попытался собрать деньги на синагогу со своих, скажем так, товарищей. «Дорогой ты наш, – сказали товарищи, – ну конечно же мы дадим денег, раз ты даешь. Ты только объясни нам, в чем фишка-то?» Фишка была, как оказалось, в том, чтобы дать денег синагоге. Товарищи не поняли, и олигарх остался одиноким донором.

Купечество начала века часто благотворительствовало без всяких на то просьб со стороны общественности. Безусловно, старообрядчество играло в этом процессе не последнюю роль. Но и не единственную. Больше всего это сословие было озабочено установлением того самого социального баланса, которого в России так никто и не увидел и не видит до сих пор.

Этот социальный баланс есть довольно сложное устройство, влияющее на все общество в целом, а не только на собственно объекты благотворения. Отсутствие построенных на деньги российского бизнеса новых университетов, научных институтов, медицинских центров, театров, школ, богаделен вводит в состояние паники и социального пессимизма не только и не столько пролетариат и крестьянство, сколько средний класс. Мы слышим, конечно, что вот там закупили десяток кардиостимуляторов, вот здесь поставили два новых компьютера, кафедре дали два гранта. И все это пять раз показали по телевизору. Ну и что? Все?

Я горячо верю в неуязвимость и непотопляемость наших олигархов. Один А. П. Смоленский, аки Феникс, восставший из пепла и честно глядящий родине в лицо глазами безгрешного моржа, убеждает меня в том, что с олигархами уже ничего такого не может случиться. Но вот с нами, радостно купившими пятилетнюю немецкую машину, перестраивающими родительскую дачу, съездившими в отпуск в Испанию, открывшими один магазинчик и робко присматривающими второй, арендовавшими подвал для ресторанчика, с нами, клерками, мелкими коммерсантами, веб-дизайнерами, издателями, – с нами все обстоит по-другому. Если грянет социальный взрыв, громить будут наши маленькие витрины, а не ваши дворцы из стекла и бетона. И вешать на столбах будут тоже нас.

«Ведомости», 25.04.2003

ЧАСТЬ III УМНЫЕ И ГЛУПЫЕ *Книжные рецензии для журнала «Афиша»*

Борис Акунин. *Коронация, или Последний из романов.* – «Захаров», Москва

Предполагается, что это последний роман из цикла про Эраста Фандорина. Очевидно, что это совсем не так. Очередная акунинская выходка, привет «Последнему делу Холмса». Слушайте, как-то скучно все это получается, если начинать с информации. А ну ее к бесу. Лучше поговорим о том, как прекрасен Борис Акунин и за что мы все его любим. За уют. Вот мы сейчас живем в эпоху ремонта. Она, конечно, началась не вчера, но сейчас приобрела все черты стабильности и величия. Еще недавно мы жили во времена стоматологии, мы обустроивали самих себя. Теперь, вместо фарфоровых зубов, ставших родными и удобными, мы вставляем вакуумные окна. И с этой точки зрения Акунин – это евроремонт русской литературы. Категория уюта настолько желанна, так манит, мы все помешались на ней, и если бы не Акунин, нам нечего было бы читать на наших финских диванах.

Еще мы любим Акунина за сочетание блеска и кротости. «Коронация» совершенно блестящий роман, лучший, на мой взгляд, из всей серии. И при этом он смиренен и кроток, как кроток его главный герой (не Фандорин), полный достоинства без гордыни. Дворецкий Зюкин торжественная и обворожительная заурядность. Роман «Коронация», как и его автор, так виртуозно настаивает на собственной заурядности, что совершенно перестает ею быть. А даже как бы и выдающимся становится.

Здравомыслие. Викторианское здравомыслие Акунина и его героев, у которых чудачества благопристойны, а пороки банальны, так одиноко выглядит на наших просторах, что принимает вид экстравагантности и драматизма.

Уютный, скромный, здравомыслящий, остроумный, образованный, профессиональный – все это можно сказать одним словом: буржуазный. Борис Акунин – это русский человек, каким его надеется видеть писатель Максим Соколов через двести лет. А он вот уже тут, с нами.

Проза всегда выдает все главные секреты писателя. Проза Акунина, как любой хороший детектив + мистификация, состоит из сконструированных секретов. Все они прекрасно работают, потому что у самого писателя Акунина-Чхартишвили секретов нет. Или есть, но только один: он очень хороший человек. Достойный, спокойный, умный, буржуазный. На таких мир держится. Столп общества.

Юз Алешковский. Карусель, кенгуру и ру-ру. – «Вагриус», Москва

Было интересно сейчас прочесть старые вещи Алешковского, чтобы посмотреть, что от них осталось. В меню планировалось: узнавание, увлечение, разочарование, жалость. Прямо в ходе чтения меню пришлось совершенно изменить.

Очень многие подпольные книжки советского периода сейчас читаются с трудом, а то и с болью. Не только из-за слишком большого места, отведенного государству в тайных думах авторов, не только из-за пафоса и пыла, не только из-за придания литературе вселенского статуса. Не только и не столько из-за всего этого, сколько из-за юмора. Как известно, в эмиграции сложнее всего пережить непонимание юмора, укорененного на воспоминаниях нации, к которой ты не принадлежишь. В этом смысле нынешняя Россия для советской и антисоветской литературы оказалась некоторым образом эмиграцией: они шутят, а нам не смешно. Болезненно не смешно стало читать Вен. Ерофеева: все эти «глаза моего народа» столько раз цитировались, переиначивались, что сейчас кажутся скорее принадлежностью журнала «Столица» 1997 года, нежели поэмы «Москва-Петушки». Это, кстати, типичный пример – журналистика обесценила многие остроты того времени тем, что доказала их изначально журналистскую природу, лишь по случайности получившую пропуск в литературу. Алешковского, как оказалось, читать не только можно, но и самое время.

Потому что там есть изумительные характеры, очень чистая и простая интрига, не шутки юмора и даже не остроты, а подлинное и вполне внеполитическое, народное веселье. Проза Алешковского излучает очень сильное обаяние хорошего, крепкого и доброго человека. Мысли, которые этот человек высказывает, как правило, очень просты. Но ведь дело в том, что на то он и хороший человек. Сложные мысли, по моему глубокому убеждению, а также, кажется, и по убеждению писателя Алешковского, высказывают обычно не очень хорошие люди. А хорошие люди предпочитают говорить какую-нибудь банальность: вести себя в жизни надо хорошо; лучше быть приличным человеком, а не мерзавцем; жизнь довольно справедлива, да и Бог

довольно милостив; бить детей нехорошо; писать лучше в унитаз, а пить – с закуской. Что-нибудь в этом роде.

Парадокс нынешней художественной эпохи в том и состоит, что эти простые хорошие вещи говорить как-то не принято, да и некому. Поэтому если их все-таки кто-то произносит, то выглядят они необычайно экстравагантно. Алешковский-писатель прекрасно понимает это и сдобривает свое повествование заведомо эпатирующим матом, невероятными, почти сорокинскими по абсурду приключениями человека-кенгуру, гоголевской трагикомической фантазмагорией. То есть всячески усиливает экстравагантность внешнюю, оставляя банальности всю ее метафизику, прописной истине – незамутненность, а простоте – невыразимость и сложность.

Читая Алешковского, получаешь совершенно физическое удовольствие, такое же простое и неотменяемое, как рюмка водки под хрустящий груздь. Хороший писатель, мне очень нравится.

Сергей Ануфриев, Павел Пепперштейн. Мифогенная любовь каст. – «Ad Marginem», Москва

«Радуйтесь, православные христиане, к вам идет Дед Мороз!» Так называлась знаменитая картина художника Константина Звездочетова, в начале Перестройки воспроизведенная во всех западных публикациях о русском неофициальном искусстве. Если к Деду Морозу и христианам добавить еще партбилет и войну с фашистами, получится «Мифогенная любовь каст». То есть сам-то роман не получится, но основные его ингредиенты будут налицо.

Роман не получится потому, что нельзя повторить чужой бред. А это действительно бред, настоящий, густой, временами смешной, но в основном утомительный. Соц-арт и русские сказки – единственные осмысленные его элементы. Много мата и фекалий, которым авторы радуются как дети. Это вот если из Сорокина изъять какие бы то ни было идеи, а все остальное оставить.

Понятно, что два милых, интеллигентных, образованных человека нажрались какой-то дряни и записали все, что им довелось увидеть. Тоже, кстати, дело. Всяко лучше, чем просто блевать по углам. В какой-то момент становится даже интересно, что за вещества они употребляли. Вообще в медицинском смысле книга чрезвычайно поучительная. Но возникает один вопрос. Как они умудрились ее издать? Для того чтобы прийти с этим трудом в издательство, на полном серьезе подписать договор, вычитать верстку, утвердить макет и т. д., и писатели, и издатели должны были пребывать в том же состоянии, в каком роман создавался. В состоянии глубокого психиатрического штопора.

Книга предназначена для широкого круга читателей, находящихся без сознания.

Мария Арбатова. По дороге к себе. Пьесы. – «Подкова», Москва

Один раз я видела Марию Арбатову по телевизору. Иде-то с месяц назад шла какая-то идиотская передача, посвященная отношениям в семье. Невыносимо духовная ведущая произнесла что-то в таком роде: «Знаете ли, Мария, статистика утверждает, что женщины гораздо чаще являются инициаторами развода, чем мужчины. Не кажется ли вам, что это доказывает, что женщины гораздо больше страдают в браке?» На что Арбатова совершенно невозмутимо ответила, что нет, ей так не кажется. Ей кажется, что женщины просто с гораздо большей легкостью собирают все необходимые для развода официальные бумажки и с большей легкостью стоят в очередях в инстанции. Дальше все продолжалось по той же схеме. Ведущая спрашивала что-нибудь необыкновенно печальное и многозначительное, а Арбатова отвечала со всем возможным здравомыслием. Этот абсурд продолжался где-то с полчаса, набирая обороты. К концу эфира было полное впечатление, что ведущая вот-вот спросит: «Не кажется ли вам, Мария, что Солнце все-таки гораздо меньше Земли и на самом деле вокруг нее вращается, а не наоборот?» А Арбатова ответит: «Нет, мне так не кажется».

Когда этот ужас кончился, я еще подумала: вот какая симпатичная и неглупая женщина эта Мария Арбатова. Я всегда очень радуюсь, если обнаруживаю лишнее доказательство того,

что не все женщины дуры. И тут я прямо пела и свистела от удовольствия.

Потом я купила книгу пьес Марии Арбатовой «По дороге к себе». Ну что тут скажешь? Читать это невозможно.

Л. Арбатский. Ругайтесь правильно. Довольно толковый словарь русской брани. – «Яуза», «Эксмо-Пресс», Москва

Я даже и не знаю, что тут писать. Настолько остроумная, веселая и профессиональная книга, что тираж в 30 000 кажется мне мизерным. По-моему, стопроцентный бестселлер на все времена. В предисловии сказано: «Словарь предназначается для использования возчиками гужевого транспорта, литературными критиками, политическими обозревателями, такелажниками, линейным персоналом строительных предприятий, преподавателями средней и высшей школы, работниками сферы услуг и розничной торговли товарами массового спроса».

А вот извольте, статья о слове «пердун»: «...употребляется исключительно с эпитетом „старый“. Сказать „молодой П.“ – значит расписаться в собственной стилистической безграмотности. К категории старых П. относятся преимущественно раздражительные пенсионеры, занимавшие в прошлом руководящие посты... По достижении полной нетрудоспособности они переходят на эпистолярный жанр, засыпая длинными письмами редакции газет, радио и телевидения... Письма содержат точные указания о том, как руководить страной, и о том, что можно вещать по радио, показывать по телевидению, а что – ни в коем случае! В общем, это безобидные маразматика, и ненавидят их только сотрудники отдела писем...» Единственное возражение, которое возникло у меня по ходу чтения словаря, то, что «дура», по мнению авторов, является просто женской формой слова «дурак». Не могу с этим согласиться, поскольку «дура», в отличие от «дурака», – это целая мировоззренческая система. Или, если хотите, метод восприятия и контакта с действительностью. Уж я-то знаю, о чем говорю.

Михаил Ардов. Возвращение на Ордынку. – «Инапресс», Санкт-Петербург

Новая книга Михаила Ардова – одна из самых диких причуд отечественного книгоиздания. «Возвращение на Ордынку» – это название первого раздела эссеистики Ардова, литературного. В него входят как авторские комментарии к записным книжкам Ахматовой, так и эссе о Гоголе, Зошечко, русском романе XIX века, «Мастере и Маргарите» Булгакова. Все они в разной степени интересны и достаточно спорны для любого читателя-неклирика. Все их отличает самоуверенная ловкость неофита – чего стоит одно только упоминание достойнейшей Елены Сергеевны Булгаковой как известной «московской прелестницы»: автор явно имеет в виду, что Елена Сергеевна была красавицей, кружившей головы, а не «женщиной дурной славы», как определяет «прелестницу» словарь Даля. С литературными суждениями Ардова, порой весьма пронизательными, порой безапелляционными до простодушия, можно соглашаться, а можно и нет, это личное дело каждого.

Зато вот второй раздел – «Прописные истины», – посвященный православному (с точки зрения Ардова) отношению к морали, искусству, власти, смертной казни, Пушкину, демократии, вызывает какое-то веселое недоуменное бешенство. Пушкина как слугу сатаны я еще могу пережить – и покойник был, прямо скажем, не безгрешен, и само эссе мне уже доводилось читать. Ненависть к духовным поискам символистов я и сама отчасти разделяю. Неприязнь к «православному кино» я тоже испытываю, хоть и по несколько другим причинам, нежели Ардов. Но вот глубокое убеждение Ардова, что Спаситель своим Страстотерпием доказал, в частности, необходимость и благотворность смертной казни, – это уж извините.

И совсем уж невыносима гневная проповедь протоиерея, требующего от православных людей прекратить посещать любые зрелища и читать всякую суетную гадость и при этом выпускающего книгу, где под одной обложкой собраны апологетические заметки об Ахматовой, женщине, честно сказать, не самой праведной жизни, глубокое осуждение ее кумира Пушкина и толкование Святого Писания.

Около года примерно назад Ардов, кстати, выступал в программе «Старый телевизор». И

поскольку его убеждения не мешают ему принимать участие в работе довольно раскованного в смысле нравственности канала, то и мы, соответственно, напрягаться особо не будем и прямо по прочтении книги протоиерея отправимся, например, в театр. Каков поп, таков и приход. Люблю я эту поговорку.

**Виктор Астафьев. Веселый солдат. – «Лимбус Пресс», Санкт-Петербург;
«МАСТЕР-серия»**

Под гипсом, который накладывают прямо на раны, не оперируя и не обрабатывая, у солдат заводятся черви и вши. Вши белесые, ленивые, черви тоже белые, с черными головками, они начинают размножаться и питаться раной, сводя человека с ума. Это называется «Солдат лечится». Ребенок умирает, угорев в крошечной сараюшке, но своим кашлем разбудив и спасши родителей. Это «Солдат женится». И при всем при том необычайно живая народная речь, крепкий и соленый юмор, смачный мат, фонтанирующая барочная реальность жизненной плоти.

Новая повесть Виктора Астафьева о последних годах войны и первых послевоенных. Это не модно, не cool, не изящно, не мило и не прелесть что такое. Это не Акунин, не интеллигентское чтение, и не Пепперштейн, то есть не молодежное чтиво. Большинству читателей, отравленных школьными уроками по военной прозе, это просто не придет в голову купить и прочесть. И зря, потому что такой книги о войне на русском языке еще не было. Собственно, мы и войну-то, как оказалось, себе совсем не представляли.

Как ни дико это прозвучит, но наибольшее сходство у «Веселого солдата» есть с «Романом с кокаином» Агеева. Невероятный авторский темперамент, изматывающая читателя откровенность, с трудом выносимая плотность переживаний, наконец, закольцованная композиция роднят и сближают два этих романа, во всем остальном находящихся не то что в разных плоскостях, но в разных литературных традициях. Их сходство определяется одним фактором – оригинальностью и масштабом личностей авторов. Способность Агеева наплевать на основное течение литературного процесса удивляет меньше – Агеев был воспитан в культуре, подразумевавшей свободу личности. Та же способность Астафьева поражает.

Помните, было время, когда Астафьев с остальными деревенщиками впал в националистическую ересь? И следа ее нет в новой повести. Сам ошибся, сам поправился. Сидит себе в своем селе Овсянка и так трезво, точно, безжалостно на все смотрит, да еще и пишет талантливо! Какую огромную внутреннюю силу нужно иметь, чтобы положить на общественные соблазны с таким прибором, с каким кладет на них Астафьев! Ведь даже Солженицын, уж никак не меньший писатель, не выдержал искушения пастырством, погряз в величии и надмирном гневе.

У Гессе в «Игре в бисер», книге мудрой, как всякая книга для подростков, есть замечательная фраза, касающаяся классической музыки: «Жест классической музыки означает знание трагичности человечества, согласие с человеческой долей, храбрость, веселье». «Веселый солдат» Астафьева весел и храбр именно в этом смысле. Его война, его жизнь, его жест – об этом, о согласии с человеческой долей.

Я читала эту книжку, как в детстве, до семи утра. А какой там финал, братцы, какой финал!

Збигнев Бжезинский. Великая шахматная доска. – «Международные отношения», Москва

Книга вышла в прошлом году, но как нельзя более актуальна именно сейчас. Как известно, после начала бомбежек Сербии антиамериканские настроения в России усилились до того, что даже убежденные западники вроде Ал. Ал. Тимофеевского вынуждены были с кислой миной признать, что НАТО все-таки порядочная свинья. Так вот Бжезинский, бывший советник по национальной безопасности президента США и действующий профессор американской внешней политики в Школе современных международных исследований, очень внятно и последовательно объясняет, что, собственно, случилось и чего нам ожидать в дальнейшем. Вы не поверите, но всемерной поддержки Азербайджана, например.

Книга имеет подзаголовок «Господство Америки и его геостратегические императивы». Вот буквально про это она и написана. Глава о нашем любезном отечестве называется «Черная дыра». Без тени эмоций, с шахматной холодностью, очень подробно автор описывает, что нужно делать Америке со всем остальным миром. Господство Америки признается без гордости, как факт. Те, кто не желает его признать, выступают в роли ФИДЕ, у которой чемпионом мира До сих пор является Карпов. Вот две цитаты.

«...Первостепенный интерес Америки состоит в том, чтобы помочь обеспечить такую ситуацию, при которой ни одна держава не контролировала бы данное геополитическое пространство, а мировое сообщество имело бы к нему беспрепятственный финансово-экономический доступ...»

«...Всеобъемлющая и скоординированная геостратегия в отношении Евразии должна опираться на признание границ эффективного влияния Америки и неизбежное сужение с течением времени рамок этого влияния».

У этого человека нет сердца.

Нас никогда не примут в НАТО.

Очень обидная книга.

Читается как детектив.

Александр Бушков. Бульдозья схватка. – «Бонус», Красноярск; «ОЛМА-Пресс», Москва; «Нева», Санкт-Петербург; серия «Русский проект»

Вот было бы у меня много денег, пошла бы я к Игорю Кону, спросила бы у него, кто у нас в стране самый лучший сексопатолог-практик, взяла бы этого сексопатолога под мышку, полетела бы с ним в Красноярск и пришла бы к Александру Бушкову. Ох, я бы его подлечила! Ведь жалко, хороший писатель гибнет, не доценко какое-нибудь. Он доехал уже до того, что Терезу Орловски в тексте поминает.

С сюжетом пошли уже, конечно, штампы. Братья-близнецы, один новый русский, другой отставной военный. Кто хороший, кто плохой – понятно? Правильно. Все отставные военные, особенно из особых отделов, они просто смерть какие умные ребята! А все бизнесмены ужасные какашки. Потому что они всегда хотят все украсть, всех убить, женщин всех употребить, а мужчин унижить. Просто какая-то газета «Коррьере делла сера». Женщины, правда, тоже все неммыслимо развратные. Как и мужчины. В общем, Пазолини такой сибирский.

Но есть и сюжетные находки. Герой-одиночка берет в союзники девочку-подростка. И они там вдвоем неплохо управляют. Да и с саспенсом у Бушкова по-прежнему порядок. Это, кстати, не совсем даже саспенс, а русский его вариант, больше напоминающий азарт. Вообще из Бушкова мог бы получиться вполне себе писатель. У него даже языковые замашки вроде как у Солженицына. Ну с какой, с какой такой радости он джип называет джипером, а овчарку мужского пола – овчаром? А так, для пущей выразительности. И будь он Солженицын, мы бы ему простили.

Но он не Солженицын. Сочетание овчара с Терезой Орловски и художником Васильевым нельзя пережить без слез. Пропал, пропал мужик.

Пожалуй, я еще и психиатра с собой в Красноярск захвачу.

Аркадий Ваксберг. Лиля Брик. Жизнь и судьба. – «Олимп», Москва; «Русич», Смоленск; серия «Женщина-миф»

Татьяна Толстая говорит: «Знаете, Ваксберг написал книжку про то, с кем спала Лили Брик, то есть про самое интересное, и что удивительно – совсем без пошлости, очень аккуратно и с большим тактом». Я, конечно, тут же побежала покупать.

Книжка вполне замечательная, очень хитро сделана. Аркадий Ваксберг постоянно подчеркивает величие Лили Юрьевны, лукаво возмущается ее клеветниками, педалирует свое уважение и восхищение ЛЮБ и при этом исподволь и совершенно бесстрастно дает убийственный ее портрет.

С кем спала? Да если вкратце, то решительно со всеми. Связи с ЧК-НКВД-КГБ? Были,

были, безусловно, даже удостоверение этой организации у нее имелось. Мучила Маяковского и с большим расчетом сводничала для него? Тоже было такое, факт. Врала и лицемерила? Никуда не деться, к великому сожалению автора, отрицать это невозможно. Алчной стяжательницей вилась вокруг поэта? Ох, да. Но ведь он ее любил, ужасно любил? Вот в том-то все и дело.

Я тут две чудные цитатки вам подобрала. Первая относится к рассказу Солженицына «Правая кисть» о чекистском палаче: «Слушатели подавленно молчали. Первой подала голос Лиля Юрьевна. Тяжело вздохнув, она сказала: „Боже мой! А ведь для нас тогда чекисты были – святые люди!“» Прелесть просто. Вторая цитата из письма Лили Маяковскому за границу: «Очень хочется автомобильчик. Привези, пожалуйста. Мы много думали о том – какой. И решили – лучше всех Фордик. 1) Он для наших дорог лучше всего, 2) для него легче всего доставать запасные части... ТОЛЬКО КУПИТЬ НАДО НЕПРЕМЕННО Форд ПОСЛЕДНЕГО ВЫПУСКА, НА УСИЛЕННЫХ ПОКРЫШКАХ-БАЛЛОНАХ...» Это так на минуточку 27-й год. И какая липкая кокетливая гадость – этот «автомобильчик», «Фордик».

Может быть, конечно, я больная. Даже наверняка. Не может здоровый вменяемый человек испытывать такую горячую ненависть к давно умершей женщине, которую он еще к тому же и никогда не знал. Но я испытываю. В глазах темнеет, сдавливает виски и затылок от запредельной какой-то подлости и низости. И не в том дело, что она погубила одного из лучших русских поэтов – эту распространенную точку зрения я не разделяю, там все много сложнее было. А дело в удивительной ее бесчеловечности.

Ваксберг в последней трети книги делает замечательный авторский кульбит: рассказывая о старости Лили, о борьбе с Людмилой Маяковской за музей (Людмила, кстати, тоже была совсем не подарок), об интригах и сплетнях, он виртуозно вызывает у читателя жалость и сочувствие к старухе. Но эта жалость, человеческая, справедливая, необходимая, тоже скорее дань таланту автора: не так уж страшна была Лилина старость, в то же самое время старели и по-другому, без заграницы и дружбы с Сен-Лораном. Это как в дневниках Нагибина – горькие переживания автора там связаны с тем, что в этом году только в шесть стран пустили, а еще в пять – нет. Один знакомый рассказывал такую историю. Только-только кончилась война, его вместе с другими детьми везли всем детским домом из эвакуации. Детей разместили на верхних полках, чтобы освободить нижние для пассажиров. И вот на какой-то станции в купе вошла очень элегантная дама с двумя спутниками. Они уселись и только все время проверяли, заснул мальчик наверху или нет. Наконец, когда он притворился спящим, компания достала из сумок хлеб, вино, фрукты, мясо и стала есть. Через много лет этот мальчик, став уже взрослым, узнал даму на одном приеме: это была Лиля Юрьевна Брик.

Н. А. Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. – «Новое литературное обозрение», Москва; серия «Россия в мемуарах»

Это про купцов.

Ранней весной, особенно днем, какая-то похмельная просто дрожь, хотя нет никакого похмелья, да и выпить уже безрадостно, – ну нет больше сил, нету. Авитаминоз. А надо с притопом и удалью, свежо, глянцево, бабах по голове очередное издательство. Или писателя. Или переводчика. Можно едко и язвительно, а можно эдак интимно и ласково. Умно, но не слишком, чтобы не скучно. Мол, мы тут понимаем, сейчас вам расскажем, а вы купите и прочтете, пойдете и съедите, посмотрите и послушаете, наденете или подарите. Вы такие бодрые, ну и мы еще бодрее. Вам так здорово живется, и нам тоже ничего. Не пишем мемуары, дневников не ведем, ничто не имеет значения, незачем запоминать больше чем на две недели, а лучше весело так, легко и без пафоса. Главное, чтоб без пафоса. Прямо девиз эпохи.

А это вот про купцов. Подробнейшие мемуары о купеческой Москве. Сам Варенцов был купец-миллионщик. Он умер в глубокие советские годы, в 47-м, так никуда и не уехал. А где-то в тридцатые с упорством восстановил дневниковые записи, собрал их в несколько тетрадок, переписал набело, закончив 1905 годом. Хлопком когда-то торговал, осваивал Среднюю Азию, при большевиках нищ был совершенно, но считал это даже правильным – вроде как расплата за прежнее богатство.

Мне недавно попало вышедшее в начале 90-х репринтное издание мемуаров А. Ф.

Кошко, бывшего до эмиграции главой полицейского ведомства Российской империи. Тогда ведь тоже считалась эта работа не совсем приличной, военные презирали жандармских. Я уж не говорю об интеллигенции. Этот самый Кошко совершенно меня потряс. Милые, занимательные и по нашим временам невинные полицейские истории не только написаны с большим литературным блеском, но какой прекрасный человек их писал! Ясность мысли, не подлежащая обсуждению верность долгу, понимание России, наивная и упрямая преданность ей. Не мыслитель и не писатель, государственный чиновник, мент. Зачем ему было думать о прошлом, о будущем?

А Варенцов вообще купец. То есть бизнесмен, спекулянт. Литературных дарований никаких, хотя по нынешним временам написано культурно. С купеческим уважением к литературному труду, с детски серьезными описаниями внешности, обстоятельств, костюмов и нравов. Один среднеазиатский купец первый раз приехал в Москву и попал в Большой театр. После этого он оставил семью, детей, навсегда переселился в Москву и стал балетоманом. По мнению Варенцова, все дело было в том, что балет показался азиату живым воплощением мусульманского рая – полураздетые прекрасные женщины танцуют под дивную музыку.

Но все это описывается не для того, чтобы байками развлечь читателя. У них у всех – купцов, чиновников, военных, ученых – было непонятное и чуждое нам чувство ответственности, долга какого-то. Они считали, что из их маленьких жизней и быстрых времен складываются эпохи, история.

Пафоса они не боялись, уныния стыдились, а легкомыслие презирали.

Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана. Повести и рассказы. – «Вагриус», Москва

Герой рассказа «Начало» – чудаковатый изготовитель редких народных инструментов вроде волынки. Его хлопотливая мамаша по непонятным причинам начинает уменьшаться, уменьшаться и в конце концов достигает размеров таракана. Герой носит ее в коробочке и постоянно боится раздавить. Чем меньше мамаша, тем больше места в жизни сына она занимает. Мне очень нравится этот сюжет.

Нынешнее русское чтение состоит из двух параллельных потоков – так называемой массовой литературы, с одной стороны, и литературы «высокой» – с другой. И как бы Сорокин ни старался доказать обратное, он все равно принадлежит ко второй. Первую читают все, вторую – некоторые. И в первой, и во второй есть свои блестящие победы и есть тонны мусора. Пересекаются обе литературы только в одной точке – точке Пелевина. Между тем ситуацию можно будет назвать нормальной только тогда, когда за Пелевиным будут стоять несметные толпы хороших, профессиональных писателей, умело сочетающих внятный сюжет с хорошим литературным вкусом, не самые тривиальные соображения – со способностью развлечь читателя. К сожалению, у нас таких писателей штук двадцать, не больше.

Вишневецкая в эту двадцатку входит, хотя и с оговорками. Рассказы «Начало» и «Брысь, крокодил!» – вообще то, что надо. В остальных произведениях есть существенный недостаток, я бы его назвала «синдромом Улицкой». «Синдром» имеет первым признаком то, что писатели (а в особенности почему-то писательницы) очень любят героями своих историй делать интеллигенцию, причем в старом, советском понимании слова. Герой повести «Вышел месяц из тумана» – сам писатель. Его подруга к концу повести учится на театрального режиссера и увлечена Мейерхольдом. Уберите это! Немедленно! Хочу домработниц, риелторов, настройщиков, киоскеров, бухгалтеров, торговых агентов и менеджеров среднего звена. Почему, например, герои современной прозы никогда не ходят менять валюту? Все ходят, а они не ходят. Вот когда они пойдут, когда начнут жить самой обычной жизнью, но полной приключений, – тогда читатели понесут с базара именно Вишневецкую, а не Доценко с Максом Фраем. Что в принципе одно и то же.

Кнут Гамсун. Круг замкнулся. – «Текст», Москва

Это последний роман нобелевского лауреата. Роман никогда не переводился на русский язык. Видимо, в 1936-м не успели, а потом Гамсун уже хороводился с наци, и переводить его

было не с руки.

Русские барышни 10-х годов рождения, да и позже, все поголовно были влюблены в Пана, в лейтенанта (кажется) Гленна. Или хотели быть похожими на Викторину, героиню другого романа. Пылкие филологические юнцы чувствовали себя героями романа «Голод», почти кафкианского. В Гамсуне всегда было столько современного и специфически северного, что редкий интеллигентный русский подросток не соблазнился бы его сочетанием изысканного и наивного, ломкого и грубого – что, в сущности, одно и то же. Гамсун олицетворял и символизировал любовь к модерну, стилю глуповато-жеманному.

Но прошло время, и выяснилось, что в модерне было много добротного. Что декадентское лицемерие сродни лицемерию викторианскому, в основе его лежат мрачноватые инстинкты, которым разум служит одновременно ошейником и маской. Что в грубой распушенности этого стиля таится отличное знание человеческой природы. Что в его неуклюжей грации есть легкость и оригинальность, а в его парадоксах есть большой здравый смысл. Все это в полной мере можно отнести и к Гамсуну.

История Абеля Бродерсена, сына смотрителя маяка в маленьком норвежском порту, почти статична: герой то уезжает из родного захолустья в Америку, Новую Зеландию, Канаду, то возвращается в него, влекомый тягучей и молчаливой любовью к дочери аптекаря Ольге. Все изменения, которые происходят в городке за время отсутствия Абеля, вроде значительные, а вроде топчутся на месте. Женщины меняются мужьями, дети растут, старики умирают. Идея Абеля – опускаться на дно. Не дно порока, а дно жизни, где свет только мерцает, пища только насыщает, где нет честолюбия, порыва и трепета. Трепещущий, страстный и искренний лейтенант Гленн из «Пала» превратился в невозмутимого, равнодушного, почти пустого Абеля. Модерн кончился. Круг замкнулся.

Ромен Гари. Корни неба. – «Симпозиум», Санкт-Петербург

Русский по происхождению, дважды лауреат Гонкуровской премии (чего вообще-то не бывает), герой Сопротивления, соратник де Голля, самоубийца, классик французской литературы.

Действие происходит в Экваториальной Африке, во французской колонии, и вертится вокруг слонов. Один сумасшедший, Морель, решает спасти слонов от истребления и воюет со всем миром. За ним охотятся, все взбудоражены; толпы журналистов, попы-миссионеры, чиновники, влюбленная в него барменша. Можно бесконечно рассказывать сюжет, но при этом представления о романе вы не получите никакого. Что-то там такое в аннотации про экологический роман? Да ничего подобного. Морель когда был в концлагере, они с товарищами по бараку придумали такую игру: когда становилось совсем невмоготу, они начинали думать про слонов, про то, как они неуклюже, свободно и величественно пасутся где-то там. Один, уже умирая, просит Мореля следить за его слоном, «его зовут Родольф», слона в смысле. Поэтому Морель считает, что он у слонов в долгу.

Но и это не имеет никакого значения. Об Африке, о чистоте, как Карен Бликсен? Ну, немного похоже, что-то есть, и об Африке тоже. О свободе и одиночестве, об Африке, как Лоренс Даррелл? Да-да, похоже, но не совсем. И даже самые распоследние дураки умны, потому что такова европейская культура в африканских широтах. Проницательность и остроумие, поэтичность и здравый смысл: «Мне часто казалось, что чрезмерная серьезность делает человека больным и тебе хочется помочь ему перейти улицу»; «Это как раз один из тех людей, у кого человечность постепенно принимает вид человеконенавистничества».

У художника Вадима Захарова была серия картин, объединенных общим рефреном «слоны мешают жить». У Гари слоны помогают жить, но и мешают тоже. Есть, видимо, в этих животных нечто нас завораживающее. Отличная книга между тем.

Н. Геворкян, А. Колесников, Н. Тимакова. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. – «Вагриус», Москва

Не могу не отдать должное своим коллегам-журналистам. Это блестящая

профессиональная работа. Книга отлично, очень хитро выстроена, помимо внешнего сюжета в ней есть сюжет внутренний, довольно увлекательный для любого, кому интересен этот герой.

Так вот, поговорим о герое. Не о президенте всех россиян Владимире Владимировиче Путине, а о герое книги, некоем Владимире Путине. Главное чувство, которое вызывает этот герой у читателя, – не любовь, не восхищение, а острая жалость. Представьте себе человека, который не то чтобы не был никогда счастлив, а просто не знает, что люди испытывают это состояние. Как слепой от рождения. Скучная, бедная, блеклая жизнь, где все подчинено долгу, дисциплине, идее – абстракции. Где нет чувств – есть обязанности, где вместо желаний – стремления, вместо мечтаний – план. Где самое ценное качество друга – верность. Верность и впрямь ценное качество. Но в палитре дружеских достоинств встречаются еще ум, веселость, легкость на подъем, обаяние, храбрость, да и еще много чего другого. У друзей Владимира Путина (не в жизни, а в книге) ничего этого нет. Только верность. Видимо, всем им пришлось жить в те времена, когда кругом враги, – обычно так чувствуют себя люди, пережившие оккупацию или массовый террор. Владимиру Путину, наверное, и впрямь довелось все это пережить, только с другой стороны.

«От первого лица...» – это своеобразный роман воспитания. Как у всякого героя романа воспитания, у Владимира Путина есть свой любимый учитель, он же по канонам жанра искуситель. В «Волшебной горе» Томаса Манна для обывателя Ганса Касторпа таким наставником был итальянский философ Лодовико Сеттембрини. В «Разговорах с Путиным» эту роль выполняет Анатолий Собчак. Как сказал один мой друг, у каждого полковника должен быть свой любимый интеллигент.

Это не жизнь, а какая-то биография. Надо отдать должное авторам: они не только не попытались скрыть внутреннюю бедность своего героя – они подчеркнули ее, сделав из нее подлинный сюжет этой книги, неожиданно изысканный, если забыть о том, что писали они о живом человеке. В писателях всегда есть определенная жестокость по отношению к своим героям. Вот вам идеальный ее пример.

Глава «Студент», отрывок, названный «Я сказал ей правду»:

« – Университетское время – как раз для романов. У вас были?

– А у кого не было? Но ничего серьезного... Если не считать одной истории.

– Первая любовь?

– Да. Мы с ней собирались сочетаться узами законного брака».

Как подчеркнуто раскованы в своих формулировках писатели – и как мучительно безъязык их герой. Ничем они ему не помогают, никак его не прикрывают и не облагораживают, все по-честному, все как есть, торжествующая объективность, скорбное бесчувствие.

Авторы так боялись пошлости страстей, так не хотели, чтобы их заподозрили в любви к Путину, что своими руками создали героя, которого просто невозможно полюбить, как ни старайся.

Вот мы и не любим. И не стараемся. Жалко только его.

Борис Житков. Виктор Вавич. – «Независимая газета», Москва

Это первая публикация романа, написанного в 1934 году и запрещенного к печати усилиями А. Фадеева. Сюжет, повествующий о судьбах нескольких семейств, построен вокруг беспорядков 1905 года. Так что это роман о революции. Как бы. Главный герой, по имени которого названа книга, молодой человек заурядных умственных способностей, поступивший почти случайно служить в полицию. Автор послесловия Андрей Арьев справедливо, впрочем, отмечает, что главному герою уделено ничуть не больше места, чем остальным героям, якобы не главным. На основании этого Арьев делает вывод, что Виктор Вавич и не является главным героем. У меня эта трактовка романа вызывает сомнение.

Дело в том, что одной из основных тем романа, если не самой главной, является глупость в разных ее проявлениях. Глупость и ее страшные последствия. Ни в ком она не выражена так определенно и ни в ком она так не убеждает и не увлекает, как в Викторе Вавиче. У всех остальных действующих лиц не раз и не два случаются страшные приступы глупости, толкающие сюжет к самым трагическим поворотам, но Вавич пребывает в ней постоянно. Естественно, он находится на вершине ее и ни разу не спускается вниз, в долину хотя бы

простой сообразительности. Глупость правит его жизнью, глупость приводит его к смерти.

Поразительным образом Житкову удалось то, что в жанре романа до него удавалось только Гоголю и Андрею Белому: создать героя, ни на секунду не вызывающего у читателя симпатии, и при этом заставить следить за его судьбой с напряженным вниманием. Но Гоголь и Белый – гении. А Житков? Рваный, прыгающий стиль романа, нервный язык, почти лишенный эпитетов, брошенные фразы, короткие главки, каждая из которых названа ключевым словом, но ключевым не в сюжете, а в языке повествования, внешние события, без колебаний перемешанные с внутренними монологами героев, виртуозно разные речевые характеристики персонажей, лавиной развивающееся действие, кинематографическая выразительность в сценах еврейского погрома и уличных беспорядков, документальный ужас одиночной камеры – это большой русский роман, масштаба «Живаго», но лучше, много лучше. Хотела вот придраться, что, как и во всей почти экспрессионистской прозе, слабые женские образы, но вспомнила Груню. Потом Мирскую. Нет, и с этим все в порядке. Во многом эта книга – оправдание интеллигенции, так непростительно заигравшейся в революцию. Читаешь и думаешь: нет, ведь это и впрямь снести было невозможно, невыносимо. Хотя и глупо, конечно, ужасно глупо, как глупо-то, господа. Прочтите обязательно.

Леопольд фон Захер-Мазох. Наслаждение в боли. – «Эксмо-Пресс», Москва

Ну, «Венеру в мехах» мы, положим, читали. Мы вот вряд ли читали «Любовь Платона», «Наслаждение в боли: Воспоминания детства и размышления о романе», «Два договора Мазоха» и «Приключение с Людвигом II (рассказанное Вандой)». Потом тут еще Зигмунд Фрейд «„Ребенка быют“: К вопросу о происхождении сексуальных извращений».

Все это вместе больше всего напоминает, как ни странно, «Рассказы о Шерлоке Холмсе» Конан Дойла. В современной литературе есть сочетание какой-то звериной серьезности, подростковой любви к тайнам и совершенно провинциальных представлений о роскоши. С Конан Дойлом Захер-Мазох объединяет еще и то, что оба они казались сами себе натурами чрезвычайно сложными, тогда как на самом деле природа делала их топором.

Если рассуждать о Мазохе не с медицинской точки зрения (а ведь так и подмывает!), то беда его незатейлива: в отличие от де Сада, настоящего великого писателя, Мазох писатель плохой, графоман попросту говоря. Слезы, ахи, вздохи, плетки, шубы, свечи, плечи, – совершеннейший Надсон, беспомощная пошлятина с претензией на страшную откровенность. Это при том что «Опасные связи» давным-давно написаны!

Некоторый интерес представляет только одно сочинение сборника – «Приключение с Людвигом...», от имени жены Мазоха, Ванды, описывающее печальный и отчасти комичный, полуэпистолярный, полуконспиративный опыт общения четы Мазохов с несчастным королем Баварии. Сочинение это интересно будет прежде всего поклонникам Висконти и фильма «Людвиг». Ужас, однако, состоит в том, что оно не снабжено никакими мало-мальски вразумительными комментариями: ни когда было опубликовано впервые, ни имело ли место в действительности, ни кем на самом деле было написано – женой или мужем, ни кто такая была жена, – ничего вообще. Издательство «Эксмо» привыкло халтурить, да и пусть себе халтурит со своими мариниными-поляковыми. Зачем взялись не за свое дело?

А дедушка Фрейд все-таки был совершенно больной. На всю голову.

Ричард Карлсон. Делайте деньги. – «Рипол Классик», Москва; серия «Не переживайте по пустякам»

Бесспорно, если бы Козьма Прутков родился в Америке, он был бы психоаналитиком. Я страстно люблю всю великую американскую литературу о психологии бизнеса и преуспевания именно за то, что ее могли бы написать братья Жемчужниковы. С тех пор, как у нас стали переводить всех этих карнеги, жизнь стала лучше и веселей. С прилетом Карлсона она засияла совсем уж алмазным блеском.

Карлсон – мужчина в самом расцвете сил и богатства. Из его книги мы то и дело узнаем, что жена его – преуспевающая бизнес-вумен (так и написано), у них трое детей, сам Карлсон

много читает лекций и играет на бирже. В целях правильного жизненного ориентирования читателей Карлсон время от времени самокритичен: неоднократно в своей книге он пишет о том, как помогло ему достичь успеха сознание того, что писатель он хороший, а редактор – не очень. Это прямо-таки потрясает! Какой же он тогда редактор, если он такой писатель?!

Это прелесть, прелесть что за книга. Что ни страница, то перл. Вот, например, прямо из предисловия: «Чем бы я ни делился с окружающими – деньгами, временем, идеями, энергией, да просто любовью, – мне воздается сторицей». Какая божественная иерархия! А вот из главы 27: «Размышление – один из самых мощных, но, к сожалению, недооцененных инструментов достижения успеха». Ох, недооцененных! А вот мое любимое, глава 29: «Вероятно, и вас, и ваших близких волнует проблема ланча – ведь на него нужно потратить и время, и усилия».

Там еще много призывов: «Выразите свою благодарность другим», «Будьте открыты для нового», «Не надо метаться». С последним трудно не согласиться. Питерский философ Сергей Чернов всегда берет сразу десять «Балтик» и замечает при этом: «Чтоб не метаться». Надо, чтоб и он книгу написал.

Барбара Картленд. Магия Парижа. – «АСТ», Москва

На задку книги написано, что Барбара Картленд занесена в Книгу рекордов Гиннеса, потому что ежегодно она выпускает в свет двадцать романов. Я прочла пока только два – «Магию Парижа» и «Любовь в отеле „Ритц“» – и могу с уверенностью сказать, что ни с чем подобным встречаться мне еще не приходилось.

Это какая-то галактическая просто глупость! У Барбары Картленд в голове находится что-то такое, чего нет у остальных людей. Читаешь и думаешь: может, это барсук писал или тушканчик, удад, лемур, птица-секретарь? Кто угодно, только не человек.

Парижские куртизанки и невинные девушки, герцоги, лорды, лошади, банкиры, маркизы – сюжеты пересказывать бесполезно, потому что их нет. Лучше процитируем: «Это была очень приятная комната... с очаровательными картинами французских художников, тонко чувствующих красоту». Но это еще цветочки! «Лишь только маркиз оторвался от ее губ, она смогла заговорить, и голос ее звучал с переливами, словно пение птиц: – Я люблю вас... Я люблю вас... Я никогда... не подозревала, какая она... любовь! – И я люблю вас, – откликнулся на ее слова маркиз, – но я боялся говорить с вами об этом, боялся испугать тебя, милая моя девочка. – Вы... Вы любите меня? Вы на самом деле... любите меня?»

Да, Барбара, да! Мы... правда... на самом деле... честное... слово... всем сердцем любим... любим... о!., о!., а!., о!., так любим... м-м-м... вас!., так... так... Так можно и сорок три романа в год писать.

Джеки Коллинз. Месть Лаки. – «Эксмо-Пресс», Москва

Как все-таки прекрасно, что есть на свете такая восхитительная писательница, как Джеки Коллинз! Какое счастье, что каждый ее роман переводят и будут переводить на русский! Это такая кристальная, божественная, фонтанирующая глупость!

Прелестно еще и то, что эта глупость специфического, именно американского разлива. Американская глупость отличается от любой другой своей крайней энергичностью. Это активная, кинетическая глупость, в ней все подвижно, все пышет здоровьем и мышечным тонусом. Сотни действующих лиц, интерьеров, событий, драм и счастливых разрешений. Миллионы роскошных нарядов, дорогих машин, прелестных чернокожих девушек, продюсеров, актрис и топ-моделей. Звезды блещут на небе, как фарфоровые зубы во рту. Супружеская любовь крепкая, как пресс после тренажерного зала. Все сорокалетние выглядят на двадцать лет, а все двадцатилетние – на миллион долларов.

«У самой Бриджит тоже было назначено свидание с грибной пиццей, которую она собиралась трахнуть, предварительно настроив телевизор на какую-нибудь юмористическую передачу...» Это юмор.

«Мне всегда нравилось, как Мэри Лу играет в своем знаменитом комедийном сериале, где она снималась несколько лет назад... Увы, больше мы ее не увидим ни на экране, ни в жизни».

А это грусть.

«Я отослала детей, так что мы можем устроить себе романтический уикенд. Скажем, расхаживать по всему дому нагишом, вместе плескаться в ванне и так далее». А вот это уже эротика.

Вы зря думаете, что я это не читаю, а просто листаю, наугад подбирая цитатки. Я читаю это с огромным, ни с чем не сравнимым наслаждением от первой до последней страницы. Вообще глупость – одна из самых загадочных вещей на свете. Я уверена, что могущество и благоденствие Америки прямо пропорционально количеству жизнерадостных идиотов, режущихся на просторах этой благословенной страны.

В глупости и впрямь есть что-то благословенное. Смех и радость она приносит людям.

Милан Кундера. Вальс на прощание. – «Азбука», Санкт-Петербург

Роман написан в 1972 году еще в Чехии. В курортном городке, где в основном проходят лечение бесплодные женщины, медицинская сестра по имени Ружена выясняет, что она беременна. Предположительный отец ее ребенка – известный музыкант из столицы, проводивший с Руженой одну гастрольную ночь. Музыкант Клима любит свою жену. Жена его ревнует. Есть еще Якуб, доктор Шкрета, Ольга и еще один герой, святой. Настоящий святой. И все это вместе прелесть что такое.

Кундера служит идеальным доказательством того, что если любить людей в целом и, исходя из этого, крепко выстроить простой сюжет про людей же, то можно высказывать сколь угодно сложные отвлеченные соображения, не обижая при этом читателя своим высокомерием. Современную прозу губит мизантропия. Кундера жизнерадостен до наивности. Это наивность очень умного человека, который досконально изучил все соблазны ипохондрии и победоносно отверг ее. «Вальс на прощание» – роман о страхах. Страх одиночества, страх обреченности, страх неудовлетворенного честолюбия, страх смерти, страх бесплодия в прямом и переносном смысле – все это для автора синонимы отсутствия любви. Та простота и смелость, с которой Кундера все мыслимые сюжеты человеческой комедии сводит к любви, поражает каноны современного вкуса, сводя вкус к скопчеству. В предисловии к одному из изданий поэмы Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки» Михаил Эпштейн как-то написал о приближении новой литературной эпохи, эпохи неосентиментализма. Суть его предположения сводилась к тому, что, уткнувшись в тупики постмодернизма, проза неминуемо начнет существовать в пространстве чувств: обогащенная знанием, что все о чувствах уже сказано, она должна найти в себе силы начать говорить о них заново, потому что больше говорить не о чем, ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. Эпштейн называл книгу Ерофеева первым неосентименталистским сочинением. А вот вам и второе.

Александр Кушнир. 100 магнитоальбомов советского рока. 1977-1991: 15 лет подпольной звукозаписи. – «Леан», «Аграф», «Крафт», Москва

Очень зря многие знатоки и веды рока ругают эту книгу. Во-первых, она вызывает колоссальное уважение, как всякая энциклопедия. Знатоки с ведами где-то там по углам знаточат, а кто-то в это время собирает, ищет, рыскает и делает.

Во-вторых, читается как захватывающий роман. С героями, врагами, сумасшедшими, смертями, Любовями и пр. Увлекательная и печальная история Майка Науменко, рассказанная, слава богу, через его альбомы, а не пафосные воспоминания. Душераздирающие и комические подробности из жизни любимого народного героя Дяди Федора Чистякова и его группы «Ноль». Цой без соплей. Гребенщиков без зауми. Настя Полева как она есть. Егор Летов, не к ночи будь помянут, с невозмутимой симпатией.

В-третьих, симпатия в книге почти ко всем. Это тем более приятно, что только художники-авангардисты и обслуживающий их персонал отличаются большей ненавистью друг к другу, чем рок-музыканты со своими свитами. В книжке Кушнира нет ни сусального умиления, ни свары и склоки. Что, собственно, и делает ее энциклопедией.

Если учесть, что на Западе таких книг немислимая уйма, если подумать о том, что у нас

такая книга выходит впервые, то, куда ни кинь, большое и радостное событие получается.

И есть к тому же незатейливый, но милый внутренний сюжет: не то чтобы у нас была прекрасная эпоха, нет; но были когда-то и мы рысаками. Это только сейчас мы старые калоши, вы не думайте, вы сами такими же будете.

Жак де Ланглад. Оскар Уайльд. – «Молодая гвардия», «Палимпсест», Москва; серия «Жизнь замечательных людей»

Однажды один мой знакомый гомосексуалист сказал мне, что процесс над Уайльдом по своему значению для нашего века сравним только с делом Дрейфуса для века предыдущего. По этому поводу другой мой знакомый гомосексуалист, человек значительно более умный, чем первый, сказал, что два этих дела нельзя никак сравнивать: дело Дрейфуса касалось всех, дело Уайльда – немногих.

Выход полноценной и, кстати сказать, превосходной биографии Уайльда доказывает правоту второго. История жизни Уайльда необыкновенно драматична, тогда как история жизни Дрейфуса подлинно трагична.

Жалость. Жалость, но не сочувствие – вот что испытываешь, читая биографию. Сочувствию просто неоткуда взяться – сам во всем виноват, сам с необъяснимым упорством шел навстречу гибели. Жизнь, превращенная в искусство, оказалась исковерканной, изуродованной. И все, все полно перверсий: как моралист превращается в распутника, так и эстет ведет себя с плебейским недальновидным норомом.

У нас давно уже фактически перестал существовать жанр беллетризованной биографии. Тем ценнее получить новые образцы его в иностранном исполнении. Качественная биография тем и хороша, что выстроена не только хронологически, но и драматургически – со всей сложностью развития характеров, с совокупностью притягательного и отталкивающего, с полемикой поэзии и правды. В этом смысле Уайльд, конечно, благодатный материал. Но во времена политкорректности очень боязно читать его историю: а ну как она будет написана со слюнявым умилением и меньшинским пафосом? Нету ничего этого, нету совершенно, и слава богу. В бесконечной сложности вопросов, в безнадежной неоднозначности ответов обретается опыт. Опыт порождает убеждения, в том числе и политкорректные. Потому что ханжество – это дочь наивности и неосведомленности.

Дэвид Лодж. Академический обмен. – «Независимая газета», Москва

Два профессора английской литературы, англичанин и американец (естественно, оба занимаются Джейн Остин), едут по академическому обмену в университеты друг друга. И что из этого выходит. «Каждое поколение получает образование, позволяющее ему заработать деньги на образовании следующего поколения, и никто ничего не делает с самим образованием. Вы выбиваетесь из сил ради образования ваших детей, чтобы они выбивались из сил ради образования своих детей».

Англичанин становится американцем, то есть свободным, раскованным и нагловатым. Американец ведет себя все деликатнее и деликатнее. Оба, понятное дело, живут с женами друг друга.

И совершенно ясно, что англичанин живой, а американец придуманный. Но упрекать автора за это не нужно. Главное очарование романа составляет метафизика банальности. Все ружья всегда стреляют, все сюжетные линии сходятся, все герои встречаются в нужное время в правильном месте. Секрет «Академического обмена» состоит в том, что это современная стилизация Джейн Остин. Любой ее прилежный читатель знает, что переживания девушек на предмет вожделенного замужества подменились в конце XX века переживаниями интеллигентного мужчины на предмет чтобы ему дали. Извините за грубость. Добросовестный английский писатель Дэвид Лодж, например, убежден, что в сегодняшней литературе нужна хотя бы одна грубость. Ну и, конечно, извинение за нее.

Анна Малышева. Требуется жертвы. – «Центрполиграф», Москва

Люди, называющие себя Анной Малышевой, написали этот роман еще в прошлом году, но он все продается и продается, и никак не кончается. Как сама Анна Малышева. В том, что это реально существующая женщина, меня не убедит никто и никогда. Меньше чем за год это существо написало больше десяти романов. Несмотря на вполне обязательные в таких случаях сюжетные клише и повторения, сляпаны все произведения вполне крепко. Минимум порнографии, интрига раскручивается на каждой странице, никаких рассуждений, только действие. То есть Анна Малышева – вполне профессиональная команда.

Что касается «Требуются жертвы», есть у произведения как ободряющие черты, так и огорчающие. Ободряет то, что полку анн Малышевых прибыло – среди них появился гомосексуалист. Причем не баба, которой дружки рассказали, а парень, знающий дело не понаслышке. Довольно подлый, потому что все гомосексуалисты у него ужасно плохие. Видимо, не очень молодой, потому что единственный более или менее привлекательный персонаж – пятнадцатилетний мальчик-проститутка, мечта аксакала. Его бы в хорошие руки... Душераздирающие страницы посвящены соблазнению этого мальчика женщиной преклонных годов и отталкивающей наружности под воздействием легкого наркотика и под руководством гадкого буржуазного содержателя мальчишки. Женская физиология показана с убедительной отвратностью. Это такая традиционная гей-телега: один раз попробовал, это был та-а-акой у-ужас! Вторая по популярности гей-легенда, о том, как натурала уговорили, и он теперь ничего другого не хочет, в книгу не вошла. А жаль. Может, в следующую войдет.

Огорчает героиня. Она не только ничего не понимает – как тут поймешь, когда на каждой странице появляется дюжина новых лиц, – она ничего и не старается понять. Ей сами все рассказывают. Магнетизм ее можно объяснить только одним – невероятной, сказочной просто глупостью.

Анна Мар. Женщина на кресте. – Научно-издательский центр «Ладомир», Москва; серия «Русская потаенная литература»

То ли русский Захер-Мазох, то ли женский Арцыбашев. Но для Захер-Мазоха слишком хорошо написано, а для Арцыбашева мало порнографии.

Анна Мар была довольно известной писательницей в русском модерне. Ее повести и рассказы нравились Брюсову, Сологубу, Вячеславу Иванову, Гиппиус. Она покончила с собой в возрасте двадцати семи лет в 1917 году незадолго до Октябрьского переворота, и потому последующие события заслонили ее самоубийство. Сделай она это на год-два раньше – а в таком предположении нет ничего кощунственного, поскольку Анна Мар грозила самоубийством долгие годы, – мы сейчас располагали бы несметными отзывами символистов на ее кончину. Хотя бы потому, что она последовательнее многих делала из своей жизни искусство, и наоборот: экстатическое переживание католичества, любовь с католическим священником, проповедь возвышенного распутства и презрения к «мещанским» нормам жизни – это и подробности жизни, и повторяющиеся мотивы прозы.

Единственное и главное, что интересовало Анну Мар, – взаимоотношения полов с точки зрения женщины и связь сексуальности с религиозностью. Чтение в высшей степени занимательное. У нее есть короткие рассказы, которые она называла «почтовыми открытками», написанные просто блестяще. Роман «Женщина на кресте», эдакий женский вариант «Венеры в мехах», несмотря на характерное для такой прозы изобилие эстетических подробностей убранства комнат и потоки рыданий, в некоторых фрагментах чрезвычайно пронизательно описывает нервическую природу женской чувственности.

В то же время все это до жути ничтожно, если вспомнить, что вскоре нас ждут «Темные аллеи», а потом еще и «Лолита». Хотя, наверное, сам переход от героинь Тургенева был столь важен, что по-другому его было и не совершить. А с другой стороны, сам тип этих нервных женщин убийственно описан у Чехова: вспомните хоть «Княгиню».

Я вот лично давно поняла: если нервы разыгрались или сексуальность подступила к горлу, лучше всего полы помыть или постирать. Очень помогает.

Александра Маринина. Седьмая жертва. – «Эксмо-Пресс», Москва

В русских деревнях раньше считалось, что тот, кто прочел Библию от начала до конца, обязательно сойдет с ума. Причем Библия в данном случае представляла собой просто книгу – практически единственную, которую держали в доме крестьяне. Глубокую правоту русского народа доказала Александра Маринина своим последним романом.

Со времен «Призрака музыки» с Марининой приключилось следующее. Во-первых, у нее началось раздвоение личности: в «Седьмой жертве» вместе с Настей Каменской действует некто Татьяна Образцова – тоже следователь, но еще и писательница детективного жанра. Сразу скажем, что Образцова в романе на самом деле не нужна совершенно. Во-вторых, Маринина посмотрела фильм Дэвида Финчера «Семь». Фильм настолько заинтересовал писательницу, что, начав изучать коробку от видеокассеты, она методом сложнейшей дедукции установила, что в качестве иллюстрации прокатчики использовали живопись Иеронима Босха. В-третьих, живопись Босха тоже потрясла Маринину. В-четвертых, Маринина прочла несколько журнально-газетных публикаций о проблеме эвтаназии. В-пятых, у нее появилась домработница.

Все эти невероятные события так поразили «русскую Агату Кристи», что она решительно перестала владеть собой и написала «Седьмую жертву», выплеснув на ее страницы свои удивительные переживания и впечатления от жизни и искусства. Результат ошеломляет.

С одной стороны, Марининой удалось наконец то, что не удавалось никогда: распутать ту интригу, которую она же сама и заплела. Раньше ведь она как писала: пишет-пишет, путает-путает, потом вдруг ей самой это все надоедает (или сроки поджимают), и она – шварк! – и топором по запутке, вот тебе и весь финал. В новом романе все по-другому, от начала и до конца все развивается вполне логично. С другой стороны, именно это Маринину и губит. Вернее, даже не Маринину, а Каменскую. Мы, конечно, давно подозревали, что Каменская глуповата. Но пока она рисовала свои загадочные схемы, мы как бы делали вид, что верим автору на слово: очень сильный аналитик эта Каменская. В «Седьмой жертве» логика до того проста, что догадается ребенок. Ребенок, но не Каменская! Выяснилось, что она просто патологическая какая-то дура! Она даже в фильме «Семь» ничего не поняла и пошла к психологу.

Другим противоречием романа является то, что у новых героев появились характеры (чего раньше у Марининой не водилось), зато старые совершенно спятили: муж Каменской Чистяков перестал готовить, теперь Каменская готовит, Миша Доценко женился, а у Короткова наконец-то умерла теща. Что теперь Маринина с ними со всеми будет делать – ума не приложу.

Единственное, что осталось почти без изменения, – это прекрасный язык писательницы. Он, конечно, обогатился новыми словами и выражениями, но по сути своей остался таким же – гремучая смесь протокола, письма из пионерского лагеря, разговора в парикмахерской и кандидатской диссертации. На первой же странице «Седьмой жертвы» читателя ждет перл: «Андрей Тимофеевич... отправил в рот очередной кусок упоительной телятины Ирочкиного изготовления». Упоительная телятина. Прелесть.

Морис Метерлинк. Разум цветов. Жизнь пчел. – «Амфора», Санкт-Петербург; серия «Личная библиотека Борхеса»

«Дойдя в жизни до известной полосы, начинаешь испытывать больше радости, говоря справедливые вещи, чем поразительные». Эта мысль из «Жизни пчел» Метерлинка может быть продолжена: дойдя в жизни до известной полосы, ничему так не поражаешься, как простым и справедливым наблюдениям других.

«Жизнь пчел» – это не метафора, это буквально трактат о пчелах. За последние годы ни одна книга не вызвала у меня такого острого ощущения счастья во время чтения, как эта. Преданность, уважение, восхищение и сочувствие, с которыми Метерлинк относится к пчелам, сравнимы по своему накалу с теми, которые он сам вызывает у читателя. Жизнь пчелы, ее высший смысл, определяемый «гением улья», как называет его Метерлинк, состоит в бесконечном самопожертвовании во имя будущих поколений, которых она никогда не увидит.

Это вечно отодвигающееся завтра подчиняет ее существование высокому и ничем не вознаграждаемому долгу. Принципы роения, строительство сотов, воспитание принцесс, забота о пчелиной царице – все это на редкость рационально устроено и совершенно неоправданно с точки зрения личного, индивидуального благоденствия каждой отдельно взятой пчелы. Коллективный разум, которым, по убедительному свидетельству Метерлинка, обладают пчелы, совершенно отличается от человеческого разума не только методами постижения реальности, но и способами самовыражения. «Если бы кто-нибудь пришел к нам из неведомого нам мира и попросил показать ему на нашей земле предмет, составляющий самое совершенное воплощение логики, то нам пришлось бы показать ему кусочек скромного медового сота». Примечательно, что этому «кому-нибудь» Метерлинк не решился бы показать ничего рукотворного, человеческого.

Это вообще очень смиренная книга. И в «Разуме цветов» – трактате о мужественных и прекрасных созданиях, тратящих все свои силы на преодоление неподвижности, – и еще более в «Жизни пчел» Метерлинк создает щемящий образ человеческого бытия, горделиво стремящегося к постижению истины и смиренно знающего о ее недоступности. По Метерлинку, долг человека – в познании, а нравственность – в доверии к тайне. Чем дольше и пристальнее наблюдает автор за жизнью крошечных насекомых, тем больше и сложнее представляется ему сокровенная мысль, вложенная в них природой. Он ни на секунду при этом не поддается соблазну восславить природу как таковую и во всех ее проявлениях – недаром темой его исследования стали именно пчелы, а не мухи, например, которых Метерлинк совершенно презирает. Метерлинка чарует идея созидания и долга.

В молодости я ненавидела книги и фильмы о животных. Теперь я с трепетом жду воскресенья – «Диалоги о животных с Иваном Затевахиным» наполняют для меня этот день радостью и волнением. Охота крокодилов на антилоп гну или жизнь австралийских лысых обезьян потрясает меня гораздо больше, чем все произведения человеческого гения, вместе взятые. А на днях мы с писательницей Толстой договорились, что ближе к лету на ее даче мы займемся организацией пасеки. Ее тоже очень интересуют пчелы.

Елена Милкова, Мария Семенова. Вкус крови. – «Азбука», Санкт-Петербург; «АСТ», Москва

Как обычно принято в наших детективах, расследование как таковое отсутствует. Никакой тебе дедукции, зато следователя постоянно осеняют прозрения. Принцип этот придуман еще покойным Николаем Леоновым: его сыщик Гуров все заранее предугадал и предусмотрел; иногда кажется, что Гуров и есть преступник.

Следователь транспортной милиции Дмитрий Самарин, конечно, не такой тупой гений, как Гуров, не все он может предусмотреть, но догадливый, гад!

Вообще сюжет увлекательный. Во-первых, маньяк-убийца, это всегда приятно. Во-вторых, страшные дела творятся у нас на вокзале, девоньки, прямо ужас какой-то! Тут тебе и торговля детьми, и бомжи вонючие, и воры купейные с клофелином в коньяке, весь набор газеты «Мегаполис-Экспресс». Нету только снежного человека и колбасы-убийцы, а жаль. В-третьих, кошмарно коррумпирована все-таки у нас милиция, тоже тема неисчерпаемая и вечная.

Но есть и оригинальные, свежие находки. Маньяк-убийца реагирует только на женщин в период месячных и только летом. Потому что они раздетые и пахнут. Несмотря на разное, но в целом вполне приличное социальное положение, пахнут они все. Видимо, таким образом авторы ловко вставляют шпильку городским властям, отключающим летом горячую воду и вынуждающим женщин не мыться. Остро поставили проблему авторы, молодцы, так держать!

Опять же интересная находка, что интеллигент, взятый транспортной милицией по подозрению в том, что он и есть маньяк (что может быть естественнее для интеллигента в наше нелегкое время!), отказывается признаваться. И это несмотря на пытки! Писатель Бушков, должно быть, в ярости! Он бы не упустил такого шанса, у него если человек в очках и шляпе, значит, точно негодяй. Вообще мотив стойкости нашей интеллигенции как-то ушел из литературы. Это неправильно, поэтому почин авторов можно только приветствовать.

Книжка очень бойкая, рекомендуется широкому кругу читателей.

В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии. – «Фолио-Пресс», Санкт-Петербург

А вот эту книжку очень советую купить. Во-первых, там есть масса забытых просто-напросто слов, без которых ни Зощенко, ни Платонова, ни Ильфа с Петровым не прочесть. Во-вторых, огромное количество сведений, которых вы просто могли не знать. Я, например, с интересом выяснила, что «душман» – это не только «член вооруженных формирований непримиримой оппозиции в Афганистане», но и «(разг. ирон.) Название больших черных карасей-мутантов, появившихся в загрязненной Волге в 80-е гг.». Или «Жидовоз – (разг. шутил.-ирон) Самолет, выполняющий рейс Ленинград-Вена, на котором из СССР обычно улетали еврейские эмигранты». А вот такое невинное слово, как «зорька»: «Пионерская зорька. 1. Название утренней передачи для пионеров... 2. (жарг. вульг.) Утренний половой акт». В-третьих, даже самые простые слова в этом словаре имеют свое специфическое толкование. Вот «конь» – он всегда «Железный, стальной... (патет.) Трактор». Или слово «твердо»: «нарег. Уверенно, стойко, неизменно. // Твердо идти по пути строительства социализма. Ангольский народ будет твердо идти по пути строительства социализма. – Визит, 1976. // Твердо и уверенно вести народ к коммунизму...» А какие тут цитаты! Вот, например, к слову «жизнь»: «Оптимизм мы часто толкуем как обыкновенный телячий восторг. „Не надо печалиться – вся жизнь впереди“. А печалиться надо. Не за себя, так за других. И не только печалиться, а даже страдать. – Кома, пр., 18.02.82».

Отличное, совершенно академическое издание, пригодное как для индивидуального усладительного чтения на ночь, так и для коллективного изучения на производстве. Патет., шутил., ласк.

К. В. Мочульский. Великие русские писатели XIX века. – «Алетейя», Санкт-Петербург

Константин Мочульский, филолог и философ, эмигрировал в 19 году. Все его главные книжки – «Духовный путь Гоголя», «Достоевский. Жизнь и творчество» – написаны в эмиграции. «Великие русские писатели...» – книжка не главная, но очень важная.

Фактически это сжатый учебник по русской литературе, написанный для тех поколений русских, которые выросли, а то и родились уже вне России. В этом учебнике есть по крайней мере две черты очень примечательные. Одна черта – это упорство и прямолинейность, с которыми Мочульский проводит главную свою идею: русская литература идет путем Христа. Если с Пушкиным это еще как-то получается, по крайней мере в связи с последними годами жизни, если Достоевскому идея совсем впору, то вот с Лермонтовым у автора должны были бы возникнуть серьезнейшие проблемы. Даже как мистик Лермонтов совсем не склонен к христианству, и те его стихи, где упорный автор ищет указаний на христианский путь поэта, прилежного читателя убедят лишь в том, что Лермонтов отдавал дань традициям отцов. Если бы в России был принят буддизм, Лермонтов в стихах вспоминал бы не Богородицу, а Будду.

Упорство Мочульского приводит читателя ко второй поразительной черте его книги: она необыкновенно напоминает советские учебники литературы. Та же примитивность оценок – Пушкин был такой хороший-хороший, а высший свет кругом был такой плохой-плохой, – то же казенное сочувствие к тяготам народной жизни, то же вполне невообразимое в талантливых людях последовательное устремление к идеалу, которое он приписывает Толстому или Пушкину, никак образцами последовательности не считавшимися. Только вместо дедушки Ленина тут Иисус Христос.

Но при этом у Мочульского есть одно важное отличие от советских авторов – он все-таки очень образованный, интеллигентный человек. Купите книжку знакомым и родственникам, заканчивающим школу. Вреда-то всяко не будет.

А. Оленина. Дневник. Воспоминания. – Гуманитарное агентство «Академический проект», Санкт-Петербург; серия «Пушкинская библиотека»

В Анну Алексеевну Оленину был влюблен Пушкин. Он ей делал предложение, писал «Ты и вы», а она ему отказала. Потому что не любила его, а кокетничала только из тщеславия.

Так и хочется сказать, что то была прекрасная эпоха милых, невинных барышень. Что они все были такими: трогательными, изящными, неумными и очаровательными. Считается, что и Наталья Николаевна была такой. Керн тоже. Но тогда же жила Вера Вяземская, и Смирнова-Россет, и Карамзина. Умные, блестящие, желчные женщины, под стать окружавшим их мужчинам. Так что не все, далеко не все.

Анна Оленина не была умна. Если еще точнее, она была глупенькой. Но мораль ее дневников, как и дневников многих ее современниц, в том, что глупость, вставленная в оправу из хорошего воспитания, образования и незыблемых моральных ценностей, перестает раздражать и оскорблять эстетическое чувство. Глупость, лишённая вульгарности, а значит, и оригинальности, превращается в такое же лишённое экзистенциальных глубин качество, как, например, цвет волос или тембр голоса. В таком своем целомудренном варианте она прекрасно сочетается с наблюдательностью, живостью, культурной чуткостью. С нашей сегодняшней точки зрения это вообще нельзя назвать глупостью.

Саму себя Оленина считала умной, тонко чувствовавшей девушкой, склонной к творчеству в минуты досуга и к здравомыслию в повседневной жизни. В здравомыслии ей и впрямь не откажешь. Оно всегда помогало ей быстро утешаться в минуты горести. Подчеркну, что это именно здравомыслие, а не легкомыслие. Что же до творчества (его фрагменты приведены в книге), то к литературе оно имеет весьма малое отношение. К сожалению, это совершенно забытый в России жанр. Вымерли в этой стране интеллигентные глупцы.

Очень короткие тексты. В сторону антологии. Составитель Дмитрий Кузьмин. – «Новое литературное обозрение», Москва

«Поводом для издания этой книги послужил Фестиваль малой прозы». Это из аннотации. Прекрасно составлено и скомпоновано по разделам. Отличные фотоиллюстрации. Авторов какое-то море просто. Все разные, как и полагается в антологии. Некоторые талантливы, некоторые не очень.

За всем тем книга, по-моему, на редкость бессмысленная. То есть читать ее практически невозможно. Подавляющее большинство текстов исходит из того, что малая проза, в отличие от большой, не нуждается в композиции как таковой. Часть авторов пашет плодородную, но однообразную ниву хармсовских «Случаев». Скучно ужасающе.

В принципе, на этом надо бы и закончить, больше-то нечего говорить. Но дело в том, что тогда эта рецензия не наберет нужное количество знаков, а это в нашем журнале считается совершенно недопустимым. Потому что якобы ломается макет. Я, впрочем, плохо себе представляю, что это такое – макет и как его ломают. Я вот думаю, может, кофе сходить попить? Так поздно уже, не засну потом. Лучше пива, но с ним писать трудно.

Еще я съела бы чего-нибудь, а то от сигарет вкус во рту уже медный, хотя, возможно, это обострение гастрита. И зря я тапки не взяла, довольно жарко сидеть тут в ботинках. Ботинки я, кстати, вчера неплохие купила, сижу и прямо люблюсь на них, гусиные такие, тупенькие. Отличные, в общем, ботинки. А дешевые какие, вы бы знали! Всего-то тысяча четыреста рублей, а радости на все две. Между прочим, отечественные. Могут, когда хотят. Черные, блестят. Немножко грязные, но это ничего, так даже живее выходит: видно, что ими пользуются. Хорошие ботинки. Красивые, качественные, мне очень идут. Ботиночки мои, родненькие, галчата, ласточки.

Не удивляйтесь. Это моя творческая заявка: я решила поучаствовать в Фестивале малой прозы. Она примерно вся такая.

Альфред Перле. Мой друг Генри Миллер. – «Лимбус Пресс», Санкт-Петербург

Книга имеет подзаголовок «Дружеская биография». Альфред Перле действительно много лет дружил с Генри Миллером и, что немаловажно, написал его «биографию» еще при жизни

своего героя. На самом деле никакая это не биография. Это совершенно прелестный роман, в основном о Париже 30-х годов, отчасти о Европе вообще, немного об Америке и прежде всего о молодости, охоте к перемене мест и искусстве.

Блистательный перевод и комментарий Ларисы Житковой преподносит нам новую отличную книгу, грациозную, остроумную, нежную и чрезвычайно культурную. Горячая любовь автора к своему герою не мешает ему над героем издеваться и делать из Миллера-писателя Миллера-персонажа, подчиняющегося не столько драматургии жизни, сколько драматургии Перле.

Собственно, это мог бы быть и не Генри Миллер – русские могли бы написать так о Борисе Поплавском, испанцы – о Бунюэле, англичане – о Лоренсе Даррелле, словом, это мог быть любой из тех, кто обжирался, напивался, бедствовал, распутничал, веселился, бесился и сочинял в довоенном Париже.

Какие тут описания еды, какие пьянки, драки, авантюры, романы! Какой дивный город, какая смешная страна, густое и жуткое время. На всем этом фоне невероятно обаятельный и гениально одаренный Генри занят только тем, чтобы вздрючить действительность, а потом впитать ее и выплюнуть из себя. И все ему сходит с рук, все прощается, потому что он – гений. Так считает Перле, в этом он страстно и очень эффективно убеждает читателя.

Книжка настолько хорошая, что на время ее чтения я и сама поверила в гениальность Миллера. Хотя и до, и после славословий Перле Миллер для меня – пустой звук.

Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов». – «Вагриус», Москва

Книга имеет подзаголовок «роман-комментарий». Роман занимает 60 страниц, комментарий – 276. Однажды комментатор допускает обмолвку, что на самом деле «Зеленые музыканты» написаны не в 1974-м, а вовсе даже в глубокие 90-е. Так и хочется в это поверить, но тогда придется признать, что литературно-мистификаторский талант Попова универсален почти по-борхесовски. Потому что роман и комментарий хоть и принадлежат перу явно одного и того же автора, но по качеству письма и степени стилистической свободы отличаются разительно.

В принципе, роман можно было бы вообще и не читать, ничего в нем интересного нет. Но поскольку комментарий, напротив, замысловат и остроумен, то приходится читать и роман. В качестве комментария к комментарию. Автор наверняка так и задумывал. Тема комментария – единственная возлюбленная навек героиня Евгения Попова ныне покойная Советская власть. Евгений Попов и сам понимает, что героиня его померла, поэтому неоднократно обращается в своем произведении к молодежи, добровольно беря на себя роли учителя истории и дедушки-ветерана.

Почему в послевоенные десятилетия появилось так много книг о войне? Потому что война была самым важным и поразительным коллективным опытом поколения, ее заставшего. Точно так же Советская власть стала главным событием и переживанием тех, кто при ней прожил большую часть жизни. Я часто думаю, какая же я счастливая женщина, что, с одной стороны, прекрасно помню Советскую власть в лицо, а с другой, еще в юном возрасте проводила ее в последний путь. Какая удача, что я и мои товарищи обладаем этим сокровенным знанием, позволяющим бесконечно радоваться непережаренной котлете в трактире, чистому сортиру в аэропорту, вечернему освещению в городах. Книжка Попова для меня была источником неиссякаемого жизнеутверждающего торжества – воспоминания и забвения. Я не могу не разделять оптимизма Попова, который в комментарии № 90 пишет: «Ну и хорошо – какая разница, кто в моей стране стал капиталистом, если капитализм в моей стране неизбежен?» При этом автор не забывает поименно назвать все возможные подлости и гадости СВ, от знаменитого совписовского негодяя Феликса Кузнецова или вызывающих у автора (и не только у него, а у всех, кто помнит) рвотный рефлекс газетных терминов «юмореска» и «изошутка» до нынешнего альянса партии, бандитосов и церкви.

Вы, может быть, скажете, что это паранойя. А вот и нет. Только человек, вскормленный СВ, может додуматься до такого: «...Народные герои советских анекдотов Василий Иванович Чапаев и бесфамильный Петька... ничуть не уступают двум пьяным дублинцам С. Дедалусу и

Л. Блюму, так как тоже находятся в состоянии перманентного уважительного диалога».

А моя любимая острота в книге сообщает о том, что нынешнее состояние России можно было бы сформулировать как «Переход Обломова через Штольца». Убей бог, не понимаю, что это значит, но, по-моему, очень смешно.

В. В. Похлебкин. Моя кухня. – «Центрполиграф», Москва

«Центрполиграф» издает собрание избранных произведений Вильяма Похлебкина. Прелесть данного тома состоит в необычайной исповедальности. По сути дела, это своеобразное евангелие от Похлебкина. Вильям Васильевич на страницах своей книги успеваешь высказаться решительно обо всем: о политике, об истории, об искусстве, о философии. Все это через призму еды.

«...Еда должна быть вкусной, из доброкачественных продуктов, и на нее не следует жалеть средств, на ней нельзя экономить. Сокращать свои потребности можно в другом: быть проще в одежде, не тратить на обстановку, мебель, развлечения». То есть вообще не тратить, никогда.

«Так чего можно было ждать от такого народа? Как он мог разобраться в политиках? Конечно, выбирал по внешним признакам: статный рост, красивая укладка седых волос, манеры „своего мужика в доску“. А о том, что скрывается под этой укладкой волос, какова сущность этого человека, совершенно не думали. Надо ли после всего этого удивляться, что не заметили нототению?» Нототения – это рыба.

Это прекрасная книга. Драматичная, увлекательная, волнующая до слез. Образ автора, добровольно подвергнувшего себя аскезе во всем, что не касается желудка, достоин романиста. Выписать бы нам сюда Зюскинда, свозить его в Подольск, познакомить с Вильямом Васильевичем, и мир обогатился бы книгой «Кулинар», не менее пугающей, чем «Парфюмер».

Марсель Пруст. Обретенное время. – «Наталис», Москва

В комментариях сказано, что, по собственному признанию Пруста, последняя глава эпопеи «В поисках утраченного времени» была написана сразу вслед за первой. А все, что их разделяет, – значительно позже. Вероятно, это так и есть: если сравнить первую главу «В сторону Свана» с последней главой «Обретенного времени», то завершенность и продуманность композиции становится очевидной. Если же читать эпопею подряд, ощущение этой очевидности утрачивается к началу четвертого тома.

Простота замысла обнаруживается в том, что Время можно обрести только через Искусство. Сейчас мы бы сказали «через культуру», но во времена Пруста понятие культуры было сугубо бытовым. Культура была лишь набором навыков, устоев, привычек – никак не набором устремлений. Говоря языком грубых сценарных синопсисов, «В поисках утраченного времени» – это история о том, как и через что главный герой эпопеи – юноша Марсель – приходит к решению стать писателем. История о том, как интеллигент постепенно начинает понимать, что обретенное время есть время пойманное, кем-то отображенное. Собственно, сам процесс написания эпопеи и есть обретение Времени.

Для тех, кто читал все предыдущие тома, сообщаю: это, может быть, не так прекрасно, как «Сван»; «Обретенное время» сложнее и деструктивнее, но зато это не хуже «Германтов» и, по моему мнению, значительно лучше «Пленницы». А похоже больше всего на «Содом и Гоморру», хоть и не так темпераментно.

«Обретенное время» впервые выходит на русском. В этом и заключается событие: до этого нам больше всего были известны довоенные переводы Франковского (которые некоторыми эстетами почитаются эталонными и с чем мы совершенно не можем согласиться, так как мы не эстеты какие-нибудь, а народ) и гениальные переводы Любимова. Нынешний перевод осуществлен А. Кондратьевым под редакцией Ольги Яриковой.

Переводчики прекрасно понимают степень ответственности перед читателями и предшественниками и снабжают предисловие всеми возможными реверансами и извинениями, называя свой перевод «попыткой». И перевод хорош, неожиданно хорош. После того, как

первым русским переводом был несколько лет назад изуродован Лоренс Даррелл, своего рода английский Пруст, читатель был вправе ждать всего самого худшего. Худшего, слава богу, не случилось, читать это можно, удовольствие испытывать можно, Пруст виден и почти не замутнен.

Но беда в том, что перевод Любимова, названный Ольгой Яриковой «неподражаемым», был не только неподражаем, но и конгениален оригиналу. И теперь нам, избалованным, чрезвычайно трудно с какими-то вещами смириться. Так, почти невозможно пережить выражение «типа Шарлю», в жар и холодный пот бросает от оборота «жил во мне все же некий персонаж...». Может, конечно, у Пруста и «персонаж» там жил, но в сегодняшней русской речи это слово имеет вполне внятный богемный оттенок. И не то чтобы герой Пруста Марсель не был совсем богемой. Но он безусловно не был советско-русской богемой конца XX века.

Вы можете сказать, что это ненужные тонкости. Но вообще-то ненужные тонкости – это и есть Пруст.

Н. Пунин. Мир светел любовью: Дневники. Письма. – «Артист. Режиссер. Театр», Москва

Фамилия Николая Николаевича Лунина будит в общественном сознании две с половиной ассоциации: первая – это Пунин как спутник, возлюбленный, гражданский муж Ахматовой, адресат многих ее стихов; вторая – скандал по поводу архива Ахматовой между наследниками Лунина и Л. Н. Гумилевым (по общепринятому приговору обе стороны в скандале вели себя недостойно, и мы в него вдаваться не станем); половина ассоциации – Пунин как историк искусства, нечто неясное, но пользующееся у искусствоведов уважением. Изданные ныне дневники и письма вводят в массовый культурный обиход очень существенные уточнения образа Пунина.

Отношение к Ахматовой как к великому русскому поэту давно уже наложило отпечаток культа на все высказывания о ней в мемуарной литературе. По сути дела, образ и характер Ахматовой сформированы в нашем сознании ее же окружением. Этому окружению мы обязаны в том числе и прохладным, если не осуждающим отношением к Пунину. Ахматова довольно долгое время прожила в доме Николая Николаевича уже по окончании их любовных отношений и даже после смерти Пунина. Естественно, что совместное проживание с женой Пунина, с которой он так и не решился расстаться на протяжении всего романа, не могло быть безоблачным. Были и ссоры, и периоды, когда никто ни с кем не разговаривал, и раздражение со стороны Пунина. Ахматовские почитатели повествуют об этом с неизменным горестным сочувствием к Ахматовой и безоговорочным осуждением Пунина. Не последнюю роль в такой устоявшейся уже трактовке сыграл знаменитый трехтомник Лидии Чуковской. И вот теперь опубликованы дневники с другой стороны, «с другого берега».

Пунин не только любил Ахматову с невообразимым для современного читателя напряжением всех духовных и эмоциональных сил – такой накал чувств вообще был свойствен людям той эпохи, – он очень страдал, очень мучился от этой любви. Не смея бросить жену, жалея ее и считая ее неспособной жить самостоятельно (что отчасти тоже было нередкой приметой любовных и семейных отношений того времени – достаточно вспомнить Бриков, Горьких, Буниных), он тем не менее не счел для себя возможным жить двойной жизнью. Анна Андреевна изменяла ему с первого года их романа и, что самое приятное, оповещала Николая Николаевича обо всех своих изменах. Может быть, поэтому в его поздней записи о том, что А. А. не имеет никакого представления о любви, что она никогда никого не любила, звучит не столько раздражение, сколько горечь. И, несмотря на эту горечь, а возможно, и благодаря ей, он сумел сохранить на всю жизнь чувство глубокого трепета перед Ахматовой.

Его обвиняли в связях с большевиками (весьма кратких и не помешавших двум его арестам и смерти в лагере), он был человеком сложным, тяжелым – но и в высшей степени достойным любви.

И он был чрезвычайно талантливым искусствоведом, писателем об искусстве. Чего стоит одно только между делом брошенное замечание, что модерн по отношению к предыдущим стилям искусства был своего рода буддизмом.

Эрих Мария Ремарк. Три товарища. Враг. Воинствующий пацифист. Письма, статьи, интервью. – «Гудьял-Пресс», Москва; серия «Гранд Либрис»

Несколько послевоенных рассказов Ремарка впервые переведены на русский. Переведены плохо. Несколько статей и интервью Ремарка, тоже впервые переведенных и чрезвычайно скупо откомментированных. Вступительная статья Виктора Васильева, пронизанная такой кристальной советской умильной глупостью, что слезы выступают на глазах. Вместо сносок в текстах почему-то скобки с примечаниями. Статья о Ремарке и его взаимоотношениях с Германией некоего Томаса Ф. Шнайдера без малейших пояснений, кто он, Томас Ф., такой. Типичный пример невоплощенного благого намерения. Хотя, если бы книга издавалась году эдак в 78-м, достать ее можно было бы только у спекулянтов.

Зато прекрасный переплет и дизайн. Зато отличный роман «Три товарища». Для подростков, но очень хорошо. Не все же им «Мастера и Маргариту» читать. Ремарк – очень серьезный писатель. В смысле серьезного отношения к миру. Что-то вроде Виктора Цоя. «Закрой за мной дверь, я ухожу...» – дальше сами знаете.

Почему-то еще лет десять назад Ремарка было принято ставить в один ряд с Хемингуэем.

Это все равно что Ерофеева (любого) со Львом Толстым сравнивать. И до сих пор, как видите, Ремарк по инерции ходит в классиках. Совершенно, надо сказать, зря. Это такая литература, которую можно читать, а можно и не читать – ничего вам за это не будет. Но своя польза в книжке есть: подарите ее либо маме на пятидесятилетие (они все как одна мечтали быть похожими на Пат), либо младшей сестре, чтобы отвлечь ее наконец от разговоров по телефону. Телефон вам и самим нужен.

Мария Рыбакова. Анна Гром и ее призрак. – «Глагол», Москва

Недавно у меня произошел следующий телефонный диалог.

– А мне нравится.

– А мне нет.

– А мне очень даже нравится.

– Да что же вам там нравится?

– Да все. И язык, и стиль, и сюжет. А вам-то что не нравится?

– Да вот язык, стиль, сюжет. Все не нравится. Хотя сама она прекрасная.

Это я разговаривала со своим приятелем, литературным критиком Львом Данилкиным. Он знает Марию Рыбакову, а я нет. Мне не повезло. Потому что Мария Рыбакова написала замечательный современный роман о любви и смерти. Ни много ни мало. Девушка, повесившаяся от неразделенной любви, пишет своему возлюбленному письма с того света. А потом она выпьет воды из Леты и все забудет. В пересказе все это выглядит пошлейшим образом. Как «Анна Каренина». «Ты жив, я мертва». Это первая фраза романа Марии Рыбаковой. Найти такую первую фразу – уже большая удача.

«Он поет по утрам в клозете» – так начинается «Зависть» Олеси. И в этой фразе уже есть все, что потом случится с Кавалеровым. В первой фразе Рыбаковой тоже есть все. Такая молодая (1973 г. р.), такая талантливая! Я сижу на завалинке в платочке и слезящимися глазами с умилением и восторгом смотрю на «племя молодое». Сложная, изящная, необыкновенно страстная проза, в которой героиня умершая значительно умнее героини прижизненной (а как тут иначе скажешь, не «живой» же, она ведь умерла), как и положено быть мертвым. Поразительные предположения (а как по-другому сказать, не «догадки» же, ведь она еще жива) автора о загробном мире. Образцово-показательные культурные аллюзии. Очень точно пойманный современный сюжет о молодом русском существе, пытающемся жить в Европе, не в эмиграции. Отчетливое сознание того, что юность это вульгарное мучение. Замечательный финал.

Что, спрашивается, еще можно пожелать для первого романа? Ну да, кое-где в середине композиция провисает, становится скучновато. Ну и что? Да, все о чувствах, без страха перед эстетским наморщенным носом. Строгий и чистый язык без выпендрежа. Данилкину это не нравится. А мне нравится.

Словарь-справочник для решения кроссвордов. Составитель Л. Э. Татьянок. – «Хэлтон», Минск

Мой муж вот уже десять лет помнит, что такое инвар. Это сплав железа с никелем. Нет, он не металлург и не химик. Просто инвар очень часто встречается в кроссвордах – удобное слово, начинается на гласную. Больше этот инвар нашей семье ни за чем не нужен.

«Словарь-справочник для решения кроссвордов» содержит больше 25 000 слов, распределенных по темам и расположенных по мере возрастания количества букв. В разделе отечественных композиторов последнее место занимает Соловьев-Седой, в нем 13 букв. Непонятно только, куда в кроссвордах девается дефис.

Но мир этой книги и в остальном непонятен и загадочен. Человек, который взял бы на себя труд выучить ее наизусть, никогда бы не узнал, что Салтыков-Щедрин написал «Историю города Глупова» и «Господ Головлевых». Зато ему стало бы известно, что Бах из трех букв не только немецкий композитор, но и «музыкант-исполнитель зарубежный» с пояснением «нем. органист». У писателя Вайнера из шести букв есть другая отличительная черта – он «братья». Турнюр – принадлежность женской одежды; китч – направление в искусстве «кон. 20 в.», как хотите, так и понимайте этот кон; среди народов Азии очень много из двух букв – ва, ли, ма, ну, ту, хо, шэ, яо. Где они все живут, не сказано. Или вот возьмем, например, восьмибуквенных писателей. Рядом с Платоновым из восьми букв стоит пояснение – «Чевенгур», «Котлован». А вот для Войновича из восьми букв пояснений нет. Почему? Бог его знает, такова логика кроссвордистов.

Хотя на самом деле это книжка не столько для кроссвордистов, сколько для тех, кто подглядывает в ответы и кроссворды вовсе не любит. А может быть, это такой марсианский разговорник. Я последнее время все больше нахожу книг, куда зашифровывают сведения о Земле для инопланетян. Все-таки они, видимо, травят нас специальными лучами через стены и особенно через краны в батареях, чтобы потом отдавать страшные приказы.

Максим Соколов. Поэтические воззрения россиян на историю. – В 2 т., «Русская панорама», Москва

В издательстве «Русская панорама» вышел двухтомник Максима Соколова «Поэтические воззрения россиян на историю». В первом томе, носящем название «Разыскания», статьи объединены в тематические разделы: «Прошлое», «Умы», «Война» и т. д. Второй том – «Дневники» – содержит еженедельные колонки Соколова.

Соколов давно признан самым блестящим русским публицистом нового времени. Но само устройство газетного листа таково, что мелкие соображения на нем крупнеют, а крупные, напротив, мельчают. Поэтому многие замечательные тексты Соколова временами казались сиюминутными – здоровыми, умными, но недолговечными репликами на злобу дня. Понадобилась книга для того, чтобы все встало на свои места. И теперь можно не сомневаться, что тексты Соколова останутся в русской литературе и русских библиотеках навсегда.

«Поэтические воззрения» нельзя назвать ни сборником очерков, ни историографией, ни публицистикой. Несмотря на то, что всем этим они, безусловно, являются. Мощь высказывания Соколова в его парадоксальной художественности, драматургичности. Написанные как энциклопедия правых взглядов и убеждений, «Поэтические воззрения», в особенности первый том, являются беллетристикой в самом высоком смысле этого слова. Здесь есть герой, есть развитие, есть драматичные повороты повествования, есть комические отступления. Другое дело, что героем, переживающим все эти повороты, является идея, отвлеченность, как в раннехристианских философских трактатах авторов вроде Боэция. Идея Соколова – здравый смысл.

Становясь героем, здравый смысл, *ratio*, одухотворяется. Переживание здравого смысла как эмоции в наших широтах становится тем более значительным, чем меньше его, здравого смысла, примет мы находим вокруг. Мысль как чувство, ум как душа, убеждения как религиозный порыв и даже своего рода подвижничество – все это делает книгу Соколова

беспрецедентным событием нашей культуры. Читая ее, испытываешь не только наслаждение, но и приступы удушья, то от смеха, то от слез.

Самым драматичным в «Поэтических воззрениях» чувством является патриотизм. Бесконечно обращаясь в своих текстах к историческим аналогиям, Соколов поначалу дает читателю возможность надежды на доброе разрешение российской истории. Здравый смысл, никогда не будучи у нас в почете, все же время от времени торжествует. К концу первого тома надежды у читателя не остается никакой. Последние сомнения в том, что нет ни малейших оснований для оптимизма, умирают в мучительных корчах на последних страницах тома.

Но сам характер дарования Соколова не позволяет остаться в отчасти даже сладостном унынии: второй том кишит таким количеством политических идиотов, что сама собой приходит мысль о невозможности длить и дальше этот маразм. По сути дела, автор предлагает читателю укрепиться сердцем, надеяться на добронамеренность Всевышнего, да и самому не плошать. Природа патриотизма по Соколову такова, что любить Родину надо с открытыми глазами, преодолевая ненависть и бессильную ярость в отношении ее многовековой мерзости; уважение к собственной стране и истории ничуть не исключает просвещенного презрения к ним же; отсутствие каких бы то ни было обольщений насчет будущего ни в коем случае не должно влечь к бездействию в настоящем. С точки зрения этики и морали это, собственно, и есть правая доктрина, и здравый смысл – пророк ее.

Особенно примечательной в книге Соколова кажется глубина и последовательность понимания требований к гражданину как частному лицу. Сдержанная и строгая манера взаимоотношений с властью, способность видеть себя и свои поступки со стороны, умение сочетать нравственность с прагматизмом – все эти довольно прозаические вещи производят сегодня совершенно ошеломляющее впечатление.

Чувство долга есть не что иное, как одна из форм понимания одиночества. Того тотального одиночества, которое не позволяет договориться людям, связанным кровным родством, узами дружбы или любви, единым кодексом вкуса, еще чем. Человеку доступны лишь две возможности разделенного переживания – сексуальная и религиозная. Обе кратковременны, экстатичны и совершенно немислимы как способ самоорганизации общества. Ни бордель, ни монастырь не являются моделями мира, но лишь слабо отражают его двойственность.

Между тем в России взаимоотношения граждан с властью носят такой страстный характер, который иначе как сексуально-религиозным не назовешь. И все обиды на власть, претензии к ней, отвержение ее или принятие объясняются всегда жаждой разделенного переживания. Соколов поражает именно тем, что четко и бестрепетно отделяет свое индивидуальное понимание гражданского долга от какой-либо страсти и соборности. Два главных антигероя «Поэтических воззрений» – Лужков и Явлинский – не вызывают у протагониста-автора ни гнева, ни ненависти, ни садистического влечения, одну лишь брезгливость да насмешку. Дума, президент, бесчисленные премьер-министры, правительства и кулуарные интриганы – все является лишь поводом для напряженной внутренней работы. Цель этой работы – воспитание в себе и читателе стойкого иммунитета, сопротивляемости абсурду, глупости и легкомыслию.

Этот лохматый и бородатый человек, любящий тяжелую русскую кухню и не менее тяжелую русскую водку, проводящий много времени в деревне, одержимый книгочей и гонитель постмодернизма с политкорректностью, является тем не менее подлинным русским европейцем. Может быть, единственным.

Даниэла Стил. Ранчо. – «АСТ», Москва

Если вы – беременная женщина, то эта книга для вас. А если вы – композитор Десятников, то она не для вас.

Даниэла Стил – мать восьмерых детей, писательница-миллионерша, и по тиражам, и по состоянию финансов. Она пишет восхитительные романы-сериалы, рядом с которыми Джеки Коллинз – Лев Толстой. Как и все авторы женских романов, Стил подробно описывает наряды своих героинь. Но вот в чем она новатор, так это в том, с какой подробностью она описывает

интерьеры: занавески, пуфики, карнизы, кресла, коврики, краники – все находит себе место на этих трепетных страницах.

Три подруги потерпели крах в семейной жизни и поехали на ранчо, где нашли свое счастье. Одна, правда, в итоге вернулась к мужу. Зато другая – поп-звезда, а третья заболела СПИДом. Есть герой-ковбой, есть герой-писатель. Писатель особенно хорош. Во-первых, как и всякий писатель, он сразу восклицает «Прекрасный сюжет!» по любому поводу. Во-вторых... Да что тут говорить, лучше процитируем: «Он ни дня не проводил без строчки, где бы ни очутился, как бы себя ни чувствовал, в какие бы условия ни попал. Всего раз он сделал перерыв – когда умирала Маргарет». Маргарет – это его жена. Ради нее он был готов на подвиг.

Но не только писатель умен, его возлюбленная (та, которая потом к мужу вернулась) тоже совсем не дура. Вот как она во внутреннем монологе оценивает его славу и успех: «В данный момент две книги Боумана числились среди бестселлеров: одна в твердой и одна в мягкой обложке». Это чистый авангардизм! Давно пора характеризовать книги по типу обложки. Начнем прямо сейчас.

«Ранчо» – это бестселлер в мягкой обложке.

Дороти Л. Сэйерс. Кто ты? – «Пеликан», Москва; серия «Клуб женского детектива»

Знаете, что стало графическим символом серии «Клуб женского детектива» издательства «Пеликан»?

Скважина. Простая замочная скважина. Как хотите, так и понимайте, привет вам от дедушки Фрейда.

Дороти Сэйерс у нас переводили и как Сайерс, и как Соьерс. А в моем учебнике английского языка было несколько отрывков из ее романов, так что с детства я привыкла считать ее одной из звезд этой скважины, женского классического детектива. Все у нее очень английское, лорд Питер Вимси со своим камердинером коллекционирует книги и расследует преступления. Совершеннейшие «Дживз и Вустер» Вудхауза, который, кажется, прямо ее пародировал. Пародировать там есть что, потому что в романе «Кто ты?» любой чуть-чуть искусленный читатель детективов догадается о личности убийцы в первой четверти романа.

Но не в романе дело. Я хочу спеть гимн нашим переводчикам, их редакторам, их издателям. Переводчица романа Сэйерс Л. Володарская решительно ничем не выделяется на фоне своих не менее даровитых коллег, за исключением одной фразы: «Мой друг снял с ее (девушки. – Д. С.) плеча платье, а девушка смеялась...» Я размышляла над этим предложением несколько суток, пытаюсь представить себе эту странную картину. Я надевала платье и просила мужа снять его у меня с плеча, но ничего из этого не выходило, платье надо было снимать через голову. Потом я просто вешала платье себе на плечо и брала его оттуда, но так и не могла понять, ни зачем мне было его вешать на плечо, ни что в этом смешного. Примерно на пятые сутки этих упражнений мне пришла в голову простая мысль: девушка, наверное, смеялась, потому что она была больная. Жаль, что в романе она больше не встречается, и мы так никогда и не узнаем, что это была за болезнь.

Тэффи. Проза. Стихи. Пьесы. Воспоминания. Статьи. – Издательство Русского Христианского гуманитарного института, Санкт-Петербург

Маленький мальчик днем слышал незнакомое ему слово «бакалавр». Ночью ему снится сон: «Он вошел в большую пустую комнату, в которой уже несколько раз бывал во сне. Там стоял странный господин с длинным овечьим лицом, симпатичный и немножко сконфуженный. Он держал в руке распоротую подушку и ел из нее перья, выгребая полными горстями. Ясное дело, что это и был бакалавр». И это ведь цитата из одного из самых грустных ее рассказов – из «Оленя».

Какая она все-таки была особенная! У Тэффи много есть неудачных вещей – это участь любого регулярно пишущего журналиста. И есть совершеннейшие шедевры, какие можно встретить только у очень большого писателя. Она была невероятно, сказочно популярна. Но ни на одно мгновение популярность не застила ей зоркого, пронизательного и холодного взора.

Приведенные в новом сборнике рассказы о большевистском Петрограде поражают больше всего тем, что в них есть и подлинное понимание причин большевистской победы, и злая горечь от справедливости подобного поворота судьбы. Она очень хорошо знала Россию.

Пьесы у Тэффи довольно средние. Зато замечателен ее очерк о Распутине. Несколькими быстрыми штрихами, без оценок, приговоров и причитаний, Тэффи дает в нем такой убийственный портрет Василия Розанова, который стоит многих томов мемуаров.

Тэффи была тщеславна и наверняка гордилась бы своей сегодняшней славой, превзошедшей славу ее друга и соперника Аверченко. Но она была еще и очень культурным образованным человеком, и боюсь, что задохнулась бы от бешенства, прочтя нынешнее издание. Количество опечаток в нем не поддается никакому разумному объяснению. Правда, есть странная закономерность, что, как только в названии издательства фигурирует слово «гуманитарный», о грамотности и корректуре можно не вспоминать. Из этой закономерности Надежда Лохвицкая сделала бы восхитительный скетч.

Макс Фрай. Идеальный роман. – «Азбука», Санкт-Петербург; серия «Новая азбука»

Муж моей приятельницы был когда-то молодым писателем (был, потому что сейчас он, кажется, перегоняет машины из Германии) и обладал редким тогда достоинством в виде портативной пишущей машинки «Unis», югославского, по-моему, производства. Однажды в его рабочий кабинет зашел его тесть, отец моей приятельницы. С завистью глядя на юное дарование, тесть грустно произнес: «И все у него есть – и unis, и penis...»

Вот и у Макса Фрая все есть. Хотя насчет последнего я как-то сомневаюсь. Потому что все вроде есть – и ум, и образование, и некоторая даровитость, и остроумие, и компьютер вместо машинки, – а вот чего-то вроде как и нет.

«Идеальный роман» – это названия и финальные абзацы несуществующих литературных произведений всех возможных жанров.

Тут тебе и анекдот, и фэнтези, и детектив, и русская классика. Вот, например, жанр фантастики: «ПРЕОБРАЖЕНИЕ (Современная русская фантастика). Бидэнко взял Марину за руку. Рука была живая и теплая. Настоящая рука. И они пошли домой». Или вот женский роман: «ЗА ДВЕРЬЮ. Я думала, что смогу остаться здесь надолго, если не навсегда. Выходит, я ошибалась». Ну и так далее. Остроумно? Вполне. Местами даже очень смешно. Со стилизаторством все в порядке.

И если бы не послесловие, я бы, наверное, так и не догадалась, чего все-таки не хватает Максиму Фраю. В послесловии автор подробно и кокетливо объясняет читателю всю пагубу привычки к чтению, все ловушки, которые расставляет ему литература, все его, читательское, простодушие. Завершает послесловие вот какой абзац: «Вы – соль земли, и пока вы бестолково шляетесь по иллюзорным миркам, ненадолго извлеченным из старой шляпы пройдохи-фокусника, в нашей глупой писательской жизни есть хоть какой-то смысл. Я люблю вас».

Во-первых, это пошло. Во-вторых, высокомерное разделение мира на писателей и читателей противоположно всем декларируемым устремлениям автора. В-третьих, именно этим автор выдает себя с головой. Максиму Фраю очень хочется писать настоящую большую литературу. С героями, страстями, экспериментами. Но очень боязно – а вдруг не получится? вдруг злые критики засмеют? вдруг в Интернете обругают?

Писатель, которому не хватает смелости, – это не писатель. Это трус. А скорее всего – трусиха.

Наталья Шмелькова. Во чреве мачехи, или Жизнь – диктатура красного. – «Лимбус Пресс», Санкт-Петербург

Я убеждена в том, что рано или поздно книгу Венедикта Васильевича Ерофеева «Москва-Петушки» будут изучать в школе. Хотя бы поэтому стоит купить мемуары Шмельковой, треть из которых посвящена Ерофееву.

Наталья Шмелькова, химик по профессии и архивариус по призванию, собрала отрывки

из собственных дневников, бесед и писем к ней нескольких важных фигур литературно-художественной жизни 70-80-х годов. Фигур этих пять: Ерофеев, поэт Леонид Губанов, художники Евгений Кропивницкий, Анатолий Зверев и Владимир Яковлев. Первый и последний – очевидные гении, трое остальных – легендарные персонажи московской богемы.

Московская богема сама по себе не является самым интересным предметом на свете, и пристальное изучение ее вызывает довольно неожиданные желания – например, помыться, почистить зубы, сделать зарядку, завязать с выпивкой. Если бы книга Шмельковой представляла собой просто серию очерков этого явления, я бы ни в коем случае не стала вам ее рекомендовать. Но есть несколько причин, по которым мне бы ужасно хотелось, чтоб вы ее прочли.

Первая причина – личность автора. Конечно, говоря об авторе, мы всегда имеем в виду тот персонаж, который предстает на страницах книги. Так книга Ивинской о Пастернаке читателю несведущему представляет вполне прелестную женщину, весьма мало подходящую к той страшной репутации, которую Ивинская имела среди знакомых. Репутация Натальи Шмельковой мне неизвестна, но та Шмелькова, которую видишь в книге, вызывает огромную симпатию, уважение. Наталья Шмелькова была последней любовью Венедикта Васильевича. Любовью сильной и мучительной, все три года контролируемой женой писателя, Галиной. Когда читаешь дневники Шмельковой, то и дело хочется процитировать поговорку критика Ларисы Юсиповой: «Бедные все!» Но Ерофеева Шмелькова любила, и в этом случае жертвенность вынуждена. Что же касается Яковлева или Зверева, общение с которыми по разным причинам, но в одинаковой степени было тяжким трудом, становится понятно, что это уже характер.

Второй причиной является естественное, на мой взгляд, желание знать любые подробности жизни большого писателя. В книге Шмельковой, по счастью, есть не только подробности, но и очень выразительный его портрет.

Третья причина – душераздирающий и устрашающий образ замечательного художника Анатолия Зверева. Не ходите, дети, в Африку гулять: не любите богему, не стремитесь в нее, держитесь от нее подальше. Слава богу, прошли те годы, когда считалось, что гений не только может, но фактически обязан быть немножко скотиной.

Четвертая причина, по которой стоит читать Шмелькову, убедительный и яркий очерк времени. Любая глава из книги – готовый киносценарий. Например, история Леонида Губанова, поэта, убежденного в своей гениальности. В ней убеждено и все его окружение, в том числе и Шмелькова. В книге приведены стихи Губанова. Вполне себе стихи. Черт его знает, может, и гениальные. Но значения это не имеет. Губанов прожил жизнь, как гений (то есть пил и буянил), был диссидентом, лежал в Кащенко и умер в тридцать семь лет. Для того, чтобы стать легендой, этого было вполне достаточно. Такие были времена.

Умберто Эко. Остров накануне. – «Симпозиум», Санкт-Петербург; серия «Ex Libris»

Роман 94 года только что переведен Еленой Костюкович. Продается очень хорошо – Умберто Эко у нас любят. Совершенно непонятно почему.

Несколько лет назад Питер Гринуэй устроил выставку в Голландии. Экспонатами были самые разные предметы – рекламные постеры «Бенеттона», факс-машины, какие-то горшки, голая Тильда Суинтон, лежащая в витрине, одежда, рисунки. Разглядывая каталог, я с особым усердием вперилась в витрину с телефонами и факсами. Воображала, как через тысячу лет какие-то совершенно неведомые люди будут рассматривать эти предметы с той же смесью этнографического презрения и умиления, с какой мы разглядываем скифскую посуду. Какое неприятное представление о нашей пластмассовой культуре должно сложиться у потомков!

Но это только если верить Гринуэю. Всякая реконструкция – хоть будущего, хоть прошлого – хороша как подвиг или игра (впрочем, это одно и то же) мысли. И совершенно бесполезна с иррациональной точки зрения, с точки зрения сердечного трепета перед тем, чего не знаешь доподлинно, чего не видел своими глазами. Поэтому никак нельзя исключить того, что от нашего времени до потомков дойдут не телефоны, а, например, мышеловки, конструкция которых не менялась века с шестнадцатого.

Это я к тому, что роман Умберто Эко – про барокко и из барочных текстов составленный – всего лишь авторская версия барокко. Все составляющие – это каталог современных университетских штудий о стиле барокко. Пышные сочетания высокого и низкого, путешествия и кораблекрушения, осады и вылазки, экстазы и глумление, символы, сказки, сны, остроты – если бы вы знали, какая тоска жевать этот громоздкий свадебный торт! Я абсолютно уверена, что специалисты по барокко и маньеризму получают большое удовольствие от игры цитатами и смыслами, от маленьких открытий и маленьких ошибок. Но беда в том, что, согласно воле автора, произведение не снабжается комментарием, дабы не забивать наукой головы ширнармасса, которые должны с напряжением следить за сюжетом.

Я типичная ширнармасса. Я очень люблю «Имя розы». «Маятник Фуко» нравится моему папе, тоже читателю скорее типичному (папа, прости!). И вот мы оба сошлись на том, что «Остров накануне» – скука смертная. Дело даже не в стиле, хотя барочные тексты вообще трудно читать, а уж стилизованные да еще переведенные – втройне. Я провела несколько томительно-горьких часов, размышляя над смыслом фразы: «Кисть природы ступевала линию закроя и глазоому блазнились туманные далекие веси». Правда, похоже на Бурлюка? Я так и не поняла, что имелось в виду. Но, возможно, я не права, возможно, это надо читать со словарем. В своем читательском смирении (а может, это была критическая гордыня) я даже дня два лелеяла в себе убеждение, что чтение должно быть работой, трудом. На третий день чтения Эко эта возвышенная идея завяла. Погубило ее простое соображение: для меня-то это работа, мне за нее деньги платят. А вам-то за что страдать?

P.S. МОЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Адажио

Скучно, господа. Зима, ничто не радует. Темень, мокрый снег, кругом ненужность, отвращение. А Горький у Белорусского вокзала, как утешение бездарности, стоит среди грязи – неизменный, национальный, навсегда. Мрачно все. Нет мне успокоения. Тоскую и думаю: как же это получилось? Отчего мне душно, тяжело здесь? Целый год держалась, держалась, и вдруг – накатило. И праздники предстоящие, и достигнутые финансовые успехи, и долгожданная слава – все, все оказалось не то, ни к чему. Куда я стремилась, на что тратила силы, молодость, способности? Неужто для этого я родилась на свет? Для этих вот писем, звонков, признаний? Для этой легко и дешево доставшейся мне популярности? Для лютой зависти коллег? Для бесконечных похвал начальства? Неужели я родилась для денег? Для этих несметных, нечеловеческих денег, ставших ничтожными, как только я продала за них свой талант? На что променяла я свою свободную бедность, свое право на презрение к людям?

И что, теперь всегда так будет?! До самой смерти должна я буду, что ли, излучать этот идиотический оптимизм, жизнеутверждающую глупость, забавлять всех, уговаривать, что все будет хорошо, что не надо обращать внимания, что надо немного потерпеть? А жить-то когда? Кто-нибудь вообще за это время поинтересовался, как я сама живу? Хорошо ли, уютно ли мне? А ведь я довольно интересный человек. И в жизни моей было ой как много поучительного и трудного!

И вот, глядя на этот унылый пейзаж, на обреченность, исходящую от вас, я думаю: быть может, если бы вы знали, как сложилась моя жизнь, что я выстрадала, как много мне довелось увидеть и испытать, – быть может, вы бы по-другому себя вели, не совершили бы столько непоправимых ошибок, столько дурных дел, бессмысленных жестокостей. Вы бы поняли, что всегда надо оставаться человеком. Что даже в горе, в недовольстве собой и другими можно найти зерно созидания, жизнестроительства. Вы устыдились бы и не стали бы вгонять меня в эту страшную тоску, в это ощущение безнадежности. Ведь даже в самые страшные минуты своей жизни, пережив то, что и врагу не пожелаешь пережить, я не озлобилась, не замкнулась в себе, я несла добро в этот мир.

А тут вы со своими постными лицами и бесконечными требованиями, претензиями. С письмами и звонками, с просьбами об автографах, с советами, о чем еще я должна написать. С этим вечным ожиданием веселья, развлечений. То, что было моей доброй волей, вы вменили мне в обязанность: бесконечно призывать вас взять себя в руки, уговаривать вас не бить детей и закусывать после каждой рюмки!

Сколько же еще это будет продолжаться? Меня никто никогда не развлекал, не уговаривал, не призывал и не веселил. Я все делаю сама. Хотя живется мне намного тяжелее вашего. И сейчас я предпринимаю последнюю попытку. Я не буду вас больше веселить, я просто расскажу вам свою жизнь. Если и это не научит вас мужеству, согласию с человеческой долей, достоинству – что ж, тогда вы безнадежны.

Мои родители

Мой отец по профессии кинорежиссер. За последние двадцать лет он не снял ни одного фильма, поскольку ему не нравится само это занятие. Это вообще довольно типично для него: сначала решить что-нибудь, а потом уже думать, нужно ли. По такому же принципу он завел себе много детей. Нас в семье четверо: три дочери и один сын. Всех четверых отец ненавидит. Мы это знаем и жалеем отца. Мы привыкли уважать его за мужество: все это время он сдерживается и пытается убедить себя, что у него очень милые дети и что он их любит.

Моя мать была одной из известнейших московских красавиц. До сих пор лицо ее сохранило явные следы этой красоты. Так, например, рот у нее расположен не как у всех людей – прямо под носом, – а несколько левее носа. Это придает ее лицу непередаваемое очарование. По роду занятий она актриса. Много лет мама исполняет роль императрицы Марии Федоровны в спектакле «Павел I» Театра Российской Армии и говорит с немецким акцентом.

Брак этих незаурядных людей не был счастливым. Они расстались, когда мне было шесть лет. Каждый из них нашел покой в новой семье. Мой отчим – тихий добрый человек с выпученными глазами и довольно редкой бородой. У него язва, камни в почках и золотые руки. Мачеха моя, донская казачка по происхождению, много лет держит в страхе всю семью. Чистоту она любит существенно больше, чем людей, поскольку от людей она в жизни ничего хорошего не видела.

Мое детство

Детство свое я провела в коллективе. Сначала это был пятидневный детский сад. Моя подруга Люда Дзюбенко, когда я в шутку прокусила ей руку, донесла на меня воспитательнице Раисе Ивановне, и меня поставили перед всей группой с намазанными зеленкой губами. Единственный мальчик, влюбившийся в меня в этот период, звался Паша Козлов и все время какался.

В школьные годы я сменила в общей сложности семь школ. Три из них особенно мне запомнились. Первой запомнившейся школой был интернат для детей с искривлением позвоночника. Занимались мы лежа, спали в гипсовых кроватках и носили корсеты, страшно натиравшие подбородок. Воспитательница Валентина Георгиевна не уставала повторять нам, что пришла сюда работать из-за трехразового питания. Единственную еврейку в классе, девочку Вику, мы заставляли плясать голой в спальне по ночам. В интернате у меня появились вши.

Второй запомнившейся школой была русская школа в городе Таллине в районе Ыйсмяэ. Там я выучила шуточную эстонскую песню «Пиль-пиль-тирилиль». В эстонском языке двенадцать падежей. Мы их учили.

Последней школой была, собственно, та, которую я закончила. В ней мне три года пришлось проучиться в одном классе с Панюшкиным. Параллельно я много ездила в пионерские лагеря. В лагере Военно-морского флота я была влюблена в Витю Кравченко. Он был ниже меня на две головы и любил мою подругу Свету Мамедову. Света Мамедова никого не любила, потому что ее развращал отчим. В лагере пионерского актива мне не дали звания инструктора по шрифту: я плохо писала. Там же влюбилась в Мишу Кудашова. Он сильно

косил, правый глаз у него почти совсем ничего не видел. Зато левым он отлично видел, что я в него влюблена, и смеялся надо мной.

В школе, где я училась с Панюшкиным, я была влюблена в Мишу Файнберга. Но он любил мою подругу Инну Дубянскую. Потому что они оба были евреями, а я – нет. Миша сейчас в Америке. Инна в Израиле. А я все здесь.

Мои университеты

После школы я поступила на филфак МГУ на вечернее отделение. Из-за мучительного романа с женатым пожилым человеком мне пришлось уйти из дома. Я работала сначала лаборанткой по химии в школе, а потом секретарем отдела социальных проблем в газете «Социалистическая индустрия». Жила я у друзей – то у одних, то у других.

Из-за академической задолженности мне пришлось уйти с филфака МГУ и перевестись на заочное отделение театроведческого факультета ГИТИСа. Его я тоже не закончила.

У меня нет высшего образования.

Моя работа

Уйдя из «Социальной индустрии», я устроилась на киностудию «Мосфильм». Работала редактором в объединении «Круг» Сергея Соловьева. Мой отец в тот момент исполнял обязанности первого секретаря Союза кинематографистов, и Сергею Соловьеву нравилось, что у него работает дочь такого важного человека. Я была влюблена в Сергея Соловьева, но он в тот момент был женат на Татьяне Друбич, да и вообще оказался не очень хорошим человеком.

Затем я бросила работу и уехала в Ленинград. Там я вышла замуж, родила ребенка, но вскоре опять пошла работать. Работала на Ленинградском телевидении. У меня даже была своя программа, но она никому не нравилась, и мне пришлось уйти оттуда.

Потом я встретила режиссера-документалиста Алексея Учителя и стала работать у него сценаристом. Мы сделали с ним две документальные картины и одну игровую. Все три фильма успеха не имели. Год назад мы с ним написали сценарий про Бунина. Мне присудили за него премию в Америке, но денег я так и не получила. Недавно узнала, что меня как сценариста выдвинули на премию «Зеленое яблоко, золотой листок». Это премия для молодых кинематографистов. Мне ее не дадут.

Теперь я работаю в журнале «Столица». Посмотрим, чем это кончится.

Мои друзья

У меня много друзей, в основном мужчин, но есть и подруги. Мою лучшую подругу зовут Ирина Миглинская. Это очень худая крикливая женщина. Она любит тухлое сало и варит из него борщ. Также я дружу с Катей Метелицей. Это женщина маленького роста, практически гном, совершенно слепая.

В Петербурге я очень подружилась с композитором Леонидом Десятниковым. Ему тоже никогда не дают никаких премий. Зато с ним можно говорить обо всем, включая действие кишечника. Большая часть моих друзей-мужчин живет в Москве.

Я горжусь своей дружбой с Александром Тимофеевским. Это очень умный человек. Всю жизнь он ест только вареную колбасу и майонез. Своим другом я считаю и Сергея Мостовщикова. Это живой, жизнерадостный человек, почти калека. В последние месяцы я сильно привязалась к Олегу Алямову. Мы с ним работаем в одной комнате. Олег лыс и очень некрасив, и иногда, оторвавшись от компьютера, я смотрю на него почти с физической болью. Олег татарин.

Одним из любимейших моих друзей является Андрей Орлов. Андрей очень остроумный мужчина. Он никогда не спит и не переодевается. Андрей русский. Мои друзья часто предают меня, "но я на них не обижаюсь. Я знаю, что им просто не очень повезло в жизни.

Моя внешность

Я немного кривобока и в последнее время стала полнеть. Но мне кажется, что это ничуть не портит меня. Рост у меня 1 метр 82 сантиметра, но я сильно сутулюсь и от этого кажусь не такой уж высокой. У меня довольно жидкие волосы, небольшие серые глаза, нос уточкой и желтые, с детства больные зубы. Я грызу ногти. Я слабая и неспортивная. Поднимаясь на четвертый этаж, я сильно задыхаюсь. От частого употребления спиртного кожа у меня приобрела желтоватый оттенок.

Как женщина я нравлюсь только лысым старикам.

Аллегро модерато

Возможно, у вас жизнь сложилась еще хуже, чем у меня. Вывод из этого только один: вы должны радоваться ей ровно во столько же раз больше, во сколько она хуже. И прекратите, ради бога, ходить по Москве с угрюмыми лицами и требовать счастья!

Не расстраивайте меня!

И без вас тошно!

P. S. В сущности, я совершенно счастлива. «Столица», 22.12.1997